

ISSN 2782-3660
eISSN 2782-3679

VERSUS

Res publica
и диалектика публичности
Том 2 #5 2022

Павел Арсеньев
Вальтер Бенъямин
Илья Будрайтскис
Елена Вивич
Александр Вилейкис
Дарья Журкова
Олег Ларионов
Филип Петтит
Игорь Родин
Светлана Стивенсон
Виктор Шнирельман

VERSUS

TOM 2 №5 2022

VERSUS

Издается с 2021 года, выходит 6 раз в год

ISSN 2782-3660, eISSN 2782-3679

Учредители — Илья Калинин, Данила Расков

Издатель — Фонд «Институт экономической
политики имени Е. Т. Гайдара»

Том 2 № 5 2022

Главный редактор *Илья Калинин*

Шеф-редактор *Валерий Анашвили*

Заместители главного редактора *Данила Расков, Артем Смирнов*

Заведующий редакцией *Яков Охонько*

Ответственный секретарь *Анна Лаврик*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Елена Гапова (Каламазу, США), *Артемий Магун* (Санкт-Петербург, Россия), *Кевин Платт* (Филадельфия, США), *Нина Савченкова* (Санкт-Петербург, Россия), *Ирина Сироткина* (Москва, Россия), *Михаил Соколов* (Санкт-Петербург, Россия), *Николай Ссорин-Чайков* (Санкт-Петербург, Россия), *Анна Темкина* (Санкт-Петербург, Россия), *Альмира Усманова* (Вильнюс, Литва), *Игорь Чубаров* (Тюмень, Россия), *Кети Чухров* (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Владимир Автономов (Москва, Россия), *Борис Гройс* (Нью-Йорк, США), *Сергей Дробышевский* (Москва, Россия), *Елена Здравомыслова* (Санкт-Петербург, Россия), *Виктор Мазин* (Санкт-Петербург, Россия), *Михаил Маяцкий* (Лозанна, Швейцария), *Виктор Мизиано* (Москва, Россия), *Юлия Синеокая* (Москва, Россия), *Игорь Смирнов* (Москва, Россия), *Александр Степанов* (Санкт-Петербург, Россия), *Сергей Ушакин* (Принстон, США), *Олег Хархордин* (Санкт-Петербург, Россия), *Михаил Ямпольский* (Нью-Йорк, США)

Литературный редактор *Алла Горбунова*; выпускающий редактор *Елена Попова*; дизайн *Сергей Зиновьев*; верстка *Анастасия Меерсон*; обложка *Владимир Вертинский*; корректор *Ольга Черкасова*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–81050 от 30.04.2021

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования
и экспертного отбора

Тираж 500 экз.

E-mail редакции: versusjournal@gmail.com

ВКонтакте: vk.com/versusjournal

125993, Россия, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1

© Фонд «Институт экономической политики
имени Е. Т. Гайдара», 2022

www.iер.ru



Содержание

RES PUBLICA И ДИАЛЕКТИКА ПУБЛИЧНОСТИ

Что такое свобода. Беседа <i>Александра Вилейкиса</i> с <i>Филипом Петтитом</i>	6
<i>Светлана Стивенсон</i> . «В чем был смысл этого театра абсурда?» Собрания по проработке в позднем СССР	15
<i>Олег Ларионов</i> . История республиканской традиции в России	41

ТРАЕКТОРИИ ПОДВИЖНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

<i>Елена Вивич</i> . Симптом и свидетельство: феминизм как разновидность психоанализа	51
<i>Дарья Журкова</i> . Артисты советской эстрады в российских сериалах: интеграция драматургических моделей психо- и социобиографии	91
<i>Игорь Родин</i> . Калькирование языка и субъект-калька как формы трансгуманистической безответственности	111

ШТУДИИ

<i>Виктор Шнирельман</i> . Великие даты, или Как государственная политика памяти конструирует историю	124
<i>Илья Будрайтскис</i> . Параноидальный стиль в российской политике	152

БЕНЬЯМИН. DAS PASSAGEN-WERK IN PROGRESS

<i>Вальтер Беньямин</i> . Конволют С: Античный Париж, катакомбы, снос зданий, закат Парижа	162
--	-----

ОБЗОРЫ

<i>Павел Арсеньев</i> . Время и материальность чтения	193
---	-----

VERSUS

Published since 2021, frequency — six issues per year

ISSN 2782-3660, eISSN 2782-3679

Vol. 2 #5 2022

Establishers — Ilya Kalinin, Danila Raskov

Editor-in-chief *Ilya Kalinin*

Managing editor *Valery Anashvili*

Deputy editors-in-chief *Danila Raskov, Artem Smirnov*

Head of editorial staff *Yakov Okhonko*

Executive secretary *Anna Lavrik*

EDITORIAL COUNCIL

Igor Chubarov (Tyumen, Russia), *Keti Chukhrov* (Moscow, Russia),
Elena Gapova (Kalamazoo, USA), *Artemy Magun* (St. Petersburg, Russia),
Almira Ousmanova (Vilnius, Lithuania), *Kevin Platt* (Philadelphia, USA),
Nina Savchenkova (St. Petersburg, Russia), *Irina Sirotkina* (Moscow,
Russia), *Mikhail Sokolov* (St. Petersburg, Russia), *Nikolai Ssorin-Chaikov*
(St. Petersburg, Russia), *Anna Temkina* (St. Petersburg, Russia)

EDITORIAL BOARD

Vladimir Avtonomov (Moscow, Russia), *Sergey Drobyshevsky* (Moscow,
Russia), *Boris Groys* (New York, USA), *Mikhail Iampolski* (New York, USA),
Oleg Kharkhordin (St. Petersburg, Russia), *Victor Mazin* (St. Petersburg,
Russia), *Michail Maiatsky* (Lausanne, Switzerland), *Viktor Misiano*
(Moscow, Russia), *Serguei Oushakine* (Princeton, USA), *Julia Sineokaya*
(Moscow, Russia), *Igor Smirnov* (Moscow, Russia), *Alexander Stepanov*
(St. Petersburg, Russia), *Elena Zdravomyslova* (St. Petersburg, Russia)

Literary editor *Alla Gorbunova*, executive editor *Elena Popova*,

design *Sergey Zinoviev*, layout *Anastasia Meyerson*,

cover *Vladimir Vertinskiy*, proofreader *Olga Cherkasova*

E-mail: versusjournal@gmail.com

VK: vk.com/versusjournal

Certificate of registration ПИ № ФС77–81050 от 30.04.2021

All published materials passed review and expert selection procedure

© Gaidar Institute Press, 2022 (www.iep.ru)

Print run 500 copies

Contents

RES PUBLICA AND THE DIALECTICS OF PUBLICITY

What is Liberty. <i>Alexander Vileykis</i> in conversation with <i>Philip Pettit</i>	6
<i>Svetlana Stephenson</i> . "What Was the Meaning of This Theatre of Absurdity": Public Shaming Meetings in the Late USSR	15
<i>Oleg Larionov</i> . History of the Republican Tradition in Russia	41

TRAJECTORIES OF FLUID SUBJECTIVITY

<i>Elena Vivich</i> . Symptom and Evidence: Feminism as a Form of Psychoanalysis	51
<i>Daria Zhurkova</i> . Soviet Pop Artists in Russian TV Series: Integration of Dramatic Models of Psycho- and Socio-Biography	91
<i>Igor Rodin</i> . Calquing within Language and Subject-Calque as Forms of Transhumanist Irresponsibility	111

STUDIES

<i>Victor Schnirelmann</i> . Great Dates, or How State Policies of Remembrance Construct History	124
<i>Ilya Budraitskis</i> . The Paranoid Style in Russian Politics	152

BENJAMIN. DAS PASSAGEN-WERK IN PROGRESS

<i>Walter Benjamin</i> . Convolute C: Ancient Paris, Catacombs, Demolitions, Decline of Paris	162
--	-----

REVIEWS

<i>Pavel Arseniev</i> . Time and the Materiality of Reading	193
---	-----

Что такое свобода

*Беседа Александра Вилейкиса
с Филипом Петтитом*

Филип Петтит. Принстонский университет (PU), США; Австралийский национальный университет (ANU), Канберра, Австралия, ppettit@princeton.edu.

Александр Вилейкис. Алматы Менеджмент Университет (AlmaU); Алма-Ата, Казахстан, alexandro.vileykis@gmail.com.

Разговор с Филипом Петтитом о свободе. Эта кажущаяся тривиальной тема до сих пор остро проживается огромным числом людей. Обращаясь к различным историческим эпохам, политическим режимам и на примере разных социальных групп, Петтит демонстрирует различие между «естественными ограничениями» и проявлениями власти. Так, например, с одной стороны, есть ряд социальных условий, которые увеличивают риск гендерного насилия, а с другой — конкретные люди, которые его осуществляют, руководствуясь существующими нормами. Петтит не приводит четкого определения свободы, которое бы позволило их разграничить, но предлагает рассматривать каждый случай, демонстрирующий тот или иной тип ограничений, приводящих к угнетению одного человека другим, в отдельности. В отличие от французской философской традиции, для республиканцев, следующих за Ханной Арендт, к которым относит себя и Петтит, власть не появляется в каждой возможной ситуации, но ограничена политическим полем. Еще одной важной темой беседы является самоцензура. Республиканизм предлагает широкую теоретическую рамку для осмысления ограничений, добровольно налагаемых человеком на себя в попытках угодить тем, от кого он зависит. Для современной теории это ключевая тема, затрагивающая вопросы «структурного насилия», которые могут дать необходимый ресурс для осмысления многих процессов, происходящих сегодня.

Ключевые слова: *республиканизм; свобода; доминирование; Филип Петтит.*

В организации и проведении интервью принял участие *Андрей Бабицкий*. Журнал *Versus* публикует сокращенную версию интервью, в которую не вошли реплики *Андрея Бабицкого*.

Александр Вилейкис: Может ли республиканизм быть индивидуальным этическим проектом? Говоря точнее — могу ли я быть свободен как индивид в частной жизни, не меняя при этом мир?

Филип Петтит: Боюсь, что нет. Для этого необходимы изменения в публичной сфере. Принято противопоставлять гражданский гуманизм и более традиционный гуманизм, представители которого довольствовались своей маленькой индивидуальной свободой, обретенной в чтении и размышлениях. Они чувствуют себя свободными от других в своей башне из слоновой кости, где могут игнорировать всё, что другие говорят и делают. Но считать, что игнорирование окружающих приводит к освобождению, — это ошибка. Наоборот, мы можем наслаждаться свободой, настоящей личной свободой, только когда существуем в свободном обществе. В создании такого общества и заключается гражданский долг. Если мы как индивиды заинтересованы в личной свободе, то должны сформировать свободное общество, когда правовые нормы, нормы морали, нравственности и социальные нормы делают невозможным личное угнетение одного человека другим. К таким нормам относятся криминальное право, деликтное право, право, регулирующее трудовые отношения, отношения в общественных местах, в церкви и так далее. Это гарантирует, что одни люди не будут доминировать над другими в частной жизни, но, в свою очередь, требуется источник права, который должен контролироваться каждым гражданином в равной степени. Мне кажется, в республиканизме содержится настоящий этический вызов: работать на достижение коллективной свободы, а не свободы отдельных индивидов. Человек должен быть готов бросить вызов правительству, когда оно нуждается в изменениях. Можно привести в пример неповиновение, которое люди демонстрировали в Гонконге на прошлой неделе, когда они вышли массово на улицы и правительство в итоге отступило, потому что люди собрались и выступили. Это потребовало мужества от каждого из них, при этом я не думаю, что успех их выступления был гарантирован. Китайское правительство безжалостно карает участников протестов, поэтому сейчас для каждого из протестующих это — большое личное испытание и персональный риск.

А. В.: В современной антропологии существует близкое к вашему пониманию самоцензуры понятие «структурное на-

силе» — насилие, которое существует, но мы его не видим. К примеру, не замечаем скрытые механизмы контроля, которые вынуждают нас заниматься самоцензурой, регулировать свое поведение, не говоря уже о странах третьего мира, где ситуация гораздо хуже. Даже в старых добрых республиках — римской или итальянских — было то же самое. Приватная жизнь, наполненная правилами, традициями, нормами, которые так или иначе ущемляют нашу свободу даже тогда, когда мы этого не осознаем. Можете ли вы описать то, как будет выглядеть общество республиканской свободы? Потому что я не могу себе этого представить: понимаю, что в таком обществе должны действовать законы, не допускающие угнетение одного человека другим, но целостного образа не получается.

Ф.П.: Я думаю, даже когда доминирование осуществляется корпорацией или государством, у него всегда есть конкретный агент, пусть и вовлеченный в такой вид межагентного доминирования. Это и есть структурное доминирование, о котором вы говорите. Например, вы живете в обществе с сексистскими нормами и есть законы, которые соответствуют нормам, согласно которым устанавливается сексистский порядок, — как, например, некоторые законы в Катаре. Нормы лишь обеспечивают условия для доминирования, способствуют ему. Например, повседневный сексизм, когда работодатели-мужчины считают нормальным делать какие-либо сексуальные намеки сотрудницам или платить мужчинам большую зарплату. Каждая жертва подвергается одновременно и конкретному насилию, и структурному насилию, которое поддерживается нормами, — именно здесь должен появляться закон, делающий это невозможным.

Структурное доминирование может принимать множество форм. Например, вы живете в обществе, где работодатели являются собственниками, и они диктуют условия контрактов работникам. Я имею в виду, что режим не является агентом, доминирует не он, доминируют конкретные люди, пусть даже делая это группами, посредством допускающих это норм. Мир — это не система, которая сама по себе осуществляет доминирование. Люди подвергаются конкретному доминированию со стороны индивидуальных агентов.

Поэтому доминирование лишь опосредовано структурами. Например, если нормы, регулирующие порядок финансирования политических кампаний допускают возможность финансирования партий отдельными лицами,

и по соображениям конфиденциальности не раскрывается, кто именно предоставляет средства, мы сталкиваемся с ситуацией, когда норма напрямую не приводит к доминации, но можно не сомневаться, что победа правящей партии зависит от небольшой группы очень состоятельных людей или корпораций, ее поддерживавших. А это значит, что обычные люди не могут в равной степени разделить контроль над правящей партией, над правительством. А это значит, что они зависят от чужой воли, воли государства, которое не чувствительно к их воле. Таким образом и происходит структурное доминирование, которое вы называете структурным насилием.

А.В.: Правильно ли я понимаю, что политическое действие могут осуществлять только агенты, такие как индивиды, институты, народ в целом, но не структуры?

Ф.П.: Конечно, сами структуры и нормы не могут быть агентами. Только отдельные люди или группы лиц могут действовать и должны стремиться изменить существующие нормы и структуры. Если нормы и структуры доминируют в прямом смысле, способствуя индивидуальному господству, то НКО, напротив, являются самыми важными агентами в демократическом поиске перемен и, возможно, — самыми эффективными. Важно, что они сосредоточены на решении конкретных практических вопросов, что позволяет им накопить необходимые знания, опыт.

А.В.: Где пролегает граница между нормами, обусловленными структурой, и действиями агента? Когда мы следуем какой-то норме, возможно, мы поступаем так потому, что, к примеру, так поступали наши предки, то есть над нами доминируют люди, которые давно умерли, но сформировали те или иные нормы. Как тогда отделить норму или структуру от конкретного действия?

Ф.П.: Интересный вопрос, который похож на вопрос о языке. Язык накладывает на нас свои ограничения, определяет слова, которые мы можем использовать, и их значения, но мы можем совершенствовать его. В основном ограничения связаны с тем, как именно он развивался вплоть до настоящего момента, не так ли? Эта ситуация не является формой доминирования, это просто ограничение. Ведь за языком не стоит какой-то агент, который бы навязывал нам, что можно

говорить, а что нет. Так просто сложились обстоятельства, ход истории.

Дело не в том, что этот набор ограничений облегчает доминирование одних над другими. Потому что все люди разделяют подобные, унаследованные исторически, ограничения — такие как язык. Думаю, бороться с такими ограничениями — это ошибка, именно потому что они безличны. Это не форма контроля, не доминирование, это нечто, что можно сравнить с силой тяжести. Гравитация не доминирует над нами. Она просто накладывает на нас определенные ограничения.

Здесь уместно вспомнить ситуацию с современным французским языком. Французская академия создала французский академический язык, за которым ведется строгий надзор. В академической среде не приветствуется использование общераспространенных слов, заимствованных из английского, даже если они удобнее французских аналогов. Думаю, большинство подобных случаев показывает бесполезность такой борьбы, ведь эта ситуация сама по себе не только неудобна, но и вредна для развития языка. Английский и другие языки только выигрывают от того, что постоянно создают новые значения, неологизмы, в то время как дипломатический французский огражден от перемен законом. Скверная ситуация, которая точно не может быть оправдана с точки зрения республиканизма.

А.В.: Эта ситуация кажется мне ярким примером доминирования, потому что французское правительство верит в контроль языка и над языком. Это может быть результатом воздействия французской философии XX века: Лакан, Делёз, Лиотар и так далее. Возможно, над правительством попросту доминируют несколько мертвых философов.

Ф.П.: Доминирование — это всегда иметь кого-то в своей власти. В этом смысле мертвые философы не контролируют ситуацию. Я имею в виду, что мы могли унаследовать некоторые слова, но мы всегда можем от них отказаться. В любом случае, это не постоянный контроль, как в случаях, когда вы защищаетесь от конкретной власти. Это ограничение, и, хотя оно само по себе может быть вредным, оно не лишает вас свободы.

Поэтому в республиканском подходе закон нас ограничивает, но он — неизбежен. Наш вид в своем развитии пришел к форме государства. Нет какого-то способа уйти

за рамки государства как концепта. Закон неизбежен, он ограничивает вас. Но это нормально при условии, что он не доминирует. И он будет контролировать, а не доминировать, если только это не закон, продиктованный волей одного человека.

А.В.: Чтобы подвести итог, не могли бы вы набросать, как должно выглядеть действительно хорошее государственное устройство, где доминирование было бы сведено к минимуму?

Ф.П.: Вы имеете в виду примеры из сегодняшнего мира? И что можно в них изменить? Думаю, есть много стран, где доминирование сведено к минимуму, в том числе благодаря политике правительства. Мне нравится пример Австралии, где я живу и где можно прийти на участок и проголосовать и на участке не будет фальсификаций. Я могу не одобрять действующее правительство, но оно избирается в условиях прозрачности, с независимой судебной системой, с независимыми СМИ и большим количеством НКО, которые следят за действиями правительства. Поэтому правительство находится под широким общественным контролем.

Конечно, большинство таких примеров — Австралия, Канада, Новая Зеландия, скандинавские страны — развитые демократии. Они не идеальны, есть множество способов, которые улучшили бы дальнейшие меры предосторожности и систему сдержек и противовесов. Во многих странах имеющие право голоса не ходят на выборы и, на мой взгляд, это проблема. Это приводит к тому, что правительство пренебрегает беднейшими 25% — четвертью населения, то есть теми, кто, как правило, не голосует. Но есть и другие способы улучшить каждую демократию. В любом случае, что касается публичного доминирования, существует хотя бы некоторое количество примеров того, что я назвал бы «идеалом». Идеалом, конечно, относительным.

С другой стороны, особенно острая проблема возникает, когда речь заходит о частном доминировании. Это связано с ростом транснациональных корпораций, с их исключительной властью, с тем, что они фактически доминируют над правительствами путем манипуляций: если правительства не идут на их условия, они переводят свой бизнес в офшоры или просто переносят его на территории других стран. Таким образом корпорации устанавливают реальную власть над людьми и сообществами. И правительства

не прилагают достаточных усилий, чтобы противодействовать этому.

Я также думаю, что существующие традиции юридической и медицинской помощи, для поддержания которых очень важно финансирование со стороны государства, способны обеспечить защиту от частного доминирования. Сейчас эти вещи утрачивают значение, и поэтому я думаю, что именно на этом фронте есть место для серьезных улучшений. Более того, даже в наиболее развитых демократических государствах реальной проблемой является влияние денег. И тем, кто имеет деньги, легко сделать правительства зависимыми от них в плане электоральной поддержки, и их финансовые вложения гарантируют, что правительство сделает выбор в их сторону.

А.В.: У меня есть короткий вопрос. Вы — республиканец и при этом живете в Австралии. Новая Зеландия — соседняя страна. Единственная страна в мире, которая разрешает иностранцам голосовать. Считаете ли вы, что это хорошо, и выступаете ли против ценности закрытых политических сообществ?

Ф.П.: Думаю, здесь мы заходим на поле международных отношений, которое не затрагивали ранее в этом разговоре. У каждого общества есть право и, по-моему, даже долг управлять притоком мигрантов и беженцев. Идея открытых границ приведет к хаосу и разрушению республиканских традиций, которые могли быть установлены в той или иной стране. В то же время я думаю, что сегодня каждое общество, особенно в связи с изменением климата, с появлением климатических беженцев, обязано принимать их и участвовать в их распределении и размещении на международном уровне. Речь идет в первую очередь о странах, которые будут в меньшей степени затронуты изменением климата, войной и другими бедствиями. В случае когда человек приезжает в страну в статусе легального мигранта и ему сразу разрешают голосовать, мне кажется важным, чтобы перед этим он получил своего рода гражданское воспитание, понял нормы, традиции, курс по которому движется данное общество. Ему необходимо иметь понимание ценности разделения властей, независимых судебных органов, верховенства права, а также роли выборов в рамках всей этой системы. Это очень важно. К примеру, во времена Второй мировой войны подобного воспитания не было вовсе. Это своего рода неве-

жество, и будет лучше, если оно будет сведено к минимуму. Прежде чем люди сознательно примут участие в голосовании, у них должен быть какой-то период, когда они должны изучить и продемонстрировать знание местных обычаев, законов и условий, лежащих в их основе, — в этом и состоит настоящий республиканский дух.

Москва, 2019 год

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-5-6-14

«В чем был смысл этого
театра абсурда?»
Собрания по проработке
в позднем СССР

Светлана Стивенсон

Светлана Стивенсон. Школа социальных наук, Лондонский столичный университет (LMU), Лондон, Великобритания, s.stephenson@londonmet.ac.uk.

В последние годы мы наблюдаем возрождение практики публичного клеймения — процесса, при котором члены общества выражают моральное негодование по поводу взглядов или поведения того или иного индивида или группы. Особенно распространено такое клеймение в соцсетях, но оно может принимать и другие формы (заседания учебных советов и комиссий по этике, так называемая культура отмены и так далее). Раскол публики на противостоящие друг другу группы, ярость предъявляемых обвинений, тяжелые последствия клеймения для социального статуса, репутации человека, часто обнаруживаемая заинтересованность государства и тех или иных институций в развязывании или использовании клеймения — все это делает его важным феноменом современной общественной жизни. Статья Стивенсон анализирует практику проработки, ритуала публичного клеймения, который проходил по месту учебы и работы граждан в Советском Союзе. Статья утверждает, что эти ритуалы были посвящены не моральному совершенствованию и перевоспитанию граждан коллективом (как это представлялось в официальном дискурсе), а являлись репрессивными практиками, которые вели к социальной деградации жертв клеймения. Она показывает, что, помимо официального сценария, у собраний был дополнительный сценарий, который возбуждал у присутствующих отрицательные эмоции и аффекты и при этом порождал чувство вины и страха.

Ключевые слова: *неформальное право; публичное клеймение; гражданское правосудие; повседневная жизнь в Советском Союзе.*

В ПОСЛЕДНИЕ годы мы наблюдаем возрождение практики публичного клеймения — процесса, при котором члены общества выражают моральное негодование по поводу взглядов или поведения того или иного индивида или группы. Особенно распространено такое клеймение в соцсетях, но оно может принимать и другие формы (заседания ученых советов и комиссий по этике, так называемая культура отмены и так далее). Раскол публики на противостоящие друг другу группы, ярость предъявляемых обвинений, тяжелые последствия клеймения для социального статуса, репутации человека, часто обнаруживаемая заинтересованность государства и тех или иных институций в развязывании или использовании клеймения — все это делает его важным феноменом современной общественной жизни.

У многих, кто помнит Советский Союз, нынешние процессы вызывают крайне неприятные ассоциации с советскими формами публичного клеймения. Таковыми были собрания по «проработке», товарищеские суды, клеймение нарушителей порядка членами «народных дружин», уличные стенды с портретами и фотографиями алкоголиков и тунеядцев, а в более отдаленном прошлом — сталинские собрания, на которых громили вейсманистов-морганистов, буржуазных космополитов, отклоняющихся от партийной линии языковедов, а также прочих врагов и отщепенцев. И насколько прогрессивными ни были бы намерения сторонников так называемой новой этики, стремящихся внедрить новые нормы морали через общественное осуждение тех, кто был уличен в харассменте или высказывал гомофобные взгляды, им по-видимому, еще долго будут вменять следование советским традициям повседневного коллективного насилия.

Публичное клеймение существовало в человеческом обществе на всем протяжении его истории. При всем разнообразии историко-культурных форм клеймения (от вымазывания преступников в смолу и перьях, привязывания их к позорному столбу до судов Линча и сталинских показательных процессов) оно всегда предполагает противопоставление индивида морально сплоченной группе.

Как создается эта — реальная или видимая — сплоченность? Что происходит в процессе клеймения? Богатый советский опыт таких практик представляет собой уникальный источник для понимания механизмов публичного клеймения, поведения участников, их мотиваций, психо-

эмоциональных процессов, которые задействованы в клеймении, а также последствий для социальной идентичности и репутации жертв.

В настоящей статье я обращаюсь к одному из видов клеймения, а именно практике проработки на собраниях¹. Эта практика появилась вскоре после Октябрьской революции² и закончилась с концом советского режима. Подобные практики существовали и в других социалистических странах³.

Проработка осуществлялась на собраниях пионерских, комсомольских, партийных и профсоюзных организаций, общих собраниях класса, школы, курса, цеха. Клеймение также происходило на школьных педсоветах, партийных и комсомольских бюро организаций и на прочих собраниях, в которых, помимо осуждаемых, участвовали представители партийно-комсомольского актива или администрации учреждения.

Объектами проработки были, как правило, люди, нарушившие те или иные нормы социалистической морали. Понятие социалистической морали было расплывчатым и интуитивно понимаемым (хотя партия и предприняла попытку кодифицировать его в «Моральном кодексе строителя коммунизма», принятом в 1961 году). Под нарушение социалистической морали попадали идеологические девиации, нарушения трудовой дисциплины, моральная и бытовая распушенность. К последним относились «беспорядочные» половые связи, нецензурная брань или появление в нетрезвом виде в общественных местах и прочие прегрешения, совершаемые в частной жизни. Люди, подававшие документы на отъезд в Израиль, также должны были пройти через коллективную проработку. Информационная записка Министерства внутренних дел Центральному комитету КПСС от 26 февраля 1973 года обязывала трудовые коллективы ор-

1. Такие собрания могли также именоваться проработкой, персональным делом, а в сталинские годы судом чести.

2. *Fitzpatrick S.* Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1999; *Halfin I.* Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2007.

3. *Dittmer L.* The Structural Evolution of Criticism and Self-criticism// *China Quarterly*. 1973. № 56. P. 708–729; *Flam H.* Mosaic of Fear: Poland and East Germany before 1989. Boulder, CO: East European Monographs, 1998.

ганизовать предварительное обсуждение характеристик таких лиц⁴.

Решение собрания вело к дисциплинарным последствиям разной степени тяжести. Это мог быть выговор (устный или с занесением в личное дело), понижение в должности, перевод в другой класс, исключение из пионерской, комсомольской или партийной организации, увольнение с работы или отчисление из учебного заведения. Для молодых людей призывного возраста последствием отчисления из вуза обычно была служба в армии. В редких случаях, когда коллектив отказывался следовать сценарию, последствий либо не наступало, либо они были менее серьезными (например, выговор вместо понижения в должности или увольнения). В некоторых случаях, когда клеймению подвергался поступок, который мог быть уголовно наказуемым, за осуждением на собрании могло последовать уголовное преследование (что было повседневным явлением в сталинское время, но могло происходить, хотя гораздо реже, и в последующие периоды).

В чем был смысл советских ритуалов клеймения? По мнению Олега Хархордина, эти ритуалы утверждали власть коллектива как проводника советских ценностей и как центрального агента в системе горизонтального надзора над индивидами⁵. Официальной целью этих ритуалов было обличение поведения, противоречившего советским моральным и идеологическим нормам, с целью последующего исправления члена коллектива. Ритуалы должны были обеспечить перевоспитание отклоняющегося от нормы индивида, вернуть его на путь самосовершенствования и продвижения к идеалу «советского человека», становясь частью проекта создания советской субъектности. При этом, как отмечали ряд авторов, требования к людям, чья морально-политическая интеграция в систему была особенно важна, таким как члены партии, писатели или работники академической сферы, были наиболее строгими⁶.

Однако, как представляется, клеймение далеко не исчерпывается его официальным содержанием, то есть не сво-

4. Куксин И. Брежнев и еврейская эмиграция // Заметки по советской истории. 2007. № 87. URL: <https://berkovich-zametki.com/2007/Zametki/Nomer15/Kuksin1.htm>.

5. Хархордин О. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб.: Издательство Европейского университета, 2016.

6. Cohn E. The High Title of a Communist: Postwar Party Discipline and the Values of the Soviet Regime. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2003.

дится к воспитанию и исправлению человека силами коллектива. Об этом говорит в частности то, что собрания воспринимались и описывались участниками не как воспитательные мероприятия, а как глубоко травматические события, как театр абсурда, фантасмагория, опрокидывающая привычные представления о людях, их поведении и мотивах. Не только жертвы клеймения, но и присутствующие порой не понимали даже сути происходящего, смысла предъявляемых обвинений. Воспоминания участников собраний говорят о чувстве стыда и вины, не оставлявших их долгое время после события, причем испытывали его не только и не столько обличаемые, сколько свидетели и даже те, кто предъявлял обвинения⁷. Таким образом, на собраниях, помимо официального, явно присутствовал другой, не всегда понятный участникам, но не менее важный сценарий, который порождал жестокость одних, страх и подавленность других. Этот сценарий состоял в том, чтобы сконструировать социальное зло из повседневных поступков людей и мобилизовать сообщество на его осуждение. Ритуал клеймения порождал присвоение повседневному поведению новых символических смыслов, связанных со злонамеренным нарушением морального Закона, и задействовал отрицательные социальные эмоции и аффекты членов группы, организуемые для морального осуждения жертвы. В конечном итоге результатом действия было не образование и воспитание заблудшего члена коллектива, а исключение его из сообщества или снижение его социального статуса. Моральный порядок восстанавливался через коллективное утверждение Закона и подтверждение власти охраняющих его дисциплинарных агентов — руководителей организации, представителей комсомольско-партийного начальства и так далее.

Как утверждал Джеффри Александер, определение и поиск зла не менее важны для общества, чем утверждение добра. Добро и зло находятся в диалектической взаимосвязи, одно не может существовать без другого. Общества проводят границу между добром и злом, сакральным и профанным через ритуалы очищения и наказания. При этом для того, чтобы члены общества всем своим существом почувствовали, в чем состоит и как выглядит зло, ритуалы клеймения побуждают присутствующих к проявлению и переживанию моральных чувств — возмущения, презрения, ярости, отвра-

7. Кон И. С. 80 лет одиночества. М.: Время, 2008; Лихачев Д. Мысли о жизни. Письма о добром. М.: Колибри, 2015.

щения. Зло натурализуется, «оно выглядит так, как будто оно исходит из конкретных поступков и идентичностей, а не само приводит к ним культурно и социально»⁸. Публичное клеймение и наказание, скандалы и даже войны — все эти социальные ритуалы и процессы возбуждают моральное негодование, вовлекают людей в реальную или символическую коммуникацию и проводят черту между добром и злом, добропорядочными членами общества и злонамеренными Другими.

Для того чтобы проанализировать происходящее на собраниях конструирование зла и попытаться воссоздать сопутствующие этому чувства и переживания участников, оценить последствия собрания для тех, кто клеймил и кого клеймили, имеющиеся письменные источники (протоколы собраний или отчеты в прессе, как правило, основанные на таких протоколах) не дают полной картины. Протоколы, как правило, подвергались существенному редактированию, и, кроме того, они не дают понимания отношений в коллективе до и после собраний, мотивов участников и так далее. Поэтому интервью с теми, кто присутствовал на советских собраниях (по понятным причинам, это главным образом люди, заставшие собрания в конце 1950-х — 1980-е годы), представляют большую ценность. Хотя анализ воспоминаний содержит ряд проблем, связанных с достоверностью описываемого, эмоциональная память о происшедших травматических событиях (а такими, безусловно, были собрания) обычно бывает весьма сильной. Настоящая статья основывается на таких интервью, проведенных с участниками собраний, проходивших в разных населенных пунктах СССР. В изложении интервью я не называю настоящих имен участников и конкретные места их работы или учебы, но указываю на населенный пункт, где проходило собрание, и примерный год.

Мои респонденты участвовали в позднесоветских собраниях в роли обличителей, свидетелей или жертв. Позади были сталинские времена, с их показательными процессами, партийными чистками, судами чести, идеологическими кампаниями в научных учреждениях и прочими проявлениями тоталитарного государственного контроля. Однако ритуалы клеймения продолжали активно использоваться. Более того, по мере ослабления государственного террора

8. Alexander J. C. *The Meanings of Social Life*. N.Y.: Oxford University Press, 2003. P. 116–117.

и насилия коллективное «правосудие» стало основным механизмом общественного контроля⁹. С конца 1950-х попытки режима стимулировать массовое участие в исправительной политике¹⁰ сделали собрания по проработке, наряду с товарищескими судами и другими формами низового социального контроля, главными исправительными институтами. По мере стагнации советского режима нарастающая рутинизация официальных практик приводила к тому, что участие членов коллективов в исправительных мероприятиях становилось все более формальным и пассивным¹¹. Тем не менее от членов коллективов все равно требовалось символическое подтверждение лояльности советскому моральному порядку и ритуалы клеймения продолжались вплоть до конца 1980-х.

Сценарии клеймения

Собрания были ритуалом народного правосудия, но, как справедливо указал Хархордин¹², их задачей было не исследование обстоятельств дела, а обличение. Присутствующие не ставили перед собой задачу предъявить и тщательно рассмотреть доказательства проступков и заслушать не только обвинителей, но и защитников обличаемого человека. Ему обычно не давали реальной возможности отвечать последовательно на обвинения, часто не показывали никаких документов или свидетельств его вины, а иногда он даже и не подозревал о цели собрания (думая, что был приглашен на какое-то малозначимое совещание или беседу). В таких случаях собрания представляли собой своего рода ловушки. Человек не был подготовлен к тому, что ему придется столкнуться с заранее подготовленным сценарием клеймения. Неожиданность происходящего усугубляла тяжесть ситуации, ставила жертву в пассивное положение, притом что

9. *Gabdulhakov R.* Citizen-led Justice in Post-communist Russia: From Comrades's Courts to Dotcomrade Vigilantism// *Surveillance and Society*. 2018. Vol. 16. № 3. P. 314–331; *Gorlizki Y.* Delegalization in Russia: Soviet Comrades's Courts in Retrospect// *The American Journal of Comparative Law*. 1998. Vol. 46. № 3. P. 403–425; *LaPierre B.* Hooligans in Khrushchev's Russia: Defining, Policing, and Producing Deviance during the Thaw. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1998.

10. Хархордин О. Указ. соч.

11. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

12. Хархордин О. Указ. соч.

обличители, напротив, могли испытывать эмоциональное возбуждение, подымаясь на волне собственного праведного гнева. В конце собрания жертве иногда давали возможность выступить, но любые попытки оправдания не имели значения, а часто и заглушались возмущенными голосами присутствующих.

Собрания были ритуалом, который должен был эмоционально объединить присутствующих в справедливом гневе против проступка, а в конечном итоге всей личности обличаемого. Фигурант собрания оказывается носителем зла, которое в его лице коллектив должен был покарать. В известной статье «Условия успешных церемоний социального разжалования»¹³ Гарольд Гарфинкель показал, что в таких церемониях обличители стремятся предложить группе мотивационную схему, согласно которой поступок индивида был не просто недопустимым, но имел под собой злой умысел. Набор таких осуждаемых мотиваций является специфическим для конкретного исторического и культурного контекста, и обличитель должен предложить наиболее подходящий. Если группа согласится с тем, что злой умысел имел место, и выразит моральное негодование, ритуал можно считать успешным. Если же члены группы не готовы разделить мотивационную схему, предложенную обличителем, мероприятие не приводит к желанному результату. Результатом успешной церемонии является понижение (по Гарфинкелю — разжалование) социального статуса человека.

Советские собрания по «проработке» действительно проходили по строгим сценарным правилам, которые были призваны выявить злой умысел в действиях «прорабатываемого», а не просто указать на конкретный проступок. Обличители (как правило, секретари местной партийной или комсомольской организации, представители руководства, учителя) предлагали собравшимся осудить члена их коллектива за определенные прегрешения — например, супружескую неверность (обычно это касалось члена партии и следовало за обращением обманутого супруга), отказ выйти на субботник или утрату партийного билета. Но каким бы ни был проступок, главной целью ритуала было разоблачить человека, выявить его «реальную сущность» и показать, что

13. *Garfinkel H. Conditions of Successful Degradation Ceremonies*// *American Journal of Sociology*. 1956. Vol. 61. № 5. P. 420–424.

«то, кем он предстал сейчас, он в конечном итоге был всегда»¹⁴.

Собрание, как правило, начиналось с обличительной речи представителя руководства организации. Часто организаторы готовились и заранее просили других членов коллектива выступить и дополнить картину другими преступлениями провинившегося. После этого предполагались выступления рядовых участников или реплики с мест.

Сценарий был один и тот же. Вот выступает кто-то с обличением, что вот [Коля Рыжков сделал то-то и то-то]... Коля Рыжков при этом должен был сидеть и слушать это, а потом выйти <...> Иногда это делалось так, что тот, кого обличали, выходил сразу на авансцену, так сказать, стоял впереди, и он должен был слушать эти доклады. Вот после доклада должны были выступить, заранее было оговорено, кто знает о нем вот такие недостатки, а дальше по содержанию было, что он не только в этом виноват, он еще там, скажем, рубашку свою не стирал или он когда-то опаздывал на какие-то мероприятия, обязательно добавлять что-то еще по его личности. И этот сценарий соблюдался постоянно (Арсений, Москва, 1956).

Даже без предварительной подготовки присутствующие интуитивно понимали, что от них требовалось, и некоторые с готовностью включались в ритуал по «разжалованию» источника зла.

Когда мы были пионерами, у нас два парня занимались криминальной деятельностью. Они реально были малолетними преступниками, все знали, что они воруют, и их исключили из пионеров после какого-то очередного, видимо, визита милиции. Это было обставлено как пионерское собрание, и, соответственно, их обсуждали. Нам было лет 11, я еще в то время был пионерским барабанщиком, и меня отозвала в сторону учительница истории и сказала: «А давай мы под drobь сделаем. Мы хотим с них галстуки снять, а ты вот на барабане стучи» — но я отказался, я почувствовал фальшь. И публично с них сняли галстуки с обоих, один плакал при этом, при этом другой не плакал.

14. *Garfinkel H.* Op. cit. P. 422.

А когда было обсуждение, я помню, одна девочка у нас была, она подняла руку и сказала о том, что они еще и собаку обижали (Данила, Москва, 1979).

Обличение было прежде всего репрессивным, а не воспитательным событием (хотя формально жертве могли предложить раскаться и тем самым воссоединиться с коллективом на новой основе). Собрания проводили символическую черту между группой и нарушителем морального Закона. Даже если собрания проходили относительно спокойно и коллектив не включался активно в сценарий обличения, а отдельные участники даже пытались заступиться за жертву, отсутствие поддержки со стороны большинства, само их участие в ритуале воспринималось жертвой крайне болезненно.

Дополнительный сценарий

Анализ интервью показывает, что, помимо официального сценария, собрания имели дополнительный сценарий. Призывая участников выразить моральное негодование, организаторы тем самым давали им карт-бланш на выражение целого ряда прежде подавляемых репрессивных эмоций. Враждебность, неприязнь, зависть, прежде скрываемые за фасадом вежливого, социально приемлемого поведения, могли безнаказанно выйти наружу. Одноклассники, однокурсники, коллеги приглашались на «праздник» критики, где они могли испытать *jouissance*, «наслаждение» (в терминологии Жака Лакана) от репрессивного подавления другого. Собрания часто превращались в карнавал жестокости, на котором, по мнению Славоя Жижека¹⁵, в отличие от веселого средневекового карнавала, описанного Михаилом Бахтиным, где люди на время освобождаются от авторитета власти, они, напротив, активно включались в угнетение других.

Нина описала собрание в литературном музее в Ленинграде, созданном для разбирательства ее персонального дела после того, как она подала документы на отъезд в Израиль по фиктивному приглашению от некоего израильского дяди. Несмотря на то что все участники собрания (за исключением ее начальника) были хорошими друзьями, относились

15. Žižek S. The Metastases of Enjoyment: Six Essays on Woman and Causality. L.: Verso, 1994. P. 60.

к собранию как к пустому официозу и после него намеревались отправиться в соседнюю комнату, где уже были накрыты столы для выпивки, коллеги проявили неожиданную враждебность.

Там были неприятные моменты, потому что все-таки там говорили, что я училась на деньги нашей родины. «А к кому ты едешь?» «А кто твой дядя?» «А дядя — он богатый человек?» «На что ты польстилась, на какие деньги?» «А вот мы ей доверяли, она обманула наше доверие». Все слова эти были сказаны. И опять же, они это говорили и как бы мне одновременно подмигивали. Это было сильно неприятно. Но поучительно. Это все были мои сотрудники и в том числе люди, с которыми я после проработки пошла выпивать и закусывать, потому что как бы все понимали, что это такая форма (Нина, Ленинград, 1971).

Общее понимание абсурдности происходящего («подмигивали») не отменяет того факта, что люди выступали с осуждением, проявляли недоброжелательность и, возможно, зависть, ранив женщину, прежде уверенную в том, что она имела дело с друзьями и коллегами, которым можно доверять.

Часто враждебность проявлялась по отношению к людям, занимавшим привилегированное положение в организации, являясь, как представляется, проявлением описанного Ницше ресентимента¹⁶, при котором люди испытывают нетерпимость и зависть к тем, кто, по их мнению, более успешен, обладает большей властью или ресурсами, чем они сами. Ученые выступали против видных фигур в своей области, студенты изобличали комсомольских или партийных активистов.

Ольга рассказала о случае, когда клеймению подвергся ее однокурсник по МГУ, который одновременно встречался с молодой женщиной и ее матерью. Дочь написала жалобу в университет. По словам Ольги, студенты особенно яростно нападали на этого молодого человека, поскольку он был членом партии.

16. Ницше Ф. К генеалогии морали // Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990; см. также: Он же. По ту сторону добра и зла // Соч.: В 2 т. Т. 2.

Мы были уже продвинуты, слушали музыку, обсуждали политику на кухнях. Поэтому предвзятое отношение было к партийным товарищам. Потом они обычно были старостами на курсах. Когда нас вывозили на картошку, они были бригадирами, следили за дисциплиной, запрещали курить. Определенное отношение типа злорадства было (Ольга, Москва, 1979).

Лариса вспомнила о собрании в 1977 году в московском вузе, созванном после того, как ее однокурсник был задержан милицией при покупке джинсов у иностранцев. Кроме обвинения в фарцовке, студента также обвинили в том, что он украл юбку из гостиничного номера иностранной туристки. На собрании комсомольцы проголосовали за исключение его из ВЛКСМ, что автоматически означало отчисление из вуза. То, что студент, по слухам, был родственником высокопоставленного лица, сыграло в этой истории не последнюю роль.

У нас все время говорили о том, что он племянник кандидата в члены Политбюро Александрова, и кто-то тогда сказал, вот когда обсуждали, исключить ли его из комсомола и института, кто-то сказал: «Да господа, он через год восстановится и будет работать в таких местах, куда нам никому хода нет». То есть это исключение не страшное, посидит, отдохнет, потом восстановится. Я была возмущена фактом кражи и того, что он опозорил советский народ. Факт кражи у гостя, что человек приехал иностранный. Не было никакой жалости, нет-нет-нет. Во-первых, я думала, что это нехорошо красть, а во-вторых, как-то вот общее мнение было, что он будет работать там, куда нам хода нет. Может быть, конечно, фамилия такая распространенная, может, ему просто про дядю приписали. Это же элемент классовой ненависти, что вот с таким дядей — и юбки ворует. Даже не только у меня, вот у тех, кто говорил, что «ну господа, он через год восстановится, и вы еще будете с поклонниками в его кабинет ходить» (Лариса, Москва, 1977).

Соне было 18 лет, когда она поступила на работу в турбюро в Краматорске. Ее подруга имела связи в местном райкоме комсомола и договорилась о том, что они с Соней присоединятся к комсомольской делегации, отправлявшейся в Бол-

гарию. Все, что им надо было сделать, — это пройти медкомиссию и собеседование в горкоме комсомола и получить положительную характеристику с места работы для поездки. Неожиданно последнее оказалось невозможным.

Было собрано собрание, с составом из более старших людей, работающих там экскурсоводами, методистами, бухгалтерами и так далее. Они устроили нам настоящий разгром, причем одно из самых сильных обвинений было то, что мы (это потом было в письменном виде в характеристике написано) бегали по вагонам, когда ехали в Волгоград с экскурсионной группой, в трико. Что они подразумевали под трико — я не знаю. У нас были просто то, что сейчас называется леггинсы. Это было зимой, в поезде было холодно. И вот этого было достаточно, чтобы считать, что мы совершили аморальный поступок и что мы «не созрели». Ну вот это в их глазах было как аморалка. Но еще очень важным поводом было, что «мы в два раза, в три раза старше вас, а мы еще так за границу не ездили». И вот это такой случай, который меня настолько травмировал тогда, что я тут же уволилась с этой работы. Думаю, мы были две девочки, остальные были взрослые дамы и мужчины, пожилые мужчины, и они говорили с огромным энтузиазмом, как передать это чувство, вот нам не дают, и вы не поедете, прямым текстом. Мы в три раза старше вас, а вы только что пришли на работу, вы же не заслужили. Но самое главное, что мне кажется, это вот нет, не дать возможность кому-то, если ты этого сам не можешь (Соня, Краматорск, 1974).

Помимо индивидуальных атак, одни группы в коллективе сводили счеты с другими, а академические кланы могли пытаться подорвать позиции своих идейных или карьерных противников. Наиболее известными историческими примерами, конечно же, были сталинские собрания в научных учреждениях¹⁷, но подобные собрания проводились и в послесталинское время (как, например, известное дело социолога Юрия Левады, разбиравшееся на собрании ИКСИ РАН в 1969 году).

17. Лейбович О. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М.: РОССПЭН, 2008.

Театр абсурда

Многие участники описывали собрания как театр абсурда. Неожиданное возведение малозначимых эпизодов в ранг преступления, язык обличений, использующий официальные идеологические коды вместо повседневной лексики, экзальтированное поведение части окружающих — все это казалось нереальным, фантасмагорическим, абсурдным.

Татьяну, например, прорабатывали за достаточно стандартную в советское время девиацию — непреднамеренную порчу или утрату комсомольского или партийного билета.

Щенок пожевал комсомольский билет. Собрали комсомольское собрание. Обобщили — неправильно храню, плохое отношение к комсомольскому билету. «Комсомольский билет надо носить на груди». А я им сказала, что у меня нет кармана на груди в школьном платье. У меня не было сильного стресса, это были не сталинские времена. Но я вышла с собрания с ощущением театра абсурда, ведь меня клеймили непонятно за что. Это запомнилось на всю жизнь. Они говорили, что это не просто неаккуратность, а злонамеренность, неожиданно создали из меня врага (Татьяна, Москва, 1983).

Ощущение абсурдности порождалось и риторическими приемами обличителей, используемыми ими языковыми конструкциями. Навязывая участникам языковую игру, при которой происходит перекодировка повседневного поведения в поведение, посягающее на моральную чистоту и святость устоев, обличители обезоруживают присутствующих, заставляя их играть по своим правилам и невольно разделять их пафос. Эта языковая игра также вызывала у жертвы и части присутствующих, эмоционально не вовлеченных в ритуал, ощущение абсурда. Особенно удивительным было неожиданное использование официальных речевых кодов теми, кто сам не показывал до этого особой приверженности советскому строю.

Было комсомольское собрание по поводу одного человека, он был из семьи известных отказников. Они собирались уехать в Израиль. Собрание было довольно формальным, но там был один парень, он был вообще алкоголик, бабник, не какой-то деятель, и я никак не мог ожидать от него никакой идеологизации, никогда не примечал за этим парнем

антисемитизма, нет, ничего подобного. И вот он говорит, что как он мог предать родину. Я был поражен, как этот дискурс глубоко сидит (Михаил, Москва, 1976).

В другом эпизоде бытовое речевое поведение маленьких девочек (использование ими ненормативной лексики) неожиданно переквалифицируется в тяжкое преступление — их обвиняют в том, что они «опозорили честь пионера». Вот как описывает Оксана происшедшее с ней в ее ленинградском детстве. Как-то раз, когда она гуляла во дворе с подружками (им всем было по девять лет), к ним пристали мальчишки из соседней школы. Девочки решили написать им записку и сделали это, употребив матерные выражения. Бабушка одного из мальчиков передала записку в детскую комнату милиции, милиция сообщила в школу, и учителя собрали педсовет.

Я, конечно, помню, дети тоже видят абсурдность всего этого, и страшно, и дико смеяться хочется, потому что ситуация абсолютно абсурдная. Мы стоим, все сидят, и эта тетка из детской комнаты милиции всем раздает напечатанную на машинке бумажку, и я так смотрю через папину спину, и там написано: «пошел ты на хуй блядь» на машинке. Но это полный, конечно, полный бред. Там они нас клеймили, «позорит честь там, тра-ля-ля», но процедура ужасная. Родители не заступались абсолютно, композитор [отец одной из девочек] засмеялся, но молчал потом. А мои родители не заступались, родители очень боялись властей и считали, что мы опозорили семью, была такая вот стена позора и страха, и изоляция вот такая была, просто изоляция. Ты чувствовал, что ты изгой и что вообще непонятно, как тебе обратно войти в нормальную жизнь. В общем, результат ужасный, и потом со мной дома не разговаривали, осуждали, им тоже было трудно, наверное, со всем этим справиться. А потом я помню, что они, значит, присудили всем тройки по поведению, но это мало кого волнует, но и было «опозорили честь пионера». А меня, поскольку моей рукой написано, перевели из моего класса «б» в класс «а». Это было ужасно, это было самое ужасное, потому что была всегда конфронтация между двумя классами, и тебя переводят, и я так сколько-то лет училась в этом параллельном классе (Оксана, Ленинград, 1969).

Проступок (даже если так определить незначительный и в целом анекдотический эпизод) превращается в акт абсолютного зла. Здесь нет места диалогу, разнообразию мнений. Участники должны согласиться с серьезностью происходящего, и тем самым утвердить как нарушенную норму, так и власть тех, кто стоит на ее защите. В этом жестоком театре абсурда смех подавляется страхом, живая жизнь — мертвой резолюцией, взаимопонимание, эмпатия — разобщением и послушанием перед лицом Закона.

Страх перед Законом

В воспоминаниях Оксаны о собрании перемешивается ощущение абсурдности происходящего и парализующий страх, который испытывали не только дети, но и их родители. На собраниях в то время, как одни участники заходились в праведном гневе, другие часто испытывали то, что Жижек определил как «неопределенное кафкианское чувство абстрактной вины, чувство, что в глазах Закона я априори виноват, но не могу знать, в чем конкретно»¹⁸. Согласно этой концепции Жижека, от нас не требуется понимать требования Закона: «Мы подчиняемся непонятным нам заповедям. Этот травматический характер закона, который мы не можем полностью воспринять, является позитивным условием его существования»¹⁹.

В большинстве случаев моральное негодование мобилизовалось вокруг понятных прегрешений. Однако в ряде рассказов описывалось то, как членов коллектива просили осудить провинившихся за поступки, которые толком не описывались и полный смысл которых оставался неясным. При этом присутствующие понимали, что им предлагается к рассмотрению табуированная тема и что лучше, если они не будут задавать никаких вопросов. Степан, например, помнил собрание (ему тогда было 12–13 лет), когда в классе, где он учился, прорабатывали девочку из неблагополучной семьи. Как он узнал уже после собрания, кто-то распространил слух, что она ходила в расположенную рядом военную часть заниматься сексом с солдатами.

18. Zizek S. Op. cit. P. 55.

19. Dean J. Zizek on Law // Law and Critique. 2004. Vol. 15. № 1. P. 13.

И была какая-то буча, у нас был классный час, и ее клеймили, поставили у доски и рассказывали, что она ведет аморальный образ жизни. Я совершенно не понимал, о чем вообще идет речь, чего происходит (Степан, Москва, 1967).

Поступив в вуз, тот же Степан присутствовал на комсомольском собрании, где столь же неясные обвинения предъявлялись одному из студентов.

Потом было в институте сборище. Я тоже ни фига не понял... понял потом. Парень учился очень хорошо, интеллигентный такой, воспитанный мальчик. Курсе на втором. Оказалось, что он гей. Я вообще знать не знал, что есть такие отношения. Ну, может быть, где-то на зоне. Как будто на луне. И кто-то написал, как-то эта информация выскочила. И было тоже комсомольское собрание, его тоже осуждали, по-моему, исключили из комсомола, из института. Собрание называлось «аморальное поведение». Все было завуалировано. Я только потом понял, в чем дело. Вообще никто не понимал, а кто понимал, тот помалкивал. Как говорится, Дума не место для дискуссии. Это же отсюда все. Есть массовка, и есть люди, которые тебе рассказывают. Это было все ритуально. Ритуальная гражданская казнь (Степан, Москва, 1974).

Хотя сущность морального преступления оставалась для присутствующих не вполне ясной, а конкретные нормы и ценности, которые нарушил человек, были неочевидны, собрания достигали своей цели. Они утверждали саму власть Закона. Удовольствие от возможности покарать другого, возможность дать ход своим негативным эмоциям во имя исполнения гражданского долга или просто приятное чувство, что ты находишься на стороне законопослушного большинства, часто соседствует со страхом, ощущением того, что ты тоже по большому счету виновен. Рассказы участников собраний показывают, что чувство морального негодования соседствовало с определенным удовольствием от прикосновения к сфере запретного и при этом сочеталось со смутным чувством собственной имманентной виновности в глазах власти. Ольга, рассказывая о собрании, на котором студента клеймили за связь с двумя женщинами, описывала, как присутствующие демонстрировали не-притворный интерес к тайным подробностям чужой част-

ной жизни, но при этом испытывали определенное чувство дискомфорта, опасаясь, что и они сами могли потенциально стать жертвами подобных разбирательств.

У многих было неприятное ощущение. С одной стороны, хиханьки-хаханьки — это было длинное собрание, обсуждали детали, что он чувствовал, как умудрялся совмещать двух женщин, раскаивается ли. Но, в то же время, мы были недовольны ситуацией, что такие вещи обсуждаются публично, <...> мы были свободными людьми и не хотели, чтобы обсуждались какие-то обстоятельства из нашей личной жизни (Ольга, Москва, 1979).

В своих мемуарах Игорь Кон писал о том, что страх был одним из главных чувств, которые испытывали участники советских собраний по проработке. «От такого опыта трудно оправиться. Когда бьют тебя самого, возникает, по крайней мере, психологическое противодействие. А когда у тебя на глазах избивают других, чувствуешь прежде всего собственную незащищенность, страх, что это может случиться и с тобой. Чтобы отгородиться от этого страха, человек заставляет себя верить, что, может быть, „эти люди“ все-таки в чем-то виноваты, а ты не такой и с тобой этого не произойдет»²⁰.

Хотя то, что описывал Кон, относилось к сталинскому периоду, участники позднейших собраний также вспоминали об испытываемом страхе. Степан рассказал о собрании в его московской школе в 1973 году, на котором разбирали поведение девочки, осквернившей священный символ — портрет Владимира Ленина.

Лет 13 мне было. Поводом было, что эта девочка тряпкой, которой только что мыла пол, протерла портрет Владимира Ильича. И какая-то дама из педсостава это увидела и сделала из этого некое шоу, нас собрали, всем рассказали, как это ужасно, как это вообще, вот она такая-сякая, совершила такое святотатство. Было ощущение, что какой-то ужас, страх, я его помню, вот эта атмосфера противного липкого страха, она как-то осталась в памяти. Все думали об одном: хорошо, что это не я (Степан, Москва, 1973).

20. Кон И. Указ. соч. С. 14.

Иногда обличители были втайне повинны в тех же самых преступлениях и сами пребывали в страхе разоблачения. Полина, жившая в конце 1980-х в городе Искитим Новосибирской области, рассказывала, как ее друг подвергся клеймению на собрании, созванном для того, чтобы обсудить его заявление о приеме в партию. Главный обличитель, секретарь партбюро, сообщила присутствующим, что его нельзя принимать в партию, так как он был разведен. Однако ходили слухи, что она сама была в разводе. Пытаясь скрыть это обстоятельство, которое угрожало ее партийной карьере, она держала мужские тапочки и пальто в прихожей своей квартиры.

Страх, который мешал присутствующим на собраниях заступиться за своего друга или коллегу, часто сопровождался стойким чувством вины. Евгений так рассказывал о собрании по проработке, на котором он присутствовал.

Это было в начале 80-х годов, и я работал в Казанской консерватории. У нас было собрание коллектива по поводу одного музыканта, которого милиция задержала подвыпившего около вокзала. Собрали собрание, чтобы его осудить. Я просто молчал, но многие люди выступали. Некоторые, чтобы поддержать начальство (ведь все протоколы собрания уже были подготовлены), некоторые действительно считали, что он позорит честь консерватории. Мне потом было очень стыдно (Евгений, Казань, 1986).

Обличители также могли впоследствии испытывать чувство вины. Лариса стала размышлять о своем поведении на собрании через много лет после него и задумалась о том, не была ли история с юбкой фабрикацией милиции.

Мне пришла в голову мысль, что, может, там все было совсем по-другому, а может, это было прикрытием, я не знаю, что там, но тогда я все на голубом глазу. Я помню его реакцию, что он от меня как от назойливой мухи отмахивался и говорил, да далась тебе эта юбка (Лариса, Москва, 1977).

Ужас, испытываемый перед Законом, его малопонятными требованиями и его представителями — облеченными дисциплинарной властью членами организации, — оказывается одним из важнейших переживаний человеческой жизни. Вот как Денис, житель Запорожья, описывает эпизод (который, как и в случае с Ириной, мог бы считаться анек-

дотическим, если бы не чудовищный пафос ситуации), при котором школьник совершил осквернение памятника «национальной святыни», Тараса Шевченко.

Построили, объявили всей школе в мрачных тонах, учителя зашли с мрачными лицами к нам в классы и сказали: у нас тут внеочередная линейка, всем построиться, выйти из школы. Никто не в курсе, пришла директор, я еще фамилию этого мальчика до сих пор помню, потому что это важное событие в моей жизни, сказала ему выйти из строя, встать перед строем школы, а он еще самый маленький в классе был, такой безобидный. Хулиганистый пацан, но ничего особенно плохого он не делал. Мы все: «Что случилось, сенсация, что ж он такое натворил?» Пробило, потому что экстренное собрание всей школы, и начали его там рвать, сначала директор, потом завуч, «негодяй, подлец», в таких выражениях. Мы ж такие: «Что он натворил?», потому что его ругали как минимум за что-то уголовное. Ну оказывается, у нас просто во дворе школы стоит памятник Шевченко, он до сих пор там стоит, я так думаю, постамент метра полтора и памятник метра два. И был в марте последний снег, и он залез и сделал ему кепку из снега и глаза снегом залепил. И выгнали его. Ну насколько я знаю, он пошел в другую школу в нашем же районе (Денис, Запорожье, 1987).

Сила испытываемых или демонстрируемых чувств негодования или, наоборот, страха, зависела от морального климата эпохи. Общей чертой рассказов были размышления о конкретном периоде советской истории, в который проходили собрания, и о влиянии этого исторического контекста на последствия как для жертвы, так и для тех, кто пытался ее защитить. Частым рефреном в интервью было «это уже были не сталинские времена».

Люди были разные и чувствовали по-разному, это был 71-й год, а не 50-й. Вот у папы было собрание, и через четыре дня его исключили, арестовали, да я же знала, что со мной так не будет. Папа рассказывал, как он произнес прощальную речь, как это было грозно, что люди говорили, и пахло расстрелом и погромом действительно. То, что было со мной, — это «живой картины список бледный», это инерция умирающей системы, умирающий

совок, обезумевший. Ощущения отвратительные у меня были, очень неприятно, но я могла что-то сказать. И я сказала, что я могу поблагодарить всех собравшихся за прекрасный спектакль, который они показали (Нина, Ленинград, 1971).

Многие позднесоветские собрания были чисто формальными, и участники пассивно голосовали за резолюции, предложенные начальством. Тем не менее как бы цинично ни относились к происходящему члены советских коллективов, они все равно приходили на собрания, соглашались с их резолюциями и тем самым подтверждали власть политико-административных структур, стоящих за этими ритуалами. И для рядовых участников, и тем более для жертв обличения, собрания оставляли за собой, как правило, тяжелую память, память о жестокости, унижении, страхе или трусости, а не воспоминания о торжестве коллективной справедливости. Собрания утверждали советский социальный порядок, но при этом вели к психологическим травмам, разобщению, а дидактическим смыслом их было не воспитание и образование членов коллектива, а необходимость подчиниться институциональной и групповой власти.

Заключение

Собрания по проработке при всей их кажущейся повседневности были ритуалами социального исключения и деградации. Они предполагали выявление в поступках человека злого умысла, направленного против общественных моральных устоев. Клеймение «обнажало» порочные смыслы поведения прежде знакомого члена коллектива, превращая его в Другого, чужого.

Собрания проводили моральную черту между добром и злом, призывая участников высказывать негативные суждения не только об определенном поведении, но и о личности человека. В отличие от формального правосудия эти церемонии низового социального контроля покоились на интуитивно понимаемых интерпретационных схемах. «Подсудимым» в этих церемониях не предоставлялось никакой реальной защиты (хотя некоторые из присутствующих и могли пытаться за них заступиться), в то время как участникам предлагалось испытать радость от возможности осудить и покарать. Они давали ход прежде подавляемым эмоциям, зависти и ressentimentу, а также страху, стыду и чувству вины. Собра-

ния вместо того, чтобы восстанавливать нарушенные социальные связи, подрывали их. Но тем не менее они достигали своей цели, утверждая власть социального порядка — даже если его основания оказывались непроясненными и ценностное согласие по поводу значения девиантного поступка не было достигнуто. Как сказала Нина, чья история обсуждалась выше: «Двойной целью проработки было заклеить человека, раздавить его совершенно и в то же время повязать всех этим коллективным действием».

Собрания, риторически конструируя безусловное зло из обыденных или легко объяснимых в повседневной практике поступков, выводило участников из области повседневного в область метафизического, фантазмагорического, сакрального. В процессе собраний утверждалась власть Закона, со всей его безраздельной, непроясненной и карательной мощью. На собрании происходило не что иное, как конструирование зла, которое и подвергалось обличению. И эта процедура, столь радикально менявшая представления о человеке, нарушившем моральную норму, и требовавшая от участников присоединиться к ритуалу обличения, оказаться проводниками морального Закона, оказывала мощное психоэмоциональное воздействие и на участников, и на жертву осуждения.

На фоне сталинских коллективных ритуалов клеймения позднесоветские и особенно брежневские собрания часто воспринимаются некоей бледной копией. Однако представление о том, что это были более или менее пустые ритуалы, наполненные унылым конформизмом и не заряженные социальной и эмоциональной энергией обличения, не соответствуют действительности. Хотя к брежневскому времени ритуалы клеймения и стали определенной рутинной, это не означает, что собрания утратили свой травматичный характер.

Социальное клеймение развязывает процессы, при которых, с одной стороны, происходит подтверждение нарушенных моральных норм, а с другой, на поверхность вырываются прежде подавляемые чувства зависти, злорадства, наслаждения властью (пусть и сиюминутной) над другим человеком. Эти атрибуты социального клеймения, похоже, присутствуют и в современном обществе. Особенно это заметно в социальных сетях. Как показал Гусейнов, разбирая кейс, когда он сам подвергся шельмованию: участники демонстрируют речевое насилие, в котором, при всем буйстве ненависти от сексуальной до этнической, присутствует парадоксальный норматив-

визм²¹. Вражда и ненависть, развязываемые во имя наказания зла и защиты морального порядка, — все это, несмотря на разницу в контексте, столь же характерно как для советских собраний, так и для клеймения в наши дни. И хотя сейчас клеймение часто проходит без участия государства (хотя оно может попытаться воспользоваться моральным конфликтом), многие другие атрибуты клеймения сходны и, по-видимому, универсальны для человеческих сообществ.

Библиография

- Гусейнов Г. Об одном невольном эксперименте в русской политической риторике XXI века // Неприкосновенный запас. 2020. № 4. С. 109–129.
- Кон И. С. 80 лет одиночества. М.: Время, 2008.
- Куксин И. Брежнев и еврейская эмиграция // Заметки по советской истории. 2007. № 87. URL: <https://berkovich-zametki.com/2007/Zametki/Nomer15/Kuksin1.htm>.
- Лейбович О. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М.: РОССПЭН, 2008.
- Лихачев Д. Мысли о жизни. Письма о добром. М.: КоЛибри, 2015.
- Ницше Ф. К генеалогии морали // Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
- Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
- Хархордин О. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб.: Издательство Европейского университета, 2016.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- Alexander J. C. The Meanings of Social Life. N.Y.: Oxford University Press, 2003.
- Cohn E. The High Title of a Communist: Postwar Party Discipline and the Values of the Soviet Regime. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2003.
- Dean J. Žizek on Law // Law and Critique. 2004. Vol. 15. № 1. P. 1–24.
- Dittmer L. The Structural Evolution of Criticism and Self-criticism // China Quarterly. 1973. № 56. P. 708–729.
- Fitzpatrick S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Flam H. Mosaic of Fear: Poland and East Germany before 1989. Boulder, CO: East European Monographs, 1998.
- Gabdulhakov R. Citizen-led Justice in Post-communist Russia: From Comrades' Courts to Dotcomrade Vigilantism // Surveillance and Society. 2018. Vol. 16. № 3. P. 314–331.
- Garfinkel H. Conditions of Successful Degradation Ceremonies // American Journal of Sociology. 1956. Vol. 61. № 5. P. 420–424.
- Gorlizki Y. Delegalization in Russia: Soviet Comrades' Courts in Retrospect // The American Journal of Comparative Law. 1998. Vol. 46. № 3. P. 403–425.
- Halfin I. Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2007.
- LaPierre B. Hooligans in Khrushchev's Russia: Defining, Policing, and Producing Deviance during the Thaw. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1998.
- Žižek S. The Metastases of Enjoyment: Six Essays on Woman and Causality. L.: Verso, 1994.

21. Гусейнов Г. Об одном невольном эксперименте в русской политической риторике XXI века // Неприкосновенный запас. 2020. № 4. С. 109–129.

“What Was the Meaning of This Theatre of Absurdity” Public Shaming Meetings in the Late USSR

Svetlana Stephenson. School of Social Sciences, London Metropolitan University (LMU), s.stephenson@londonmet.ac.uk.

In recent years, we have seen a resurgence in the practice of public branding, a process in which members of a society express moral indignation at the views or behavior of an individual or a group. This stigmatization is especially common on social media, but it can also take other forms (meetings of Academic Councils and ethics commissions, the so-called cancel culture, and so on). The splitting of the public into opposing groups, the fury of the accusations, the severe consequences of stigmatization for social status, the reputation of a person, the often revealed interest of the state and certain institutions in unleashing or using stigmatization—all this makes it an important phenomenon of modern public life. Stephenson's article examines the practice of *prorabotka*, a ritual of public shaming that took place in schools, universities and workplaces in the Soviet Union. It argues that rather than being events dedicated to moral improvement and re-education of individuals by the collectives (as they were seen in the official discourse), these were repressive rituals that led to social degradation of the victims of shaming. It shows that in addition to an official script, the meetings had a supplementary script that unleashed negative moral emotions and affects but also generated guilt and fear.

Keywords: *informal law; public shaming; citizens' justice; everyday life in the Soviet Union.*

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-5-15-40

References

- Alexander J.C. *The Meanings of Social Life*, New York, Oxford University Press, 2003.
- Cohn E. *The High Title of a Communist: Postwar Party Discipline and the Values of the Soviet Regime*, DeKalb, IL, Northern Illinois University Press, 2003.
- Dean J. Zizek on Law. *Law and Critique*, 2004, vol. 15, no. 1, pp. 1–24.
- Dittmer L. The Structural Evolution of Criticism and Self-criticism. *China Quarterly*, 1973, no. 56, pp. 708–729.
- Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*, New York, Oxford, Oxford University Press, 1999.
- Flam H. *Mosaic of Fear: Poland and East Germany before 1989*, Boulder, CO, East European Monographs, 1998.
- Gabdulhakov R. Citizen-led Justice in Post-communist Russia: From Comrades's Courts to Dotcomrade Vigilantism. *Surveillance and Society*, 2018, vol. 16, no. 3, pp. 314–331.
- Garfinkel H. Conditions of Successful Degradation Ceremonies. *American Journal of Sociology*, 1956, vol. 61, no. 5, pp. 420–424.
- Gorlizki Y. Delegalization in Russia: Soviet Comrades's Courts in Retrospect. *The American Journal of Comparative Law*, 1998, vol. 46, no. 3, pp. 403–425.
- Guseynov G. Ob odnom nevol'nom eksperimente v russkoi politicheskoi ritorike XXI veka [On an Involuntary Experiment in 21st-Century Russian Political Rhetoric]. *Neprikosnovennyi zapas* [Reserve Stock: Debates on Politics and Culture], 2020, no. 4, pp. 109–129.
- Halfin I. *Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928*, Pittsburgh, PA, University of Pittsburgh Press, 2007.

- Kharkhordin O. *Oblichat' i litsemerit'*. *Genealogiya rossiiskoi lichnosti* [Denouncing and Hypocrisy: the Genealogy of the Russian Personality], Saint Petersburg, EUSPb, 2016.
- Kon I. S. *80 let odinochestva* [80 Years of Solitude], Moscow, Vremya, 2008.
- Kuksin I. Brezhnev i evreiskaya emigratsiya [Brezhnev and Jewish Emigration]. *Zametki po sovetskoj istorii* [Notes on Soviet History], 2007, no. 87. URL: <http://berkovich-zametki.com/2007/Zametki/Nomer15/Kuksin1.htm>.
- LaPierre B. *Hooligans in Khrushchev's Russia: Defining, Policing, and Producing Deviance during the Thaw*, Madison, WI, University of Wisconsin Press, 1998.
- Leibovich O. V gorode M. Ocherki sotsial'noi povsednevnosti sovetskoj provintsii [In 'M' City. Essays on the Social Everyday Life of the Soviet Province], Moscow, ROSSPEN, 2008.
- Likhachev D. *Mysli o zhizni. Pis'ma o dobrom* [Thoughts About Life. Letters about the Good], Moscow, KoLibri, 2015.
- Nietzsche F. K genealogii morali [Zur Genealogie der Moral]. *Soch.: v 2 t.* [Works: In 2 vols], Moscow, Mysl', 1990, vol. 2.
- Nietzsche F. Po tu storonu dobra i zla [Jenseits von Gut und Böse]. *Soch.: v 2 t.* [Works: In 2 vols], Moscow, Mysl', 1990, vol. 2.
- Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation], Moscow, New Literary Observer, 2020.
- Žižek S. *The Metastases of Enjoyment: Six Essays on Woman and Causality*, London, Verso, 1994.

История республиканской традиции в России

Олег Ларионов

Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья
до конца XX века. Коллективная монография/Под ред.
К. Соловьева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 824 с.

VERSUS

ТОМ 2 №5 2022

В СОВРЕМЕННЫХ российских гуманитарных и социальных науках едва ли не важнейшим пространством для продуктивного междисциплинарного диалога оказываются исследования политического. Ориентируясь на одни и те же методы (в первую очередь, на историю понятий в традиции Райнхарта Козеллека и историю политических языков в духе Кембриджской школы), историки, философы, филологи стремятся соединить анализ политических теорий с реконструкцией исторических форм их бытования и повышенным вниманием к их языковому измерению. Один из самых подходящих предметов для такого рода исследований — республиканизм, предстающий и как восходящая к Античности традиция мысли, и как актуальная политическая философия, и как набор понятий, и как ряд практик политического существования. Истории проявления различных аспектов республиканизма в России и посвящено рецензируемое издание, включающее в себя работы авторов из ведущих научных и образовательных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга.

Сборник открывается кратким введением его редактора Кирилла Соловьева, намечающего самые общие контуры того проблемного поля, которому принадлежат раскрывающиеся далее темы: трансформация понятия республики от Античности к Новому времени; далеко не сразу возникшее противопоставление ее монархии; повсеместное распространение и инфляция этого термина в наши дни; напряжение между суггестивными символическими ритуалами и бюрократической рациональностью современного государства; зазоры между политическим воображением и теоретическими описаниями власти с одной стороны и реальными способами управления — с другой; сосуществование антиреспубликанской доминанты политической жизни с языком и практиками республиканизма на протяжении всей истории России. В первой главе, предваряющей обсуждение собственно российского материала, Александр Марей, предлагая пристальное прочтение пассажей ряда классических текстов, обрисовывает европейскую историю понятия *res publica* от Античности до XVII века. У Цицерона республика («общее дело») была естественной формой жизни народа (*populus*) и выступала основой политического объединения, предметом разумного соглашения о правилах совместного общежития. Это понимание во многом сохранилось и у Августина,

который, однако, сместил акцент с рационального на аффективное: люди объединяются через любовь к общим вещам. В Средневековье *respublica* больше не обосновывалась через народ: она стала часто представлять метафорическим политическим телом, идеальной политической формой как таковой. То понимание республики, которое было у Фомы Аквинского, уже теоретически предвосхищало современное государство и абсолютную монархию. Наконец, в XVI–XVII веках, у Франсиско де Витории, Жана Бодена, Томаса Гоббса республика (государство) окончательно отделилась от народа, стала восприниматься как что-то поглощающее отдельных людей и наделенное суверенитетом.

Вторая глава книги, написанная Павлом Лукиным, посвящена республиканской риторике в Древней Руси. Республиканизм понимается исследователем не как конкретная историческая традиция, а как абстрактная политическая конструкция, с помощью которой можно концептуализировать устройство разнообразных обществ. Анализируя летописи, договоры, иностранные свидетельства, Лукин вычленяет устойчивые формулы, свидетельствующие о том, что в Новгороде и Пскове (а отчасти даже и в других городах: Киеве, Владимире-на-Клязьме, Полоцке) существовали представления о «политическом народе» («все новгородцы», «мужи-псковичи»), обладающем свободой («вся воля новгородская») и самостоятельно управляющем своим городом. Иной подход избирает в следующей главе Константин Ерусалимский, предлагая нюансированную характеристику дискурсов и практик «общего дела» в Московской Руси. С одной стороны, применительно к Московскому царству раннего Нового времени невозможно говорить о существовании республиканского политического языка, как и вообще о наличии теоретической политической рефлексии какого-либо толка. В то же время московские элиты постоянно сталкивались с теми или иными республиканскими формами: зная о Венеции или Голландии, получая новости об Английской революции, активно взаимодействуя с Польшей и Литвой. В результате, например, эмигрировавший князь Курбский использовал республиканский язык для описания Москвы, а «в годы Смуты высшая власть приближала свое правление к польско-литовскому монархическому образцу, не нарушая самодержавной полноты полномочий, но создавая формулы коллективного правления от име-

ни *всей земли или собора*» (с. 265). Таким образом, в московской политической культуре все-таки циркулировали образы «общего дела», пусть и не достигая полноценной кристаллизации.

Четвертая глава вновь обращается к истории европейского республиканизма: Наталья Ростиславлева в общих чертах обобщает учения английских, французских и немецких мыслителей XVII—начала XX веков. В следующих главах исследуются элементы республиканской традиции в России Нового времени. Как показывают Константин Бугров и Михаил Киселев, в XVIII веке в России в полной мере усваивается европейская политическая мысль и соответствующая терминология. «Республика» иногда «могла служить универсальным понятием, определяющим суверенную политическую общность» (с. 396), однако значительно чаще она оказывалась одной из форм «государства». Попытка ограничения монархии Верховным тайным советом в 1730 году концептуализировалась участниками и наблюдателями этих событий через противопоставление республики и монархии и способствовала оформлению расхожей аргументации, утверждавшей невозможность установления республики в России. Усваивая учение Монтескье, называвшего добродетель принципом древних республик, российские авторы, однако, стремились апроприировать привлекательные образы античных нравов, отрицали их связь с коллективным правлением и равенством и считали возможным культивировать их в монархической России. Республики подвергались при этом острой критике, а распространяющиеся идеи почитания законов, добродетели и тираноборчества не ставили под вопрос саму монархическую форму правления, закладывая основы «для отечественной традиции конституционализма» (с. 398). В то же время республиканским языком начинает описываться древний Новгород, становясь значимой фигурой национального исторического и политического воображения.

Месту республиканизма в России первой половины XIX века посвящена едва ли не самая концептуально насыщенная глава всей книги, написанная Михаилом Велижевым. Автор указывает на ряд базовых исследовательских проблем: как раз в XIX веке республиканская традиция поглощается новыми идеологическими доктринами и теряет свою автономию; тем более сложно обнаружить республиканизм в России, которая всегда была периферийна

для развития этой традиции; наконец, вычленяемые разнообразными республиканскими высказывания могут вступать в противоречие с самим республиканизмом как связанной политической теорией. Преодолеть эти трудности, по мысли Велижева, может подход, рассматривающий «республиканскую теорию не только и не столько как совокупность идей или понятий, но как особый *язык говорения о политике*, с помощью которого можно сделать определенный набор утверждений и дать истолкование целому ряду исторических событий и актуальных процессов» (с. 404). При этом необходимо увидеть поливалентность республиканского языка, его взаимодействие с другими политическими идиомами, а также поместить российский случай в общеевропейскую сравнительную перспективу. Даже в теоретическом плане республиканизм фундаментально амбивалентен и в разных изводах может включать или исключать монархию, размежевываться или сближаться с либерализмом. После Французской революции разные аспекты республиканизма начинают усваиваться новыми большими идеологиями XIX века — либерализмом, национализмом, социализмом. Если либерализму оказался в первую очередь близок республиканский акцент «на значимости представительных институтов власти» (с. 410), то национализм апроприировал республиканский патриотизм.

На этом фоне разворачивалась и история русского республиканизма того времени. Велижев рассматривает три сложившихся подхода к его изучению. Первый — это интерпретация республиканизма как автономного политического языка, который значительно уступал по влиянию провиденциалистской легитимации монархии, был связан с попытками конституционных реформ и разрабатывался в описаниях древнего Новгорода. Второй подход понимает республиканизм как политическую доктрину, которую в первую очередь можно обнаружить в некоторых программных документах декабристов. Наконец, третий — видит в республиканизме «определенный тип бытового поведения, ориентированный на образцы античной добродетели» (с. 451–452); в свою очередь, это «предполагает чрезвычайно развитое состояние публичной сферы» (с. 457), что являлось проблематичным для России того времени. Подробно охарактеризовав параллельное развитие республиканизма во Франции и Германии, исследователь приходит к выводу о слабости русской республикан-

ской традиции, не нашедшей выражения ни в значимых политических сочинениях, ни в социальных институтах, ни тем более в программах каких-либо партий или движений. Более того, если в Западной Европе республиканизм уже в 1830-х годах начинает смешиваться с социалистическими учениями, то в России после восстания декабристов он остается под запретом на протяжении всего николаевского царствования, во время которого в публичном пространстве тотально доминирует язык официального национализма. Все это не позволяет рассматривать русский республиканизм как автономную политическую идиому. В нем следует видеть «язык, вступающий в интенсивное взаимодействие с другими типами политической речи в разных политических обстоятельствах» (с. 481). Велижев иллюстрирует это положение рассказом о том, как Петр Чаадаев, весьма далекий от республиканизма, обратился к специфической английской традиции христианского республиканизма в «Апологии безумного», совместив самозащиту с верноподданническим монархическим дискурсом. Вслед за этим ученый демонстрирует, как в эпоху Николая в официальной речи республиканизм, как и либерализм, последовательно отождествлялся с революционными намерениями. Республиканизм в России первой половины XIX века не стал самостоятельной теорией или практикой, однако это «не должно мешать нам изучать разнообразные модусы существования республиканского языка, циркулировавшего в том числе внутри либерального, националистического или социалистического дискурса» (с. 505).

В седьмой главе Алексей Миллер описывает историю понятия «нация» в Российской империи. Это слово проникает в русский язык еще в XVIII веке и используется в том числе Денисом Фонвизиним для обозначения дворянской корпорации «как источника легитимной власти монарха» (с. 512). Начиная с Французской революции, понятие нации, наделенной суверенитетом, было тесно связано с вопросами конституции и представительства. Именно в этой точке история этого понятия пересекается с проблематикой республиканизма (что, впрочем, в тексте эксплицитно не проговаривается). В первой половине XIX века понятия нация/национальность и народ/народность использовались и в языке официальных реформаторов александровского царствования, и у декабристов (в проекте радикальной ассимиляторской унификации империи у Павла Пестеля).

При Николае «народность», один из элементов уваровской триады, не столько переводит на другой политический язык, сколько вытесняет нагруженную революционными и либеральными коннотациями «нацию». Во второй половине века это понятие возвращается в публичную сферу, фигурируя в дискуссиях об устройстве империи и отношениях России и Европы и постепенно переходя из либерального в правый (собственно «националистический») дискурс.

Отправной точкой для исследования Кирилла Соловьева в следующей главе сборника служит тезис о гетерогенном устройстве Российской империи второй половины XIX — начала XX века: ни абсолютная власть царя во всей ее театральности, ни сосуществующая с ней бюрократическая рациональность современного государства при всех своих претензиях на тотальность не были способны охватить то «разнообразие правовых регистров» и «множество социумов» (с. 557), из которых складывалась страна. Эти напряжения и зазоры во многом определили и направление политической рефлексии того времени. Так, Александр Герцен противопоставлял чрезвычайной власти самодержавия республику, тесно связанную с «земским принципом» (с. 561). Низовые формы кооперации должны были прийти на смену государству, согласно народническим идеям. С другой стороны, неославянофилы начала XX века разработали целую серию проектов по сближению самодержавия с народом через учреждение законсовещательного Земского собора или другие формы самоуправления, которые должны были противостоять бюрократическому аппарату государства. Примерно в это же время Владимир Соловьев продумывает модель христианского государства, в котором власть «должна следовать нравственному императиву, общепризнанному для любого христианина» (с. 585). Среди представителей власти и общественности бытовали разные точки зрения на соотношение бюрократии и форм самоуправления: в них видели как непримиримых врагов, так и союзников в общем деле. Сложное взаимодействие этих двух инстанций продолжилось и в Думе, которую иногда надеялись превратить в аналог английского парламента. Все это время собственно республиканская мысль и соответствующий понятийный аппарат находились на периферии общественных дискуссий и заняли в них центральное место только после Февральской революции,

когда были предприняты попытки вообразить контуры будущей республики и появились кратковременные надежды на спонтанное возникновение нового политического порядка.

К смежным сюжетам обращается в девятой главе книги Сергей Новосельский. Исследователь рассматривает циркулировавшие в 1905 году и сменявшие друг друга проекты созыва Земского собора, обновления Государственного совета через включение в его состав выборных членов, создания Думы и вообще разнообразного реформирования страны. По мере нарастания революционного кризиса консервативному крылу власти приходилось идти на все большие уступки общественному мнению, предоставляя населению гражданские свободы. Эта динамика отношений власти и общества прочитывается Новосельским через теоретическую рамку республиканизма в изложении Филипа Петтита: «идеи, вызывавшие нескрываемое одобрение в среде высшей столичной бюрократии и всецело разделявшиеся политически активной частью общества, были весьма созвучны» (с. 615) тем абстрактным политическим принципам, которые формулирует современный философ.

Книга завершается монументальной главой о советском и постсоветском республиканизме под авторством Андрея Медушевского. Исследователь подробно характеризует конструкции проектировавшихся и принятых конституций советской России, СССР и РФ: противоречивые политико-правовые основания большевистского республиканизма; сложное сочетание конфедерализма, федерализма и унитаризма, в том числе в вопросах сочетания республиканского и федерального гражданства и бюджета; оформление сталинской конституции 1936 года, сочетавшей видимость демократии с реальностью однопартийной диктатуры; оттепельные планы новой конституции и появление конституции 1977 года, закрепившей в 6-й статье «руководящую роль партии»; перестроечный переход к президентской республике; наконец, суперпрезидентская конституция РФ 1993 года и постепенный переход к «плебисцитарному авторитаризму» в наши дни (хронологически последнее упоминаемое событие — поправки 2020 года). Фоном этого анализа оказываются предельно общие характеристики социальной и политической истории описываемого периода: рассуждения о «сохранении общинных стереотипов в тради-

ционалистском сознании» (с. 682) и сталинской «светской теократии» (с. 715) или сетования на «устойчивость и непреодоленный характер коммунистических (вообще коллективистских) стереотипов во всех значимых сферах жизни» современной России (с. 786). В финале работы выражается теперь звучащая совсем уж наивно надежда на оживление республиканской традиции через сотрудничество гражданского общества с «частью мыслящей бюрократии» (с. 800).

Можно видеть, что в сборник вошли работы, значительно отличающиеся друг от друга не только по материалу, но и по методам: вдумчивое толкование фрагментов классических текстов или анализ юридических конструкций соседствуют с опытами разработки истории понятий, разными изводами истории политических языков и прочтениями конкретных исторических сюжетов через оптику абстрагирующей политической философии. Очевидно, что все эти главы не складываются в цельную историю русского республиканизма. Так, значимыми лакунами оказываются, например, левая рефлексия о республике (как дореволюционная, так и советская), а также республиканская риторика диссидентов или роль этого языка в перестроечную и раннюю постсоветскую эпоху. Дело, однако, не в тех или иных неосвещенных сюжетах: странно было бы требовать достижения какой-либо эмпирической «полноты». Гораздо более важным упущением следует считать отсутствие в сборнике какой-либо общей концептуальной рамки, функцию которой не выполняет довольно краткое введение. Едва ли удалось бы привести подходы разных авторов к общему знаменателю, но можно было бы эксплицировать сами зазоры между ними. Кроме того, в текстах сборника встречаются элементы продуктивной методологической рефлексии (в первую очередь у Михаила Велижева, а также Кирилла Соловьева и Константина Ерусалимского). Введение их на уровень обобщения, надстраивающегося над разборами отдельных случаев, позволило бы сформулировать ряд вопросов, фундаментальных для проекта изучения республиканской традиции в России: о содержании самого понятия республиканизма, о проблемном соотношении исторических дискурсов и практик (языка источника) и моделей политической философии (языка исследователя), о несовпадении гетерогенного общества и его гомогенной государственной кодификации и т. д. Проговаривание этих дилемм не применительно к конкретному

материалу, а на уровне возможного обобщения — оправдало бы претензию сборника на статус коллективной монографии и привело бы к концептуальной разметке пространства для последующих работ. Пока же, к сожалению, все теоретические обобщения оставлены на долю самих читателей книги.

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-5-41-50

Симптом и свидетельство: феминизм как разновидность психоанализа

Елена Вивич

Елена Вивич. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Институт гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ), Москва, Россия, evivich@hse.ru.

Около шестидесяти лет феминизм находится в сложных отношениях с психоанализом. С одной стороны, психоанализ затрагивает важные для феминизма темы, многие из которых могли бы быть переосмыслены с помощью феминистской теории. С другой стороны, содержательные противоречия между феминизмом и психоанализом мешают их продуктивному объединению. В статье выдвигается предположение, что проблемы, с которыми сталкивается проект феминистского психоанализа, возникают не столько из-за различий, сколько из-за сходств обоих дискурсов. Феминистская оптика структурно воспроизводит базовые идеи психоанализа. Устройство общества в феминизме понимается по аналогии с психоаналитическим бессознательным. Феминистский дискурс направлен на то, чтобы «захватывать» симптом и предложить ему интерпретацию. При этом интерпретационный аппарат феминизма отличается от психоаналитической теории тем, что основан на внутренне связанной системе прескрипций. Политическая вовлеченность в феминизме достигается постольку, поскольку симптом успешно интерпретируется через нее. Таким образом, индивидуальные случаи понимаются по аналогии с «сознательным» в психоанализе, а система прескриптивов — по аналогии с «бессознательным», благодаря чему формируется «коллективный» субъект действия. Психоанализ и феминизм находят причины симптома в разных, непересекающихся, областях, что и порождает конфликт между ними.

Ключевые слова: *феминизм; психоанализ; симптом; вовлеченность; прескриптивность.*

Введение

НА ПРОТЯЖЕНИИ второй половины XX века психоанализ находился с феминизмом в сложных отношениях. Вторая волна феминизма началась с неприязни к психоанализу: в 1999 году Джулиет Митчелл вспоминает, что «фотографию Фрейда наверняка можно было бы найти прищипленной к доске для дартса, с дротиком в глазу»¹. С точки зрения феминизма психоанализ, ведущий речь о «комплексе кастрации»², «зависти к пенису», «женском мазохизме»³, с посвященными фаллосу трактатами и лаканианским утверждением о том, что «женщины не существует»⁴, выглядел достаточно мизогинно. В 1970-х годах появляются первые предложения пересмотреть взгляды на психоанализ: начало разработок в области феминистского психоанализа связывают, в частности, с выходом в 1975 году книги Джулиет Митчелл «Феминизм и психоанализ»⁵. Феминистки задаются вопросом, нельзя ли объяснить устойчивость патриархальных социальных структур наличием скрытых психических процессов, поддерживающих и воспроизводящих эти структуры. Не оканчивается ли патриархат интернализован, не становится ли женская угнетенная позиция частью собственного «я»? Учение Фрейда может быть полезно тем, что выявляет эти психические процессы⁶. Психоанализ затрагивает вопросы сексуальности, семьи и указывает на значение материнской фигуры в становлении личности — пусть и не развивает эту идею должным образом. Кроме того, лаканианский психоанализ утверждает сконструированность понятий «женского» и «мужского», что в определенных аспектах совпадает с феминистской критикой⁷.

Расцвет феминистских психоаналитических теорий пришелся на 1980-е годы. Считается, что он примыкал к ла-

1. Mitchell J. Feminism and Psychoanalysis at the Millenium//Women: A Cultural Review. 1999. Vol. 10. № 2. P. 185.

2. Luepnitz D. Beyond the Phallus: Lacan and Feminism//The Cambridge Companion to Lacan/Rabate J.-M. (ed.). N.Y.: Cambridge University Press, 2003. P. 228.

3. Ibid. P. 221.

4. Ibid. P. 231. См. также: Жеребкина И. Роман с истерией: от феминистского постлакановского психоанализа к новым исследованиям истерии// Stasis. 2022. Т. 12. № 1.

5. Luepnitz D. Op. cit. P. 221.

6. Mitchell J. Op. cit. P. 286.

7. См. в: Luepnitz D. Op. cit. P. 221–237; Mitchell J. Op. cit. P. 186–191.

канианскому направлению в психоанализе⁸. Основной задачей этого проекта был поиск «женской» перспективы, специальной теории «женской» психики и альтернативы психоаналитическому «фаллоцентризму». Необходимо было, прежде всего, справиться с теми особенностями психоанализа, которые понимались как поддерживающие патриархат и легитимирующие угнетение женщин⁹. Именно на это были нацелены теоретические разработки Люс Иригарей, Юлии Кристевой, Элен Сиксу и Катрин Клеман¹⁰.

К 1990-м годам интерес к феминистскому психоанализу несколько угас. Митчелл отмечает, что феминистский психоанализ «натурализовался» и «дерадикализовался»: в том числе под влиянием квир-теории в нем стали обнаруживать «нечто консервативное»¹¹. С другой стороны, вслед за этим в самом феминизме появилась критика постструктуралистских и постмодернистских течений, включая квир-теорию. Авторки 1990-х годов критиковали эти направления за чрезмерное увлечение вопросами языка и репрезентаций, в ущерб «проблемам реальных женщин». В итоге к концу 1990-х годов на фоне попыток снова радикализовать феминистскую теорию интерес к психоанализу вспыхнул вновь¹². Уже в упомянутом эссе Джулиет Митчелл психоанализ представлен как способ снова обратиться к «реальным проблемам» семейной и повседневной жизни женщин, снова политизировать «частное»¹³.

В XXI веке, как пишет Ирина Жеребкина, «развивается своеобразная ностальгия по 80-м годам прошлого века», и мысли о возрождении феминистского психоанализа высказываются все чаще¹⁴. Подходы 1980-х годов кажутся устаревшими; объединение психоанализа и феминизма рассматривается как актуальная задача, которую нужно решить новым способом. Дебора Люпниц пишет, что феминизм и психоанализ нуждаются друг в друге: «Без психоанализа феминизм рискует редуцироваться к чисто материалистическому представлению о женщине или же довольствоваться очень ограниченными представлениями о фантазии, сек-

8. Жеребкина И. Роман с истерией: от феминистского постлакановского психоанализа к новым исследованиям истерии// Stasis. 2022. Т. 12. № 1. С. 18.

9. Mitchell J. Op. cit. P. 190.

10. Жеребкина И. Указ. соч. С. 19.

11. Mitchell J. Op. cit. P. 187–188.

12. Жеребкина И. Указ. соч. С. 17.

13. Mitchell J. Op. cit. P. 188.

14. Жеребкина И. Указ. соч. С. 17–18.

суальности и субъективности. Без феминизма психоанализ рискует быть использованным для усиления того, что сам Фрейд называл „нормальной“ мизогинией»¹⁵. Тем не менее противоречия между психоанализом и феминизмом остаются не преодолены.

Дмитрий Герчиков и Алиса Ройдман в статье «Непримиримость и обмен знанием между психоанализом и феминизмом» описывают результаты интервьюирования латвийских психоаналитиков из российского сообщества и приходят к выводу, что «почти столетний конфликт психоанализа и феминизма переживает новую стадию»¹⁶. Несмотря на преимущественно положительное отношение к феминизму, опрошенные ими аналитики не обращаются к феминистскому психоанализу и говорят, что с трудом могли бы применить на своих сеансах феминистскую оптику¹⁷. Опрошенные подтверждают, что взгляд психоаналитика с точки зрения феминизма представляет собой «мужской взгляд», в психоанализе присутствуют элементы мизогинии и психоанализ не оставляет места политической борьбе¹⁸.

Характерно то, что в фокусе внимания обычно оказываются только содержательные расхождения психоанализа и феминизма, которые и пытается преодолеть феминистский психоанализ. Например, необходимость избавиться от «фаллоса» заставляет искать другие метафоры: в качестве альтернативы, акцент можно сделать на «груди», «вагине» или «матке»¹⁹. Альтернативой «мужскому наслаждению» должно стать «женское наслаждение»²⁰. Кроме того, необходимо изменить модальность многих высказываний психоанализа, звучащих пренебрежительно или мизогинно: например, интерпретировать истерию как достойный восхищения бунт против патриархата²¹.

Однако исследование Герчикова и Ройдман позволяет предположить, что главная проблема кроется не в содержании, а в том, как в принципе устроены психоаналитический и феминистский дискурсы, почему психоанализ

15. Luepnitz D. Op. cit. P. 235.

16. Герчиков Д., Ройдман А. Непримиримость и обмен знанием между психоанализом и феминизмом // Stasis. 2022. Т. 12. № 1. С. 224.

17. Там же.

18. Там же. С. 220, 225.

19. Luepnitz D. Op. cit. P. 223.

20. Ibid. P. 228.

21. Жеребкина И. Указ. соч. С. 22.

каким-то образом сопротивляется политизации. Большинство психоаналитиков не могут одновременно занимать позицию аналитика и смотреть на мир через «очки» феминизма. В различных дискуссиях психоанализ и феминизм выглядят то как близкие и способные друг друга обогатить дискурсы, то как кардинально разные и взаимоисключающие. Я предполагаю, что причина таких колебаний заключается не в том, что феминизм каким-то образом «разоблачает» психоанализ и угрожает развенчать сущностно важную для него «позицию аналитика», а в том, что, напротив, феминизм слишком многое у психоанализа заимствует. Возможно, сосуществование французского феминизма второй волны в одном дискурсивном поле с лаканианским психоанализом и фрейдомарксизмом привело к тому, что феминистский теоретический аппарат, в своем классическом виде оформившийся примерно в этот период, оказался устроен похожим образом.

Сходство, о котором я говорю, — не содержательное, а структурное. Вместе с заложенными еще до 1960-х годов принципами устройства феминистского дискурса оно приводит к тому, что психоанализ и феминизм схожим образом находят решения схожих проблем, но решения эти лежат в разных плоскостях. Именно последний факт обостряет конфликт и мешает объединению психоанализа и феминизма. Точнее сформулировать первую и главную гипотезу этой статьи можно следующим образом:

1. Феминизм является разновидностью психоанализа.

Настоящая статья посвящена, скорее, убедительному обоснованию формулировки этой гипотезы, чем ее полноценному доказательству, которое требует более масштабного исследования. Чтобы показать, что выделенные мной дискурсивные особенности присущи любым феминистским текстам, в процессе аргументации я собираюсь использовать широкий спектр материалов: академические статьи феминисток, публичное интервью, материалы публичных дискуссионных площадок на платформе «ВКонтакте», публицистические статьи. К сожалению, не все материалы, которыми я располагаю, могут быть включены и проанализированы в формате статьи. Важным источником для меня также будет книга Френсис Грей «Юнг, Иригарей и индивидуация», в которой Грей пытается объединить перспективы Юнга и Люс Иригарей, отмечая множество важных

нюансов²². Кроме того, я принимаю во внимание собственный опыт симпатий к феминизму, хотя и не предполагаю ссылаться на этот опыт в процессе аргументации. Цель, которую я преследую, создавая такую разнообразную подборку, — выделить и предъявить некоторые инварианты высказываний, которые не зависят от контекста.

В первой части я условно разделю суждения на дескриптивные и прескриптивные и разберу основы собственного дискурсивного аппарата феминизма. Общая идея первой части в том, что дискурсивный аппарат феминизма основан на системе прескрипций определенного типа. Во второй части я выделю общие для феминизма и психоанализа структурные особенности. Я покажу, как сочетание этих особенностей с базовой системой прескрипций позволяет феминизму объединять «личное» и «политическое», производя мобилизацию. В третьей части я сравню феминизм и квир-теорию, что позволит мне собрать воедино представления о характерном лишь для феминизма «коллективном» субъекте действия, который оказывается противопоставлен «сингулярному» субъекту квир-теории. Наконец, в заключении я рассмотрю стратегии укрепления феминистского дискурса и разберу проект феминистской эпистемологии исходя из полученной ранее модели, а затем намечу пути для дальнейшего исследования этой темы.

Прескриптивные основы феминизма

Перед развернутой формулировкой основной гипотезы необходимо выдвинуть несколько предварительных тезисов. Для этого потребуются ввести условное разделение суждений на дескриптивные и прескриптивные²³. Под дескриптивными суждениями понимаются суждения, направленные на описание какого-либо положения дел. Например, реконструкция истории феминистских художественных течений в XX веке, произведенная Франческо Феррандо в статье «Феминистская генеалогия эстетики постчеловеческого в визуальных искусствах» состоит преимущественно из дескрипций. Феррандо описывает художественные течения,

22. Gray F. Jung, Irigaray, Individuation. Philosophy, Analytical Psychology, and the Question of the Feminine. N.Y.: Routledge, 2008.

23. Типов суждений можно выделить гораздо больше, но функциональную нагрузку в анализируемых мной текстах несет в основном именно это разделение.

пытается реконструировать исторический контекст, цитирует художниц, активисток и критиков. Задачей ее статьи является построение генеалогии феминистских художественных течений²⁴.

Определение прескриптивности было сформулировано в рамках направления универсального прескриптивизма в этике, родоначальником которого считают Ричарда Хэйра²⁵. Прескриптивные суждения — это предписания, которые часто принимают форму рекомендации или совета²⁶. Последним прескриптивы отличаются от прямых императивов — они не являются эксплицитными приказами совершать те или иные действия. Прескрипция всегда подразумевает обоснование предпочтительности того или иного варианта действия, исходя из набора каких-либо универсальных ценностей. Универсальные ценности, на которые ссылается прескрипция, определяют расстановку приоритетов. Таким образом, прескрипция утверждает некоторые состояния как предпочтительные по отношению к другим, из чего должна следовать необходимость совершить те или иные действия. Иными словами, — подразумевает набор оценочных и императивных суждений, прямо следующих из нее.

Как правило, прескрипции содержат в себе и дескриптивную часть тоже. Дескрипции могут использоваться для обоснования предпочтительности тех или иных выборов, утверждаемых прескриптивно. Но, в отличие от дескриптивных, прескриптивные суждения не могут быть истинными или ложными. С другой стороны, они могут быть успешными или неуспешными в зависимости от того, принят ли скрытый императив адресаткой²⁷. Прямыми прескриптивами являются, например, слова «должно» и «не должно»²⁸. Суждения с этими словами часто встречаются в манифестах, которые разбирает Феррандо. Например, в манифесте перформансистки ОРЛАН появляется предписывающее сужде-

24. Феррандо Ф. Феминистская генеалогия эстетики постчеловеческого в визуальных искусствах // Логос. 2022. Т. 32. № 1. С. 123–161.

25. Hare R. M. The Language of Morals. L.: Oxford University Press, 1972.

26. Dahl N. O. A Prognosis for Universal Prescriptivism // Philosophical Studies. 1986. Vol. 51. P. 384.

27. Ibid. P. 385; см. также: Sen A. K. The Nature and Classes of Prescriptive Judgments // The Philosophical Quarterly. 1967. Vol. 17. № 66. P. 46–47.

28. Под прескриптивами я понимаю здесь лексические единицы, под прескрипциями — высказывания любого объема, содержащие эти единицы и связывающие их между собой.

ние: «Плотское искусство должно быть феминистским»²⁹, с которым можно согласиться или не согласиться, но которое не может быть истинным или ложным. То есть суждение раскладывается на «хорошо будет, если плотское искусство будет феминистским» (оценочная часть), и «сделайте плотское искусство феминистским» (императивная часть). Если адресатка согласна с оценочным суждением, она принимает соответствующий императив. Подразумевается, что в должных условиях она решит поступить согласно императиву. Предшествующая часть манифеста, цитируемая Феррандо, содержит аргументацию, обосновывающую эту прескрипцию: «Плотское искусство противостоит не самой эстетической хирургии, а стандартам, которые ее пронизывают...» и т. д.³⁰

Первый рабочий тезис, который в связи с этим я собираюсь выдвинуть, звучит следующим образом:

2.1. В основе феминистского дискурса лежит система прескриптивов.

Из этого следует, что:

2.2. Любой феминистский текст организован вокруг ряда базовых прескрипций.

Это значит, что все дескрипции, которые могут присутствовать в феминистском тексте, присутствуют там потому, что являются аргументативной базой по отношению к каким-то прескрипциям. Скажем, вышеупомянутый текст Феррандо не является просто обзором художественных работ, чужих высказываний и манифестов: существует некая прескрипция, собственный манифест, которому служит этот обзор. Это свойство феминистских текстов хорошо знакомо авторкам-феминисткам: редакторки *FEM TALKS* пишут, что «граница между феминистской теорией и активизмом расплывчата, если не иллюзорна»³¹. Указание на него часто тоже дается в прескриптивной форме: например, Амия Шринивасан в интервью журналу *Radical Philosophy* под названием «Какой должна быть феминистская теория?» одоб-

29. Феррандо Ф. Указ. соч. С. 148.

30. Там же. С. 148.

31. Денисова К., Красильникова А. Прекратить бег по кругу: феминистские авторки и переводчицы против андроцентризма // Логос. 2022. Т. 32. № 1. С. 9.

рительно отзываясь о текстах, которые «не только проводят концептуальный анализ» каких-либо явлений, но предоставляют аргументы в пользу тех или иных действий по улучшению положения дел³². Мой тезис же заключается в том, что любые феминистские тексты в любом случае устроены подобным образом. При этом речь идет не только об академическом феминизме, но и о публицистике, текстах на дискуссионных площадках и даже о лентах новостей на феминистских порталах. Аналитические феминистские тексты, которые Шринивасан находит чересчур описательными, тоже не могут быть действительно отстранены от этики и являются в некотором роде частью активистской деятельности. То, за что выступает Шринивасан, — больше конкретики и эксплицитного выражения рекомендаций по определенным социальным вопросам, которые, действительно, в текстах могут отсутствовать.

В этой связи стоило бы разделять те прескрипции, которые являются эксплицитным предметом обсуждения для авторок феминистских текстов, и те прескрипции, которые структурно организуют это обсуждение. Феминистские тексты часто посвящены обсуждению тех или иных извлеченных из публичного поля прескрипций, а программные тексты — методологическим вопросам того же характера. Я же утверждаю, что прескриптивным является сам концептуальный аппарат, используемый феминистками, и их способ организации мысли, которые сохраняются вне зависимости от содержания текстов. Ключевой вопрос заключается в том, как отделить организующие дискурс прескрипции от прескрипций, являющихся предметом обсуждения.

Пролить свет на этот вопрос позволяет анализ одного из наиболее важных для феминизма понятий — понятия субъекта. Или, как формулирует его Френсис Грей: «что такое женщина?» и как возможна «женская перспектива», создать которую стремится феминизм³³. Внутри феминистской теории существует сложность: выделение женщин как класса предполагает наличие каких-либо общих свойств всех индивидов, попадающих в этот класс. Попытки сконструировать политического субъекта «женщина», который оказался бы полностью за пределами маскулинной перспективы, подразумевает выделение какой-либо социальной

32. *Srinivasan A.* What Should Feminist Theory Be? // *Radical Philosophy*. 2022. URL: <https://radicalphilosophy.com/interview/what-should-feminist-theory-be>.

33. *Gray F.* Op. cit. P. 129.

группы по общим признакам. Но утверждение о том, что всем женщинам присущи какие-либо общие качества, может вызвать упреки в «эссенциализме» и поддержке доминирующих представлений о фундаментальном различии мужчин и женщин. В частности, упреки в эссенциализме вызывает и психоанализ Люс Иригарей³⁴.

Грей защищает Иригарей, замечая, что авторки, рассуждающие об «эссенциализме», недостаточно хорошо поняли Аристотеля, на которого ссылаются, вводя этот термин. Эссенция у Аристотеля означала не какие-либо обязательные предикаты или «врожденные свойства» вещи, а ее первопричину. Причина, дающая начало вещи, ее «исток», не может быть набором качеств — «эссенция», скорее, оказывается близка понятиям «идеи», «задумки» вещи³⁵. Грей пишет, что авторки-феминистки, говоря об «эссенциализме», скорее, выступают против распространенных примеров употребления слов «женщина» и «феминность», которые не согласуются с фактами и их личным опытом. Иначе говоря, феминистки борются не с «эссенциализмом», а со «стереотипами»³⁶.

Грей пишет, что, как только мы начинаем спрашивать, о каких конкретно женщинах идет речь и кто именно является субъектом феминистских высказываний, то тут же сталкиваемся с тем, что класс «женщины» не подразумевает какой-либо однородности. Содержанием любого определения «женщины» для формирования группы «женщин» поэтому будут некоторые стереотипы, которые не обязаны точно описывать реальность. Неприменимость точных определений к конкретным случаям Грей считает функциональной особенностью языка как такового, с которой не нужно бороться³⁷. Те феминистки, которые борются со стереотипными определениями, в свою очередь, порождают собственные стереотипные определения, которые точно так же не способны описать опыт абсолютно всех женщин³⁸. Нет смысла спрашивать о *содержании* таких стереотипных понятий, как «женщина», пишет Грей. Эти понятия функциональны, и нужны лишь для того, чтобы посредством отсылок к стереотипам сформировать у читательниц более общее понятие социального класса³⁹.

34. Gray F. Op. cit. P. 132.

35. Ibid. P. 140.

36. Ibid. P. 143.

37. Ibid. P. 144.

38. Ibid. P. 145.

39. Ibid. P. 148.

Невозможность определить объем некоторых системообразующих понятий и эксплицировать содержание некоторых высказываний в феминизме — то, на что мне хотелось бы обратить здесь внимание⁴⁰. Интерпретация этого феномена, предложенная Грей, хорошо работает в рамках дискуссии об эссенциализме, но не может объяснить всех случаев неоднозначного словоупотребления в феминистских текстах. Далее мне бы хотелось разобрать больше разнообразных примеров, чтобы подкрепить ими свои соображения.

В качестве первого примера можно рассмотреть статью Розы Брайдотти «Изображения тела и порнография репрезентации»⁴¹. Статья посвящена обзору тенденций медиализации женского тела в соответствии с принципами научной репрезентации. Во введении Брайдотти заявляет, что одной из задач статьи является «актуализация и теоретизация альтернативной женской субъектности и поиск адекватных форм ее репрезентации»⁴². Она занимает в некотором роде антисциентистскую позицию, считая методологию научного исследования (в частности, «биомедицинский взгляд») отражающей принципы патриархального господства и идею «садистского» господства над женщиной⁴³. «Я думаю, что современная культура очарована мифом о партеногенезе», — пишет она, причем партеногенез является способом избежать признания «собственного происхождения в теле женщины»⁴⁴. «Биомедицинский взгляд» становится «садистским» и основан на идее «отделения плода от тела матери»⁴⁵. «Биомедицинские технологии призваны поддерживать маскулинную фантазию о самопорождении», — пишет Брайдотти⁴⁶. Короче говоря, «изучаемое, постигаемое и интеллектуально овладеваемое тело — это женское тело, и в частности — материнское»⁴⁷. «Разделение и автономия», «дистанция», «ясное определе-

40. Этот вопрос, поставленный Грей, неожиданно подкрепляется лаканианским анализом понятия «женщина». В частности, на XX семинаре Лакан рассказывает о том, что «множества *все женщины* не существует», и формирует следующий негативный тезис: «не все женщины являются субъектами фаллической функции. См. в: *Luepnitz D. Op. cit.* P. 231.

41. Брайдотти Р. Изображения тела и порнография репрезентации // Логос. 2022. Т. 32. № 1. С. 104–122.

42. Там же. С. 104.

43. Там же. С. 115.

44. Там же. С. 111.

45. Там же. С. 114–115.

46. Там же. С. 115.

47. Там же. С. 107.

ние границ между собой и миром» считаются «мужской точкой зрения»⁴⁸. Такому «перверсивному», «садистскому» подходу, ведущему к «порочным последствиям» Брайдотти противопоставляет феминистскую критику, которая способна разработать «эффективную политику» репродуктивных технологий⁴⁹.

Каким образом необходимо понимать все эти высказывания? Скажем, высказывание Брайдотти о том, что «изучаемое, постигаемое и интеллектуально овладеваемое тело — это женское тело» не предполагает какой-либо конкретизации. Иначе говоря, не существует никакого конкретного «изучаемого тела» или множества таких конкретных тел, которые при более пристальном изучении оказываются «женскими». Так можем ли мы выяснить содержание и объем понятий «изучаемое тело», «женское тело»? Могу ли я отнести к «изучаемым женским телам» свое тело или тело авторки и каким образом это утверждение должно согласовываться с моим персональным опытом? Все ли женщины когда-либо сталкиваются с «биомедицинским взглядом»? Всем ли женщинам доступна трансплантация органов или современная медицина в целом? То же самое можно спросить о понятиях «мужское» и «маскулинное». Почему описываемый Брайдотти взгляд именно «перверсивный» и «мужской», а не, скажем, преимущественно «наивный» и «детский»⁵⁰? Можно ли доказать какое-либо из высказываний Брайдотти?

Согласно Грей, задавать подобные вопросы нет смысла. Но действительно ли Брайдотти работает с речевыми стереотипами — выступает против каких-то из них, совершает обзор стереотипов или пытается создать и ввести в употребление новые? Похоже, что все ровным счетом наоборот: текст Брайдотти содержит намеренно неожиданную интерпретацию, которая претендует на новизну и вряд ли может считаться конвенционально-приемлемой с точки зрения того, как обычно употребляются слова «женское», «мужское», «материнское», «тело». Он также намеренно не содержит какого-либо анализа эмпирического материала, вроде интервью медицинских работников или научных сотрудни-

48. Там же. С. 117.

49. Там же. С. 116.

50. У Брайдотти проскальзывает аналогия со взглядом ребенка, который ломает вещи из интереса, которую можно было бы развить. См. в: *Брайдотти Р. Указ соч.* С. 113.

ков, где можно было бы наблюдать подобные стереотипы. Более того, если Брайдотти удастся ввести эти стереотипы словоупотребления в оборот, это сослужит ей плохую службу, поскольку текст, вероятно, потеряет большую часть своей патетической силы.

Множество других примеров можно найти в публичном поле, а именно на тематических интернет-ресурсах, где обсуждаются проблемы феминизма. Необходимо заранее подчеркнуть, что я намеренно выбираю одни тексты, ярко высвечивающие интересующее меня явление, и пренебрегаю другими. Далеко не все феминистские тексты используют слова «женский» или «мужской» как сугубо функциональные понятия — потому, что в них можно обнаружить и достаточно весомую дескриптивную часть, в которой описываются факты, действительно содержательно связанные с гендерным разделением. Скажем, тот факт, что большинство жертв изнасилований — женщины, невозможно опровергнуть, заменив слово «женщины» на слово «мужчины». Причина этого в том, что представление о гендерном разделении содержательно связано с дескриптивной частью суждения. Высказывание в целом является преимущественно дескриптивным. Здесь же мне хотелось бы найти примеры суждений, в которых системообразующий концептуальный аппарат четко отделен от дескриптивно-аргументативной части текстов.

На рассматриваемых мной ресурсах обычно публикуются эмоционально заряженные тексты о бытовых ситуациях и повседневных проблемах, объясняющие те или иные случаи при помощи феминистской оптики. Я предполагаю, что ресурсы, подобные сообществам «Свобода быть собой (СБС)»⁵¹, *Fem Unity*⁵², «Феминизм: наглядно»⁵³, «Феминизм Shelter»⁵⁴, которые можно найти в социальной сети «ВКонтакте», или сетевые журналы вроде *Wonderzine*, «РФО „ОНА“», играют большую роль в распространении идей феминизма в русскоязычном сегменте интернета. Возьмем для примера часть текста из группы «Свобода быть собой (СБС)» про то, что одинокие отцы вызывают у людей восхищение, а одинокие матери — осуждение:

51. Свобода быть собой (СБС). URL: https://vk.com/womens_freedom.

52. Fem Unity. URL: <https://vk.com/club77503163>.

53. Феминизм: наглядно. URL: https://vk.com/feminism_visually.

54. Феминизм Shelter. URL: <https://vk.com/feminizmshelter>.

Когда мужчине приходится в силу обстоятельств выращивать детей одному и у него оказывается при этом доступ в сеть, его душераздирающая история несется по интернету на крыльях многочисленных перепостов и лайков. <...> Независимо от того, куда делась мать детей, — умерла или ушла в дальнейшее плавание (а это все равно что умерла, как она могла!), одинокий отец возводится обществом в ранг святого. <...> Во дает, вот это мощь! Респект и уважуха, чувак. А мать мы осудим, осудим!⁵⁵

Чтобы увидеть, что в данном тексте слова «мать», «женщина», «отец», «мужчина» не несут смысловой нагрузки, а только функциональную, достаточно попытаться заменить все вхождения этих слов на гендерно-противоположные:

«Когда женщине приходится в силу обстоятельств выращивать детей одной и у нее оказывается при этом доступ в сеть, ее душераздирающая история несется по интернету на крыльях многочисленных перепостов и лайков», «одинокая мать возводится обществом в ранг святой», «а отца мы осудим, осудим» и т. д.

Можно вообразить подобный текст без особых смысловых искажений в антифеминистской или мизогинной группе. То есть никакой содержательной специфики, которую можно было бы соотнести с гендерными стереотипами, текст не несет, но по какой-то причине и сам он, и комментарии под ним посвящены обсуждению случаев неэтичного поведения мужчин в схожих ситуациях. Подобные случаи представлены как проявление гендерного неравенства. В качестве другого примера из той же группы можно взять пост с изображениями игрушек и картин из войлока под тегом «женская работа» (рис. 1). Сами по себе изображения не содержат никакого указания на гендер и политические взгляды мастера или мастерицы, но оказываются каким-то образом связаны с феминистской проблематикой. В сущности, изображения войлочных игрушек можно было бы заменить на любые изображения сделанных своими руками вещей без потери смысловой нагрузки.

Еще один пример из публичного поля: статья «Женщина не должна говорить „нет“: как общество запрещает тебе отказывать», опубликованная в сообществе «Феминизм:

55. Когда мужчине приходится...//Свобода быть собой (CBC). URL: https://vk.com/wall-127038608_160012?hash=146e382a81afe1220b.



Свобода Быть Собой (СБС)

30 июн в 10:00

...

#сбс_женская_работа #сбс_красивый_арт

Светлана yoki_tokki



РИСУНОК 1. #сбс_женская_работа//

Свобода быть собой (СБС). URL:

https://vk.com/wall-127038608_162902

наглядно»⁵⁶. В статье говорится о том, что с детства девочки учат со всем соглашаться, но необходимо научиться отказывать. Статьи на ту же тему, содержащие те же самые тезисы, но написанные в гендерно нейтральном тоне, можно найти на других публичных ресурсах: скажем, статья «Как отказывать? Советы психолога: как научиться говорить „нет“» на сайте «Хороший психолог»⁵⁷. Акцент на гендере практически ничего не добавляет к содержанию статьи.

Наконец, можно вспомнить историю, которую сама Френсис Грей рассказывает во введении к своей книге. Она говорит о том, что однажды посетила конференцию, на которой большинство спикеров были мужчинами. Когда она после одного из докладов порекомендовала автору

56. Женщина не должна говорить «нет»: как общество запрещает тебе отказывать//Феминизм: наглядно. URL: https://vk.com/@feminism_visually-zhen-shchina-ne-dolzha-govorit-net-kak-obschestvo-zapreschaet. Изначально опубликовано в журнале *Cosmo*.

57. Как отказывать? Советы психолога: как научиться говорить «нет»//Хороший психолог. URL: <https://психолог-хороший.рф/как-говорить-нет/>

доклада почитать Канта, автор не отреагировал на ее совет, а лишь спросил: «Вы где-нибудь преподаете?», Грей посчитала этот вопрос крайне некорректным: «словно меня можно воспринимать всерьез только при наличии работы в академии». Исходя из того факта, что спикерами на конференции были только мужчины, Грей интерпретировала вопрос о преподавательской деятельности как проявление мизогинии. «Ожидали ли они, что их будут слушать потому, что они были экспертами, или потому, что они были белыми мужчинами-экспертами среднего класса?» — спрашивает Грей и склоняется ко второму варианту⁵⁸. Выбор интерпретации для этой истории может быть весьма произвольным. Содержание истории неспецифично в плане гендерных ролей.

Все приведенные мной примеры с точки зрения феминизма можно назвать описанием «женского опыта», аккумуляцию которого предполагают соответствующие ресурсы и за артикуляцию которого выступают авторки академических статей. Тем не менее во многих случаях сложно объяснить, в чем состоит принципиальная «женскость» этого опыта. При попытке это сделать мы неизбежно приходим к рекурсивному определению: «женский опыт — это любовью опыт, *если он принадлежит женщине*». Понятие «женщина» имеет тенденцию отрываться от какого-либо содержания. Оно также часто оказывается отвязано от каких бы то ни было речевых стереотипов и функционирует само по себе.

Объяснение, которое предлагает этому явлению Грей, на мой взгляд, оставляет в стороне две вещи: 1) каким образом, если феминистский субъект «женщина» является всего лишь речевым стереотипом, она может стать субъектом действия, то есть мобилизовывать к действию и политической борьбе конкретных женщин? 2) Каким образом происходит причисление себя к классу «женщины», то есть переход от «личного» к «политическому» в каждом конкретном случае? Кажется, что «женский субъект», «женский опыт», на которых настаивают авторки-феминистки, должен быть чем-то большим, чем очередным речевым стереотипом. «Женщина» не просто обладает какими-либо качествами, она еще и является активной силой в борьбе против патриархата. Несмотря на значительные изменения в понимании того, какой должна быть феминистская борьба, пришедшие

58. Gray F. Op. cit. P.X.

со второй и с третьей волнами феминизма, я полагаю, этот момент остался неизменным.

Мое предположение заключается в следующем: системообразующие понятия феминистского дискурса, такие как «женский опыт», «женщина», «мужчина», «патриархат», «угнетение», «господство» и прочие являются прескриптивами. При этом они могут содержать и дескриптивную часть. Ричард Хэйр пишет о том, что определить тип суждения можно следующим образом: если главной в нем является дескриптивная часть, то она должна оставаться неизменной, в то время как смысл прескрипции будет меняться в зависимости от контекста. С другой стороны, если прескриптивная часть преобладает, то в зависимости от контекста меняется лишь дескриптивная часть⁵⁹. Все вышеприведенные примеры, включая обсуждение проблемы эссенциализма у Грей, достаточно ясно указывают на то, что дескриптивная часть понятий «женщина», «женский опыт» и т. д. сильно варьируется в зависимости от контекста и может быть практически любой, тогда как прескриптивная часть остается неизменной. Именно прескриптивная часть ответственна за создание политической субъектности.

Кроме того, по-видимому, такие прескриптивы, как «мужской» и «женский», «маскулинный» и «феминный», определяются через отрицание друг друга — то есть составляют бинарные оппозиции. То же самое касается понятий «угнетение» и «господство», связанных с соответствующими гендерными ролями. Понятие «патриархат» — название всей системы прескриптивов, относящихся к господству и угнетению, вместе с отношениями между ними.

В связи с этим мой следующий тезис:

3. Смысл феминистских прескриптивов определяется вне зависимости от контекста, из связи прескриптивов между собой.

Это значит, что императивная и оценочная части прескрипций выводятся не из отдельных прескриптивов, а из отношений, в которых прескриптивы находятся в общей системе. Кроме того, можно с уверенностью утверждать, что системообразующими прескрипциями являются негативные прескрипции: система прескриптивов, опреде-

59. Hare R. M. Op. cit. P. 114–115.

ляющая патриархат, говорит, в первую очередь, о «не должном», о том, как «не должно быть».

Система прескриптивов подразумевает наличие нормы связанности суждений. Любое феминистское высказывание, таким образом, следует этой норме и оказывается организовано в соответствии с правилами, которые задает само использование в тексте базовых прескриптивов.

В результате система бинарных оппозиций феминистского дискурса рисует некую карту или диспозицию. Тем или иным позициям придается определенный «вес» (исходя из позитивной или негативной оценки позиции). «Женщина» и «мужчина» в данной системе — субъектные позиции. Так как позиции прескриптивны, они предполагают те или иные императивы, или рекомендации к действию. Иначе это можно представить как игровое поле, на котором обозначены места для акторов и возможные ходы. На примере уже упомянутой статьи Брайдотти удобно наблюдать за тем, каким образом расставляемые ею прескриптивные позиции складываются в диспозицию. Антисциентистское высказывание, которое она делает, можно было бы совершить с похожей аргументацией без привлечения феминистского аппарата, но Брайдотти необходимо свести это высказывание именно к феминистской системе прескриптивов. Поэтому все, против чего она выступает в науке, становится дескриптивной базой прескриптива «мужское», с которым связываются исключительно негативные характеристики. Эмоционально и ценностно нагруженные прескриптивы «садистский», «извращенный», «перверсивный», «порнографический» связываются с понятием «мужской» (а именно мужской взгляд в науке). Расстановку позиций и приоритетов закрепляют такие прескриптивные фразы, как «то, что эмансипация плода в нашей столь патриархальной культуре должна происходить за счет матери, ужасно, но не удивительно»⁶⁰. Позиция «женщина» располагается напротив позиции «мужчина»: женщина и ее деятельность (деторождение, материнство, критика науки) занимают «хорошую», «одобряемую», но подавленную в ходе борьбы сторону. Субъект «женщина» на игровой доске Брайдотти — почти проигравшая «хорошая» сторона, которая должна взять реванш. Подтверждению этой идеи и служит ее критика науки.

60. Брайдотти Р. Указ. соч. С. 116.

Занятие конкретным человеком той или иной позиции на доске предполагает согласие с императивами. Здесь снова встает вопрос, который уже был поставлен ранее и на который не дает ответа Грей: что именно заставляет субъекта соотносить себя с позицией «женщина» и, таким образом, принять суждения должностования, предполагаемые феминистским дискурсом?

Мой ответ, позволяющий перейти к дискуссии о сходствах между психоанализом и феминизмом, звучит следующим образом: согласие с прескрипцией в феминизме обуславливает наличие определенного устойчивого, эмоционально нагруженного личного опыта. Подобный опыт в психоанализе называют симптомом. Здесь я перехожу к следующему тезису, который буду разбирать в четвертой части:

4. Система прескрипций в феминизме формирует определенную оптику только том в случае, когда интерпретирует симптом.

Чтобы раскрыть этот тезис, необходимо прояснить, на каких основаниях универсальный прескриптивный аппарат может быть связан с индивидуальным симптомом.

Наследие психоанализа

Главное введенное Фрейдом различие, которое остается важным для любой психоаналитической теории, — это различие между сознательной и бессознательной сферами психики. У психоаналитиков, последовавших за Фрейдом, это различие концептуализируется по-разному: скажем, Юнг разделил бессознательное на поверхностный, «личностный», слой и более глубинное «коллективное бессознательное»⁶¹. Лакан понимал бессознательное вначале как «речь», затем как инкорпорированный «язык», а в поздний период творчества — как «вместилище влечений»⁶². Пара «сознательное/бессознательное» превратилась у него в «символическое/вообра-

61. Gray F. Op. cit.; Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2019.

62. Soler C. The Paradoxes of the Symptom in Psychoanalysis//The Cambridge Companion to Lacan/Rabate J.-M. (ed.). N.Y.: Cambridge University Press, 2003. P. 85.

жаемое». Триадиические отношения завершает «реальное», сплетенное с двумя другими сферами психики в Борромеев узел⁶³. Лакан и Юнг схожи тем, что, в отличие от Фрейда, связывают бессознательное с социальным: у Лакана бессознательное представляет собой инкорпорированную в результате коммуникации языковую модель, а у Юнга «коллективное бессознательное» является всеобщим пространством мифов и архетипов, из которого появляется всякое индивидуальное сознание. Модель психики у разных психоаналитиков может по-разному усложняться, но фундаментальным открытием психоанализа может считаться именно отделение сознательного от бессознательного: предположение, что существует ненаблюдаемая и неконтролируемая часть личности, оказывающая влияние на то, как функционирует ее наблюдаемая и контролируемая часть⁶⁴. Бессознательное и сознательное плотно связаны, и наблюдаемые явления — в частности, *симптомы* — что-то говорят, открывают правду о бессознательных процессах⁶⁵. Определение симптома как проявлений бессознательного зависит от трактовки бессознательного конкретными авторами.

Скажем, Фрейдом симптом понимался как способ разрядки вытесненных в бессознательное влечений⁶⁶. У раннего Лакана симптом представлял «посланием» бессознательного. Позже Лакан пришел к тому, что симптом — это «означающее, структурированное как метафорическая цепь, скрывающая первичное означаемое — травму»⁶⁷. Симптомы переживаются как нечто проблематичное, сопровождаются неприятными эмоциями. В классическом психоанализе это могут быть «тревога, соматические расстройства, нарушения мышления»⁶⁸. У позднего Лакана симптом «собирает воедино разрозненные элементы бессознательного», это уже «не проблема, а решение»⁶⁹. Симptom также перестает быть чем-то «девиантным», им может считаться широкий спектр явлений,

63. Ibid. P. 93; Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа. М.: Гнозис, Логос, 2009. С. 100.

64. Там же. С. 54; Юнг К. Г. Указ. соч. М.: АСТ, 2019. С. 8.

65. Лакан Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа // Семинары. М.: Гнозис, Логос, 2009. Кн. 1. С. 48.

66. Soler C. Op. cit. P. 87; Gray F. Op. cit. P. 22.

67. Soler C. Op. cit. P. 86.

68. Ibid. P. 87–88.

69. Ibid. P. 90.

сопряженных с беспокойством и эмоциональными переживаниями, — например, гетеросексуальные половые отношения⁷⁰. У Юнга наличие симптома означает утрату контроля над бессознательным и его проявлениями в сознании, «слабость» сознания и его «нежелание нести ответственность», которые преодолеваются при помощи индивидуации⁷¹.

Симптом лишь косвенно говорит о бессознательных структурах: отдельные симптоматические явления указывают на подавленные части психики, шифруя их и представляя в искаженном виде⁷². Работа психоаналитика заключается в том, чтобы путем «археологии» прошлого пациента расшифровать симптом и предложить такую интерпретацию, которая раскроет связь между сознательными и бессознательными процессами⁷³. Успешность лечения зависит от того, удастся ли привести сознательные структуры в соответствие с бессознательными, «распутать» узел. Здесь возникает еще одна важная для психоанализа категория: *интерпретация*.

Из всего разнообразия трактовок важно вынести следующие ключевые идеи: 1) симптом проявляет себя как неприятный опыт, он беспокоит пациентку, связывается с негативными эмоциями; 2) симптом устойчив, он постоянно повторяется и может быть вызван определенными триггерами; 3) у симптома есть какая-то семантика, он может рассматриваться как набор символов или означающих, указывающих за пределы сознания⁷⁴. Расшифровать симптом исключительно апелляцией к сознательному и наблюдаемому невозможно: симптом предполагает наличие внешних по отношению к сознанию структур, воздействующих на сознание.

70. Soler C. Op. cit. P. 89.

71. Юнг К. Г. Указ. соч. С. 160; Gray F. Op. cit. P. 8. По приведенной ссылке Грей пишет, что индивидуация — способ работы с симптомом и согласно Юнгу, и согласно Иригарей. У Иригарей индивидуироваться должна женщина, чтобы появиться как политический субъект.

72. Soler C. Op. cit. P. 87.

73. Лакан Ж. Указ. соч. С. 22.

74. Разумеется, «симптом» не обязательно означает «болезнь». Граница между болезнью и нормальным состоянием в данном случае размыта. Во многих версиях психоанализа прескриптивное понятие «нормы» ставится под вопрос: «симптомами» могут считаться и формально «нормальные» состояния.

Рис. 2 позволит точнее описать выделенную мной структуру. Меньшая окружность на схеме представляет собой «сознательное» (или «воображаемое», область наблюдаемых психических явлений). Отдельные точки — наблюдаемые феномены, эмоции, воспоминания, знаки, связанные между собой в симптоме. В большей окружности, «бессознательном» («символическом», область скрытых явлений) существуют какие-то феномены, которые связаны горизонтальными линиями с соответствующими феноменами в области сознательного, но в другой последовательности. Фигура *b* не соответствует по форме фигуре *a*, хотя они изоморфны. Психотерапевт путем словесной интерпретации феноменов, составляющих фигуру *a*, должен привести фигуры *a* и *b* в соответствие друг другу.

Я предполагаю, что феминизм точно так же работает с симптомом, но причины симптома располагает не в области психоаналитического бессознательного, а за границами психики, в области социального. Более точно соотношение между психоаналитическим и феминистским дискурсами выражено на рис 3. Феминизм считает причиной симптома *a* структуру *c*, которая находится в области социального. Область сознательного-символического остается на прежнем месте, а вот психоаналитическое «бессознательное» феминистским дискурсом не захватывается. Отсюда первое пояснение, раскрывающее тезис 4:

4.1. Прескриптивная система феминизма — это идея бессознательного, вынесенного в область социального.

По этой причине феминистский психоанализ оказывается так озадачен именно лаканианским «символическим» и юнгианским «коллективным бессознательным»: «бессознательное» и у Лакана, и у Юнга представляет собой социальное, «упакованное» в область индивидуального, что прямо противоположно феминистской схеме. Психоанализ и феминизм находят причины симптома в противоположных областях, которые никак не пересекаются. С этим столкнулась, например, Грей, при попытке объединить с феминизмом юнгианский психоанализ. Решение, которое нашла Грей, весьма показательно: она обратилась к Бурдье и решила рассматривать юнгианское «коллективное бессознательное» как социальную категорию. «Коллективное бессознательное», порождающее индивидуальную психику, стало у нее тем же самым, что коллективная память и «за-

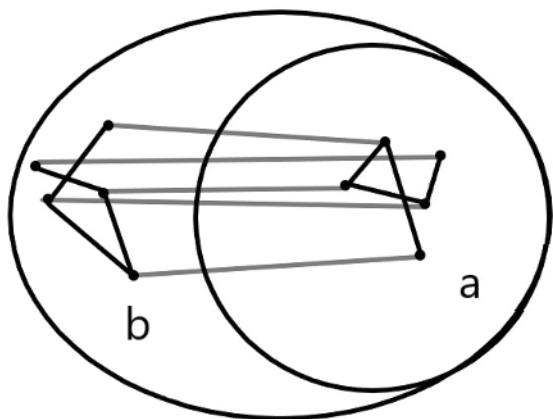


РИСУНОК 2. Сознательное и бессознательное

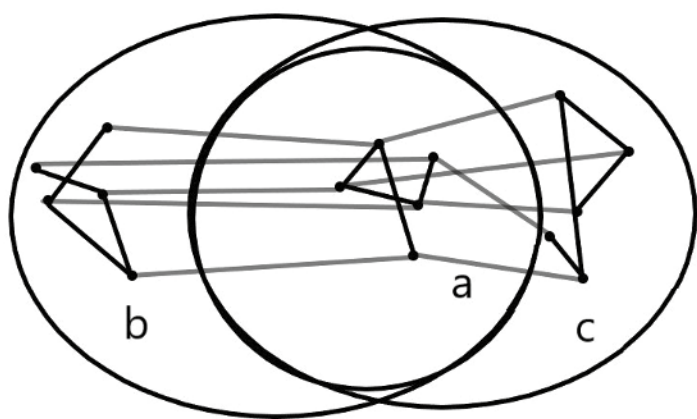


РИСУНОК 3. Сознательное, бессознательное и социальное

бытая» история, порождающие габитус в социологии⁷⁵. Грей снова вынесла «социальное» из области индивидуальной психики и расположила его вовне. Она сменила психоаналитическую схему психики на феминистскую и подчинила теорию Юнга феминистской системе прескрипций. В результате Грей может утверждать возможность изменения содержащего гендерные стереотипы «коллективного бессознательного», которое у Юнга является фиксированным и изменениям не поддается⁷⁶. Она работает при-

75. Gray F. Op. cit. P. 70.

76. Ibid. P. 72.

мерно в том же ключе, что и феминистский психоанализ 1980-х годов, в котором истерия рассматривалась как реакция угнетенных женщин на социальный порядок. В таких теориях причины истерического симптома оказываются расположены не в «бессознательном», а вне индивидуальной психики⁷⁷.

Как и в психоанализе, фигура *a* в области индивидуального сознания должна быть приведена в соответствие с фигурой *c* при помощи интерпретации. Поскольку в феминистском дискурсе отсутствует позиция аналитика⁷⁸, дискурс сам по себе предоставляет адресатке только техники интерпретации. Процедура психоанализа превращается в самоанализ: в случае если симптом удачно «захвачен» феминистским аппаратом, адресатка проводит анализ самостоятельно. В результате вместе с интерпретацией она получает набор прескрипций.

Диагностика симптомов и обсуждение техник анализа могут осуществляться в результате коллективных обсуждений и обмена опытом: например, на дискуссионных площадках, которые я упоминала в начале статьи. Особенно в этом плане отличается группа «Феминизм *Shelter*». Обычно в таких группах публикуют истории из жизни, которые авторки постов или комментаторки разбирают с точки зрения феминизма. Участницы могут просить совета или делиться историями, похожими на уже рассказанные. Часто истории вывешиваются в виде скриншотов с других площадок, обрывков анонимных диалогов в мессенджерах. Эксплицитно они могут не содержать никакой интерпретации, но выражают эмоции негодования, тревоги или недоумения. В качестве примера можно привести скриншот из сообщества «Феминизм: наглядно» (рис. 4). Авторка поста при помощи двухполосного комикса выражает недоумение и раздражение от чьего-то комментария, комментаторки поддерживают эту эмоцию и рассказывают о собственном опыте.

77. Жеребкина И. Указ. соч. С. 20–23.

78. Как следствие, исключены такие важные для психоанализа категории, как «перенос», «отношения с аналитиком» и проч.



РИСУНОК 4. Пост из паблика «Феминизм: наглядно» с комментариями

Другой пример — перевод англоязычного текста, опубликованный в группе *FemUnity*, который начинается следующим образом:

Ты так чувствительна. Так эмоциональна. Ты всегда занимаешь оборонительную позицию. Ты слишком бурно реагируешь. Успокойся. Расслабься. Прекрати сходить с ума! <...>

Знакомо звучит?

Возможно, если вы женщина.

Слышали ли вы когда-нибудь подобные комментарии от супруга, партнера, начальника, друзей, кол-

лег или родственников, после того как вы выражали расстройство, печаль или гнев по поводу чего-нибудь, что они сделали или сказали?»⁷⁹

Далее авторка текста объясняет, что это называется «газлайтинг», и раскрывает значение термина. Запись собрала 109 комментариев, среди которых большое количество личных историй: например, обсуждение, представленное на рис. 5. В исходном тексте предложен способ интерпретации личного опыта через понятие газлайтинга, которым воспользовались некоторые комментаторки для анализа собственных историй.

Предположительно именно наличие симптома заставляет читательницу эмоционально откликаться на подобные тексты и соотносить их со своим опытом. Эмоциональный оттенок и содержание текстов в таком случае являются триггером симптома. В приведенных мной примерах развернутый анализ не проводится, он, скорее, подразумевается контекстуально. Адресатка, снова сталкиваясь со своим симптомом и вспоминая связанные с ним жизненные истории, может лишь провести самоанализ при помощи предложенного концептуального аппарата. Интерпретация такого типа подразумевает, что причиной симптома является определенный социальный порядок.

Отсюда следующий тезис:

5. Посредством интерпретации симптом в феминизме становится свидетельством (определенного социального порядка).

Яркой иллюстрацией здесь может быть следующая фраза из интервью с Амией Шринивасан: «Откровенно говоря, я замечаю у многих феминисток старшего возраста <...> сильную тревогу о том, что с возрастом они становятся малозначимыми и никому не нужными. Конечно, при патриархате у стареющих женщин полно причин беспокоиться о малозначимости и ненужности»⁸⁰. Шринивасан диагностирует у своих коллегинь тревогу, а затем находит причины этой тревоги в том, что общество патриархально. Не только

79. Ты так чувствительна. Так эмоциональна...//FemUnity. URL: https://vk.com/wall-77503163_288727.

80. Srinivasan A. Op. cit.

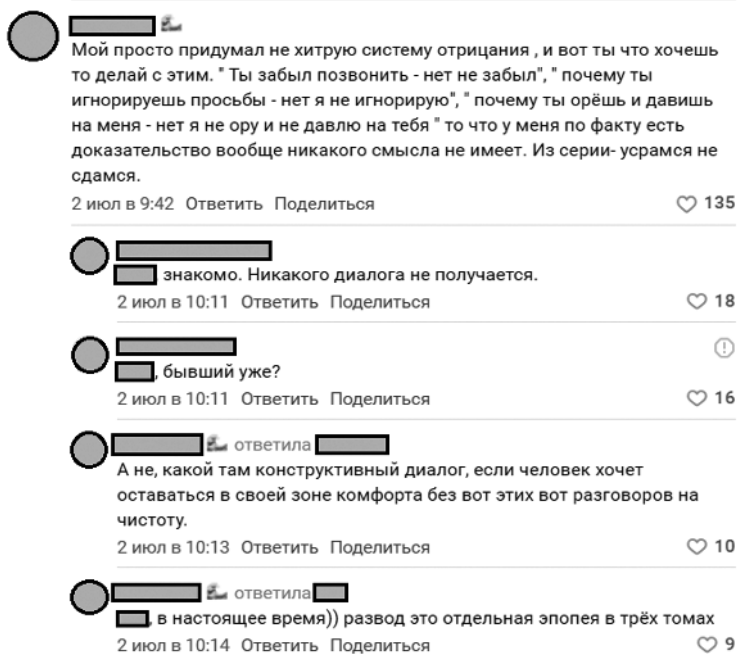


РИСУНОК 5. Комментарии к посту
о газлайтинге в паблике *FemUnity*

тревога объясняется патриархатом, но и наличие патриархата подтверждается этой тревогой.

Личный опыт и конкретные факты, которые подвергаются интерпретации в феминизме, расширяют его дескриптивную базу и благодаря этому укрепляют прескриптивный аппарат. Принятие прескрипций, которое следует за успешной интерпретацией личного опыта адресаткой, обуславливает ее политическую *вовлеченность*, или, говоря иначе, производит мобилизацию. В процессе меняется цель интерпретации. Если психоаналитическая интерпретация направлена на то, чтобы, по возможности, избавить пациента от симптома средствами одной психотерапии, то феминистская интерпретация направлена на вовлечение в социальные практики. Устойчивость симптома и его постоянное подкрепление в процессе обсуждений обеспечивает стабильность вовлеченности.

Все вышесказанное прекрасно обобщается классическим слоганом феминизма второй волны: «личное — это политическое». Психоанализ не может похвастаться таким же мобилизационным аппаратом: в нем личное остается лич-

ным и за пределы кабинета психоаналитика не выходит. Джулиет Митчелл в статье 1999 года задается вопросом: «неужели психоанализу изначально присуща некая аполитичность?»⁸¹ Действительно, особенности психоаналитического аппарата препятствуют политическому вовлечению и в этом расходятся с феминизмом. Более того, психоанализ рассчитывает избавить пациентку от симптома, который необходим для мобилизации, без изменения социального порядка. Митчелл считает, что к концу XX века обращение к психоанализу де-радикализует феминистскую теорию, превращает ее в «академическое упражнение»⁸². Тем не менее она предполагает, что психоанализ может быть полезен для анализа семейных и родовых отношений, поскольку, к примеру, указывает на значение матерей в становлении личности детей⁸³. Митчелл обеспокоена проникновением квир-теории в феминизм и чрезмерной фокусировкой на перформативности, тогда как частные семейные и бытовые проблемы остаются нерешенными⁸⁴. Через проблемы перформативности и соотношения «личное/политическое» можно, наконец, подойти к решению ключевого вопроса, которым задается феминистская теория и который я неоднократно упоминала в этой статье: кем же является субъект действия в феминизме? Кто такая *женщина*?

Коллективный субъект действия

Подступиться к обозначенной проблеме можно «от противного», а именно от квир-теории. Квир-теория ломает прескриптивный аппарат феминизма, запрещая базовую для феминизма гендерную дихотомию⁸⁵. Кэти Руди, как и Митчелл, настроенная против квир-теории, замечает, что квир-теория придает чересчур большое значение «публичному» в ущерб «частному», в то время как проблемы большинства женщин остаются в сфере «частного»⁸⁶. Иными словами, прескриптивы феминистской теории не только отрицаются сами по себе, но и лишаются дескриптивной базы: больше нельзя привести в качестве аргумента, например, тот

81. Mitchell J. Op. cit. P. 186.

82. Ibid. P. 188.

83. Ibid. P. 190–191.

84. Ibid. P. 191.

85. Rudy K. Queer Theory and Feminism // Women's Studies: An Inter-Disciplinary Journal. 2000. Vol. 29. № 2. P. 196.

86. Ibid. P. 209.

факт, что женщины по статистике выполняют больше работы по дому. Представление о перформативности гендера делает насущные проблемы женщин невидимыми, что выглядит как «еще одна уловка мужчин, чтобы получить власть»⁸⁷. Критика Руди, которая называет квир-теорию «мужской» территорией и способом поддержки патриархата, с точки зрения самой квир-теории парадоксальна, но это позволяет авторке снова свести дискурс к феминистской системе прескриптивов⁸⁸.

Из этих дискуссий можно вынести две важные вещи. Во-первых, идея о перформативности гендера, доведенная до своего логического предела, конфликтует с классической феминистской теорией. И во-вторых, квир-теория отрицает тот тип политической субъектности, который выстраивает феминизм. Более подробный разбор того, как это происходит, позволяет еще раз собрать воедино представления о «коллективном» субъекте феминизма.

Перформатив — это суждение, которое само по себе является социальным действием. Впервые это понятие было введено философом языка Джоном Остином, после чего подхвачено «бабушкой квир-теории» Джудит Батлер, развившей теорию о перформативности гендера⁸⁹. Как и прескриптив, перформатив не может быть истинным или ложным. Он также имеет тенденцию отрываться от содержания и ставит под сомнение референциальность языка⁹⁰. Несмотря на эти сходства, идея перформатива, положенная в основу квир-теории, является в некотором роде противоположной идее прескриптива.

Утверждение о том, что гендер перформативен, означает, что он существует лишь постольку, поскольку воспроизводит себя в отдельных дискурсивных практиках⁹¹. Квир-теория, таким образом, наделяет субъекта властью через возможность осуществления тех или иных перформативных действий. Дискурс, воспроизводящий гендер, — это публичный дискурс, складывающийся из индивидуальных социальных действий⁹². Как показывает Кендалл Гердес, в рамках квир-теории остается неоднозначным,

87. Rudy K. Op. cit. P. 211.

88. Ibid. P. 213.

89. Gerdes K. Performativity // TSQ: Transgender Studies Quarterly. 2014. Vol. 1. № 1–2. P. 148; Жеребкина И. Указ. соч. С. 16.

90. Gerdes K. Op. cit. P. 148.

91. Ibid. P. 149.

92. Ibidem.

принадлежит ли язык социальных действий субъекту или субъект языку, властвует ли гендер над субъектом или субъект над гендером⁹³. Амбивалентность перформативной теории гендера, по-видимому, проистекает из того, что, вопреки мнению Кэти Руди, разница между публичным и частным в ней в принципе отсутствует. Отдельное перформативное действие является и «публичным» и «частным» одновременно. Субъект, действие и высказывание представляют собой сингулярность: в квир-теории не существует ни «коллективного действия», ни «психики» как таковой.

Если перформатив сам по себе является действием, то прескрипция лишь обозначает условия действия. Перформатив наделяет «сингулярного» субъекта властью над гендерным дискурсом, в то время как негативная прескриптивная система в феминизме приписывает «коллективному» субъекту «женщина» отсутствие власти. Феминизм рисует диспозицию, в которой власть каким-то образом распределена в зависимости от отношений, в которых прескриптивы находятся между собой. «Сингулярность» квир-теории построить такую диспозицию не позволяет.

Поэтому квир-теория предполагает, в первую очередь, индивидуальный протест. Перформативное действие не может быть действительно коллективным. Массовый протест, социальная группа с точки зрения квир-теории представляют из себя всего лишь паттерн, набор индивидуальных перформативных действий. Гендер тоже является своего рода паттерном повторяющихся действий: он формирует-ся и формирует себя действием и вне этого процесса не существует. В результате обобщающие категории квир-теории, такие как «геи», «лесбиянки», «интерсекс-люди», «квир-ы», не выполняют той же прескриптивной функции, что и понятия «женщины», «мужчины» в феминизме: иначе говоря, не являются коллективными субъектами действия. Это лишь обобщающие названия для множеств индивидуальных случаев. «Сингулярный» субъект не борется с каким-либо общественным строем или социальной группой, а скорее в качестве протеста, продуцирует и делает видимой свою идентичность.

Важно еще раз отметить, что «сингулярный» субъект квир-теории обладает не «психикой», а перформативной

93. Ibidem.

«идентичностью». С другой стороны, «коллективный» субъект феминизма структурирован по аналогии с представлением о психике в психоанализе. «Сознательная» часть феминистского субъекта «женщина» состоит из множества индивидуальных сознаний, в то время как «бессознательная» часть формируется прескриптивным аппаратом, который интерпретирует каждый индивидуальный симптом. В результате интерпретации, полученной в ходе самоанализа, индивидуальный опыт связывается с моделью социального «бессознательного» по аналогии с тем, как это происходит в психоанализе.

Заключение

В заключение хотелось бы рассмотреть несколько стратегий расширения феминистского дискурса, благодаря которым оказывается возможной актуализация и постоянное воспроизведение коллективного субъекта действия. Во-первых, это уже упомянутый мной обмен опытом, который происходит в ходе коллективных обсуждений, при личных встречах или на дискуссионных площадках. Эмпатия и взаимная поддержка помогают участницам сформировать соответствующую картину мира. Эмоциональная насыщенность дискуссий позволяет выявить симптом и поддерживает его проявления. Благодаря этому участницы могут формировать активные позиции, направленные на изменение социального порядка. Скорее всего, формирование позиции происходит достаточно долго — примерно столько же, сколько должен длиться курс психоанализа, чтобы привести к каким-либо результатам. Качественное исследование тридцати четырех молодых женщин-феминисток, проведенное Сюзан Мэрин и Рут Льюис, показало, что «феминистская идентичность» может формироваться годами и даже десятилетиями, при периодическом чтении соответствующих материалов и их обсуждении⁹⁴.

Во-вторых, это экспансия в соседние области с расширением границ, которая достигается путем интерпретации всевозможных явлений с феминистской точки зрения. На это направлено огромное количество феминистских текстов на самые разные темы, которые могут показаться ни-

94. *Marine S.B., Lewis R. «I'm in This for Real»: Revisiting Young Women's Feminist Becoming // Women's Studies International Forum 47. 2014. P. 15.*

как прямо не связанными с феминистской проблематикой: от эссеистики и публицистики до академических статей. И, в-третьих, это поглощение феминистским дискурсом других дискурсов. Последняя стратегия представляет особый интерес, поскольку связана с проектом феминистской эпистемологии.

«Женщине, чтобы иметь интеллектуальное значение, предлагается „мыслить, как мужчина“. Неспособность же женщины примерить на себя привилегированный опыт и мыслить по заданным андроцентричным правилам приводится в доказательство того, что она не способна к теоретизированию и абстрагированию в принципе. При этом упускают из виду, что взятое за стандарт и точку отсчета абстрагирование является искаженным в силу своей андроцентричности и конструирует ложную реальность, в которой женщины и угнетенные группы вынесены на задворки истории мысли», — пишут редакторки *FEM TALKS*⁹⁵. Этот абзац хорошо описывает предпосылки феминистской критики науки. В целом он построен по правилам феминистского высказывания, разобранным мной в основном тексте статьи: то, что является объектом критики в науке, связывается негативным прескриптивом «мужское», в то время как «женщина» обладает противоположным, альтернативным научным взглядом. Прескрипция формирования альтернативного научного подхода связывается с прескрипцией формирования женской субъектности как таковой: теперь любые научные работы женщин являются аргументативной базой по отношению к прескриптиву «женщина» и служат формированию коллективного субъекта действия. Феминистская оптика, в определенном смысле, субъектоцентрична: она подразумевает поиск субъекта действия в любом дискурсе. Вкратце в этом и заключается феминистский проект критики науки. Согласие с ней должно основываться на успешной интерпретации читательницей собственного симптома в связи с описанными прескрипциями: скажем, высказывание о том, что «женщине предлагается „мыслить, как мужчина“» может быть принято при наличии соответствующего опыта, либо такого знания о схожих ситуациях, которое вызывает тревогу, негодование или другие эмоции. Тогда читательница может отождествиться с упо-

95. Денисова К., Красильникова А. Указ. соч. С. 2.

мянутой здесь позицией «женщина» и примет прескриптив⁹⁶.

Именно с такой позиции Розы Брайдотти, статью которой я разбираю в первой части, рассматривает биомедицинский дискурс⁹⁷. То, каким образом работает феминистская эпистемология, также хорошо описано в программной статье Донны Харауэй «Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы»⁹⁸. Это описание у Харауэй принимает прескриптивный вид: она рассуждает о «должном», хотя многое из описываемого ею на момент публикации статьи в 1988 году уже является неотъемлемыми особенностями феминистских текстов.

Харауэй рассматривает два доминирующих на тот момент подхода в феминистской эпистемологии: релятивистский (конструкционистский), согласно которому все точки зрения субъективны и между ними нет привилегированных, и объективистский, согласно которому существует объективное знание (им обладает, в частности, феминизм)⁹⁹. В качестве альтернативы обоим она предлагает ситуативный подход, подразумевающий попытку «собрать» объективную позицию из множества частичных субъективных перспектив¹⁰⁰. «Необходимо одновременно и учесть радикальную историческую контингентность всех познавательных суждений и познающих субъектов <...> и сохранить осмысленную приверженность заслуживающим доверия объяснениям „реального“ мира», — пишет она¹⁰¹. На данный момент научная «объективность» подразумевает доминирование взгляда белого мужчины и не является настоящей «фрагментарной» объективностью, к которой стремится Харауэй¹⁰². «Моральный и политический дискурсы должны быть

96. В своей статье я рассматривала только процессы мобилизации и формирования «женского» коллективного субъекта. Вопрос о том, каким образом феминистский дискурс или конкретно феминистская наука воспринимаются индивидами, которые по какой-то причине не способны отождествиться с «женской» позицией (например, идентифицируют себя с другим гендером), выходит за границы этого исследования. Я допускаю, что существует момент самодемонстрации коллективного субъекта, его обращение к противоположной стороне, которое должно работать каким-то конкретным образом.

97. Брайдотти Р. Указ. соч. С. 104–122.

98. Харауэй Д. Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы // Логос. 2022. Т. 32. № 1. С. 238–271.

99. Там же. С. 242–243.

100. Там же. С. 257.

101. Там же. С. 245.

102. Там же. С. 247.

парадигмой рационального дискурса об образности и техниках зрения», — говорит она¹⁰³. Иными словами, Харауэй, применяя феминистскую оптику к другим дискурсам, обнаруживает в них доминирование белых мужчин и выводит из этого тезис о том, что всякие дискурсы должны быть устроены как феминистский дискурс. Единственная введенная ею поправка: «угнетенных» позиций в дискурсе должно быть больше одной¹⁰⁴.

Релятивистская идея, позаимствованная Харауэй у других авторок-феминисток, заключается в том, что все дискурсы эквивалентны постольку, поскольку их различия сводятся к различию позиций, с которых выносятся суждения. Ей необходимо утверждать это, поскольку ключевой эпистемологической проблемой она считает проблему различия «субъективного» и «объективного» взглядов. «Объективный» взгляд подразумевает абсолютную «позицию Бога», а «субъективный» взгляд — относительную, неистинную позицию¹⁰⁵. Харауэй приходит к тому, что все взгляды «субъективны». Как мне кажется, в науке вопрос достаточно редко ставится подобным образом. Определенная картина мира возникает, скорее, не по причине занятия какой-либо «позиции», а в результате применения какого-либо метода. Вероятно, Харауэй намеренно переносит внимание с метода на «позицию»: это позволяет ей политизировать научный дискурс. Так она может утверждать, что «любые позиции» основаны на «неравном распределении привилегий и угнетения»¹⁰⁶. «Позиции» для нее являются в прямом смысле точками, с которых ведется обзор. В такой интерпретации все дискурсы действительно оказываются похожими на феминистскую «игровую доску» с определенными местами, предназначенными для субъектов.

Тем не менее предпринятый мною в этой статье анализ заставляет предположить, что не все так просто. Те или иные «оптики» представляют собой не столько точечные «позиции», сколько целые системы, которые могут состоять из позиций, отношений, утверждений и других элементов. Идею об эквивалентности различных оптик можно развить только пренебрегая их структурой. В предыдущих параграфах я показала, что по крайней мере квір-теория,

103. Там же. С. 256.

104. Там же. С. 251.

105. Там же. С. 281.

106. Там же. С. 244.

психоанализ и феминизм не являются эквивалентными системами. Более того, они решают разные задачи. Различные «оптики» могут конфликтовать, не сочетаться между собой, заимствовать друг у друга элементы в силу того, что они сформированы разными способами и устроены по-разному. Благодаря этому их можно сравнивать и анализировать. Не-эквивалентность оптик означает непреодолимую разницу принципов их внутреннего устройства. Однако сам по себе этот факт не означает, что здесь работает логика субъективности/объективности или угнетения/привилегий.

Феминистская эпистемология, таким образом, подразумевает попытку вначале свести различные оптики к сингулярным «позициям», а затем отождествить эти позиции с позициями субъектов действия в самом феминистском дискурсе. В результате единственной фундаментальной оптикой становится феминистская, потому что именно ее системе прескрипций оказывается подчинен каждый текст. Так работает упомянутая стратегия «поглощения» феминизмом других дискурсов.

Под конец следует отметить, что из-за жанровых ограничений не все аспекты взаимоотношений психоанализа и феминизма были рассмотрены в данной статье. Многие тезисы, сформулированные мной, требуют более глубокой проработки и дополнительной проверки. Например, мысль о том, что вовлеченность в феминистский дискурс требует наличия симптома, может быть подтверждена или опровергнута эмпирически, при помощи глубинного интервьюирования участниц феминистских движений. Кроме того, было бы интересно проанализировать причины распространения популярной психологии и обращение к практикам самопомощи в феминистских кругах: связано ли это с найденными мною сходствами психоанализа и феминизма? В четвертом параграфе я затронула тему перформативов и пришла к утверждению о том, что перформативная теория гендера во многом противоречит классическому феминистскому дискурсу. Но ограничивается ли дело противоречиями? Может ли быть идея перформативности успешно встроена в феминистский дискурс? Здесь стоило бы проанализировать многочисленные работы, посвященные сочетанию этих двух оптик. Я предполагаю, что дальнейшая проработка темы может быть полезна не только для исследований феминизма, но и для анализа других современных политических течений и дискурсов.

Библиография

- Брайдотти Р. Изображения тела и порнография репрезентации // Логос. 2022. Т. 32. № 1. С. 104–122.
- Герчиков Д., Ройдман А. Непримиримость и обмен знанием между психоанализом и феминизмом // Stasis. 2022. Т. 12. № 1. С. 198–226.
- Денисова К., Красильникова А., Узарашвили Л. Прекратить бег по кругу: феминистские авторки и переводчицы против андроцентризма // Логос. 2022. Т. 32. № 1. С. 1–12.
- Женщина не должна говорить «нет»: как общество запрещает тебе отказывать // Феминизм: наглядно. URL: http://vk.com/@feminism_visually-zhenchina-ne-dolzha-govorit-net-kak-obschestvo-zapreshaet.
- Жеребкина И. Роман с истерией: от феминистского постлакановского психоанализа к новым исследованиям истерии // Stasis. 2022. Т. 12. № 1. С. 14–38.
- Как отказывать? Советы психолога: как научиться говорить «нет» // Хороший психолог. URL: <http://психолог-хороший.рф/как-говорить-нет/>.
- Когда мужчине приходится... // Свобода быть собой (СБС). URL: http://vk.com/wall-127038608_160012?hash=146e382a81afe1220b.
- Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа. М.: Гнозис, Логос, 2009.
- Свобода Быть Собой (СБС). URL: http://vk.com/womens_freedom.
- Ты так чувствительна. Так эмоциональна... // FemUnity. URL: http://vk.com/wall-77503163_288727.
- Феминизм Shelter. URL: <http://vk.com/feminizmshelter>.
- Феминизм: наглядно. URL: http://vk.com/feminism_visually.
- Феррандо Ф. Феминистская генеалогия эстетики постчеловеческого в визуальных искусствах // Логос. 2022. Т. 32. № 1. С. 123–161.
- Харауэй Д. Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы // Логос. 2022. Т. 32. № 1. С. 238–271.
- Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2019.
- Dahl N.O. A Prognosis for Universal Prescriptivism // Philosophical Studies. 1986. Vol. 51. P. 383–424.
- Fem Unity. URL: <http://vk.com/club77503163>.
- Gerdes K. Performativity // TSQ: Transgender Studies Quarterly. 2014. Vol. 1. № 1–2. P. 148–150.
- Gray F. Jung, Irigaray, Individuation. Philosophy, Analytical Psychology, and the Question of the Feminine. N.Y.: Routledge, 2008.
- Hare R.M. The Language of Morals. L.: Oxford University Press, 1972.
- Luepnitz D. Beyond the phallus: Lacan and feminism // The Cambridge Companion to Lacan / J.-M. Rabate (ed.). N.Y.: Cambridge University Press, 2003. P. 221–237.
- Marine S.B., Lewis R. “I’m in This for Real”: Revisiting Young Women’s Feminist Becoming // Women’s Studies International Forum. 2013. Vol. 47. P. 11–22.
- Mitchell J. Feminism and Psychoanalysis at the Millenium // Women: a cultural review. 1999. Vol. 10. № 2. P. 185–191.
- Rudy K. Queer Theory and Feminism // Women’s Studies: An inter-disciplinary journal. 2000. Vol. 29. № 2. P. 195–216.
- Sen A.K. The Nature and Classes of Prescriptive Judgments // The Philosophical Quarterly. 1967. Vol. 17. № 66. P. 42–62.
- Soler C. The paradoxes of the symptom in psychoanalysis // The Cambridge Companion to Lacan / J.-M. Rabate (ed.). N.Y.: Cambridge University Press, 2003. P. 85–102.
- Srinivasan A. What should feminist theory be? // Radical Philosophy. 2022. № 202. P. 48–61. URL: <http://radicalphilosophy.com/interview/what-should-feminist-theory-be>.

Symptom and Evidence: Feminism as a Form of Psychoanalysis

Elena Vivich. National Research University Higher School of Economics (HSE); A. V. Poletaev Institute for Humanitarian Historical and Theoretical Research (IGITI), Moscow, Russia, evivich@hse.ru.

For about sixty years, feminism has been in a complicated relationship with psychoanalysis. On the one hand, psychoanalysis deals with topics important to feminism, and many of its ideas could be rethought. On the other hand, the substantive contradictions between feminism and psychoanalysis hinder their productive collaboration. This article proposes that the problems faced by the project of feminist psychoanalysis arise not so much from the differences as from the similarities between these two discourses. The feminist view is based on the basic foundations of psychoanalysis. The structure of society in feminism is understood in the same fashion as the psychoanalytic unconscious. Feminist discourse aims to “capture” a symptom and offer it up for interpretation. At the same time, the interpretive apparatus of feminism differs from psychoanalytic theory for it is based on an internally coherent system of prescriptions. So long as the symptom is successfully interpreted, political involvement is something that feminism has hopes to achieve. Thus individual cases are taken as analogous to the “conscious” in psychoanalysis and the system of prescriptives the “unconscious”. In such a way a “collective” political subject can be formed. Since psychoanalysis and feminism find the causes of the symptom in different areas that do not intersect they come into conflict.

The introduction briefly describes the context of the study. The first section introduces the concepts of description and prescription and analyses feminism's theoretical foundations. The author comes to the conclusion that the foundations of feminism could be thought of as a system of prescriptives. The second section examines the structures that feminism and psychoanalysis share and how they come into conflict. In the third section, feminism is compared with queer theory, and the differences between the two are used to bring together the idea of a collective political subject. In conclusion, the main strategies for strengthening feminist discourse are considered. Particular emphasis is given to the project of feminist epistemology. The materials used in the article are academic and journalistic articles written by feminists, blog posts and comments from discussion platforms, and a single public interview.

Keywords: *feminism; psychoanalysis; symptom; involvement; prescriptiveness.*

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-5-51-90

References

- Braidotti R. Izobrazheniya tela i pornografiya reprezentatsii [Body-Images and the Pornography of Representation]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2022, vol. 32, no. 1, pp. 104–122.
- Dahl N.O. A Prognosis for Universal Prescriptivism. *Philosophical Studies*, 1986, vol. 51, pp. 383–424.
- Denisova K., Krasilnikova A., Uzarashvili L. Prekratit' beg po krugu: feministskie avtorki i perevodchitsy protiv androtsentrizma [Stop Running In Circles: Feminist Authors and Translators Against Androcentrism]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2022, vol. 32, no. 1, pp. 1–12.

- Fem Unity*. URL: <http://vk.com/club77503163>.
- Feminizm Shelter* [Feminism Shelter]. URL: <http://vk.com/feminizmselter>.
- Feminizm: naglyadno* [Feminism: Visually]. URL: http://vk.com/feminism_visually.
- Ferrando F. Feministskaya genealogiya estetiki postchelovecheskogo v vizual'nykh iskusstvakh [A Feminist Genealogy of Posthuman Aesthetics in the Visual Arts]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2022, vol. 32, no. 1, pp. 123–161.
- Gerchikov D., Roydman A. Neprimirymost' i obmen znaniami mezhdu psikhooanalizom i feminizmom [The Irreconcilability and Sharing of Knowledge between Psychoanalysis and Feminism]. *Stasis*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 198–226.
- Gerdes K. Performativity. *TSQ: Transgender Studies Quarterly*, 2014, vol. 1, no. 1–2, pp. 148–150.
- Gray F. *Jung, Irigaray, Individuation. Philosophy, Analytical Psychology, and the Question of the Feminine*, New York, Routledge, 2008.
- Haraway D. Situativnye znaniya: vopros o nauke v feminizme i preimushchestvo chastichnoi perspektivy [Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2022, vol. 32, no. 1, pp. 238–271.
- Hare R.M. *The Language of Morals*, London, Oxford University Press, 1972.
- Jung C.G. *Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe* [Archetypes and the Collective Unconscious], Moscow, AST, 2019.
- Kak otkazyvat'? Sovety psikhologa: kak nauchit'sya govorit' "net" [How to Learn to Say No? Advice From a Psychologist]. *Khoroshii psikholog* [Good Psychologist]. URL: <http://psikholog-khoroshii.rf/kak-govorit'-net/>.
- Kogda muzhchine prikhoditsya... [When a Man Have to...]. *Svoboda byt' soboi* (SBS) [Liberty of Being Oneself (LBO)]. URL: http://vk.com/wall-127038608_160012?hash=146e382a81afe1220b.
- Lacan J. *Seminary. Kniga 1. Raboty Freida po tekhnike psikhoanaliza* [Le séminaire. Livre 1. Les écrits techniques de Freud], Moscow, Gnozis, Logos, 2009.
- Luepnitz D. Beyond the phallus: Lacan and feminism. *The Cambridge Companion to Lacan* (ed. J.-M. Rabate), New York, Cambridge University Press, 2003, pp. 221–237.
- Marine S.B., Lewis R. "I'm in This for Real": Revisiting Young Women's Feminist Becoming. *Women's Studies International Forum*, 2013, vol. 47, pp. 11–22.
- Mitchell J. Feminism and Psychoanalysis at the Millenium. *Women: a cultural review*, 1999, vol. 10, no. 2, pp. 185–191.
- Rudy K. Queer Theory and Feminism. *Women's Studies: An inter-disciplinary journal*, 2000, vol. 29, no. 2, pp. 195–216.
- Sen A.K. The Nature and Classes of Prescriptive Judgments. *The Philosophical Quarterly*, 1967, vol. 17, no. 66, pp. 42–62.
- Soler C. The paradoxes of the symptom in psychoanalysis. *The Cambridge Companion to Lacan* (ed. J.-M. Rabate), New York, Cambridge University Press, 2003, pp. 85–102.
- Srinivasan A. What should feminist theory be? *Radical Philosophy*, 2022, no. 202, pp. 48–61. URL: <http://radicalphilosophy.com/interview/what-should-feminist-theory-be>.
- Svoboda Byt' Soboi* (SBS) [Liberty of Being Oneself (LBO)]. URL: http://vk.com/womens_freedom.
- Ty tak chuvstvitel'na. Tak emotsional'na... [You're So Sensitive. So Emotional...]. *FemUnity*. URL: http://vk.com/wall-77503163_288727.
- Zhenshchina ne dolzhna govorit' "net": kak obshchestvo zapreshchaet tebe otkazyvat' [A Woman Should Not Say No: How Society Forbids You to Say

No]. *Feminizm: naglyadno* [Feminism: Visually]. URL: http://vk.com/@feminism_visually-zhenschina-ne-dolzha-govorit-net-kak-obschestvo-zapreshaet.

Zherebkina I. Roman s isteriei: ot feministского postlakanovskogo psikhoanaliza k novym issledovaniyam isterii [An Affair with Hysteria: From Feminist Post-Lacanian Psychoanalysis to New Studies of Hysteria]. *Stasis*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 14–38.

Артисты советской эстрады в российских сериалах: интеграция драматургических моделей психо- и социобиографии

Дарья Журкова

Статья подготовлена при поддержке Российского
научного фонда, проект № 19-18-00414 (Советское сегодня: Формы
культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике
повседневного. 1990–2010-е годы).

Дарья Журкова. Государственный институт искусствознания (ГИИ), Москва, Россия, jdacha@mail.ru.

Статья посвящена драматургическим и музыкальным закономерностям современных российских сериалов-байопиков об артистах советской эстрады. В качестве инструмента исследования применяется концепция психо- и социобиографии польской исследовательницы Евы Мазерски. В первой части работы дается описание закономерностей предложенных драматургических моделей и прослеживается их развитие в позднесоветском кинематографе. Во второй части исследования рассматривается сближение и интеграция этих драматургических моделей на обширном материале российских сериалов, посвященных звездам советской популярной музыки. Особое внимание уделяется двум сериалам: «Анна Герман. Тайна белого ангела» (2012) и «Рожденная звездой» (2015) с элементами биографии Эдиты Пьехи. В заключительной части статьи с помощью модели психо- и социобиографии анализируется саундтрек этих двух сериалов. С одной стороны, прослеживается, как песни, звучащие в этих сериалах, соотносятся с драматургической коллизией эпизодов, в которых они появляются. С другой — определяется репертуарная политика создателей сериалов, которая прослеживается, в частности, в соотношении песен гражданской и лирической тематики. Статья приводит к выводу, что если в позднесоветский период модели психо- и социобиографии еще обнаруживали свою автономность, которая была обратно пропорциональна идеологической выдержанности фильма, то нынешний этап определяется активным сближением и интеграцией двух моделей, которые больше не существуют в «чистом» виде. Что касается музыкальной драматургии и репертуарной политики в саундтреке, — сериалы о звездах советской эпохи продолжают развивать активную лиризацию советской эстрады, замещая гражданско-патриотическую тематику хитами зарубежного происхождения. С другой стороны, песни советской эстрады своим звучанием реконструируют культурно-исторический контекст прошлого.

Ключевые слова: *советская эпоха; ретросериалы; телевидение; эстрадная музыка; ресайклинг; байопик; песня; Анна Герман; Эдита Пьеха.*

ОБРАЩЕНИЕ к советскому прошлому и его переосмысление составляет внушительную часть контента современных российских средств массовой информации. Самой популярной, активно создаваемой и обсуждаемой формой медийной «ретромании» являются художественные фильмы и сериалы о героях советской эпохи. По подсчетам исследователей на одном только Первом канале в период с 2000 по 2010 год было выпущено более 90 ретросериалов¹, и на сегодняшний день эта тенденция продолжает набирать обороты.

В потоке медийных ретронарративов отдельный жанр образуют байопики — экранизации биографий реальных, вымышленных и полувывмышленных героев прошлого. Наряду с представителями власти, науки, спорта и теневой экономики одними из самых востребованных прототипов для байопиков становятся артисты советской эстрады. За последние пару десятилетий на российском телевидении было выпущено как минимум 12 сериалов, посвященных карьере популярных певцов и поющих киноактеров — тех исполнителей, чье творчество было неразрывно связано с популярной музыкой советской эпохи.

В данной статье будут проанализированы современные российские байопики о советских поп-музыкантах с позиции их двойственного позиционирования. С одной стороны, эти сериалы создаются под влиянием голливудских конвенций жанра музыкального байопика. С другой стороны, ретросериалы работают с историческим и культурным наследием советской эпохи, которая достаточно сложно поддается формовке по законам коммерческой развлекательной индустрии. Для того чтобы отчетливее проследить столкновение и взаимодействие этих противоположных тенденций, я обращаюсь к концепции психо- и социобиографий польской исследовательницы Евы Мазерски. На ее основе будут проанализированы драматургические стратегии двух сериалов о польских певицах, прославившихся на советской эстраде. Это сериалы «Анна Герман. Тайна белого ангела» (реж. Вальдемар Кшистик, Александр Тименко, 2012) и «Рожденная звездой» (с элементами биографии Эдиты Пьехи, реж. Владимир Шевельков, Марат Ким, 2015).

1. Завершинская Н., Завершинская П. Кинематографические «прочтения» советской эпохи как проекция воспоминаний и забвений современного российского общества // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2017. № 3. С. 14.

Модели психо- и социобиографии в советском кинематографе

В своем исследовании байопиков о польских популярных музыкантах Ева Мазерска выделяет два типа драматургических моделей. В центре внимания западных экранизаций оказывается личность артиста, столкнувшегося со сложными жизненными обстоятельствами. «Репрезентации артистов на западном экране, — пишет Мазерска, — часто подчеркивают их исключительные качества, гениальность, конфликт с внешним миром и несчастья, уделяя меньшее внимание историческим обстоятельствам, в которых развивалось их искусство»². Такую драматургическую модель Мазерска вслед за Гризельдой Поллок³ определяет как *психо-биографию*. В отличие от западных байопиков, экранизации биографий в странах социалистического лагеря представляют собой тип *социобиографий*. «В таких фильмах артисты, — замечает Мазерска, — не оторваны от истории, а полностью интегрированы в нее. Это особенно характерно для фильмов, снятых во времена гегемонии социалистического реализма, когда от кинематографистов требовалось сосредоточиться на типичном человеке»⁴.

Крайне важно уточнить, что типичное в таком контексте — «это не то, что встречается чаще всего, а то, что наиболее убедительно выражает сущность данной социальной силы. С марксистско-ленинской точки зрения типичное не означает какого-то среднего статистического значения <...> Типичное — это та жизненная сфера, в которой проявляется партийный дух реалистического искусства»⁵. Другими словами, социобиографии подразумевают, что судьба артиста определяется не столько его/ее индивидуальной волей, сколько временем и окружением, в котором он/она живет.

Эта концепция вполне продуктивна и для основного корпуса советских байопиков. Однако она претерпевает кардинальную трансформацию с конца 1970-х годов. В 1978-м на советские экраны выходит фильм «Женщина, которая

2. Mazierska E. Beyond Authenticity, Beyond Romanticism: Films About Maanam // IASPM Journal. 2017. Vol. 7. № 1. P. 58–59.

3. Pollock G. Artists, Mythologies and Media — Genius, Madness and Art History // Screen. 1980. Vol. 21. № 3. P. 57–96.

4. Mazierska E. Op. cit. P. 59.

5. Ibid. P. 59.

поет» (реж. Александр Орлов), где в центре повествования оказывается судьба эстрадной певицы, в восприятии зрителей прочно связанная с биографией исполнительницы главной роли Аллы Пугачевой. После феноменального успеха в кинопрокате этой картины⁶ появились байопики с другими популярными артистами в главных ролях. Это «Душа» (1981, реж. Александр Стефанович) с Софией Ротару и «Начни сначала» (1985, реж. Александр Стефанович) с Андреем Макаревичем, которые были посвящены драматичному кризису в карьере эстрадной певицы и рок-музыканта соответственно. Все три ленты, конечно, нельзя всецело отнести к жанру байопика, так как формально они посвящены судьбам вымышленных героев и прослеживают лишь отдельные эпизоды их творческого пути. Однако по многим параметрам эти картины соответствуют определению музыкального байопика, которое приводит Ян Инглис. Он характеризует байопик о поп/рок музыкантах «как фильм, который призван рассказать, частично или полностью, биографию музыкального исполнителя (живого или мертвого) и содержит значительную часть его или ее музыки»⁷.

Во многом попадая в жанр музыкального байопика, «Женщина, которая поет», «Душа» и «Начни сначала» фактически не соответствуют канонам советского биографического фильма и, следовательно, не укладываются в модель социобиографии. Их основные сюжетные ходы разворачиваются по структурной модели голливудского музыкального байопика студийной эпохи, предложенной Брюсом Бабингтоном и Питером Уильямсом Эвансом: 1) восхождение; 2) конфликт и/или несчастье; 3) отставка и возвращение; 4) успех и примирение⁸. Более того, эти ленты всецело сосредоточены на индивидуальности и личности своих героев и практически не затрагивают исторический контекст их творчества. Таким образом, все три фильма смело можно отнести к типу психобиографий.

6. Картина заняла первое место по итогам кинопроката 1979 года, собрав 55 миллионов зрителей. Статья о фильме в Википедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Женщина,_которая_поёт (дата обращения: 20.07.2021).

7. *Inglis I. Popular Music History on Screen: the Pop/Rock Biopic*// *Popular Music History*. 2007. Vol. 2. № 1. P. 77.

8. *Babington, B. Evans P. W. Blue Skies and Silver Linings: Aspects of the Hollywood Musical*. Dover, NH: Manchester University Press, 1985. P. 55. Цит. по: *Schlotterbeck J. K. The Popular Musical Biopic in the Post-Studio Era: Four Approaches to an Overlooked Film Genre*. PhD (Doctor of Philosophy) Thesis. [University of Iowa]. 2010. P. 18.

Тип социобиографий с середины 1980-х годов в СССР нашел свое воплощение в фильмах о рок-музыкантах, бунтующих против системы. Двумя знаковыми лентами подобного типа оказались фильмы «Взломщик» (1987, реж. Валерий Огородников) и «Асса» (1987, реж. Сергей Соловьев). В первом случае одним из центральных (хотя формально и не главным) героев является рок-музыкант Костя (Константин Кинчев), который пытается найти себя в многоликой андеграундной субкультуре Ленинграда. В другом случае участником драматического любовного треугольника становится чудаковатый выдумщик Бананан, который поет в рок-группе, выступающей в ялтинском ресторане, и сооружает причудливые арт-объекты. Опять же, эти два фильма нельзя отождествлять с жанром «чистого» байопика, но они, безусловно, определили восприятие личности рок-музыканта в позднесоветском обществе⁹.

В итоге к концу 1980-х годов советский музыкальный байопик окончательно утрачивает гегемонию социобиографической драматургической модели. Фильмы «Женщина, которая поет», «Душа», «Начни сначала» сосредоточены прежде всего на индивидуальности своих главных героев, на их личной драме, то есть в них превалируют черты психобиографии. А картины «Асса» и «Взломщик» — это коллективный портрет перестроечного поколения, их во многом можно рассматривать через тип «социобиографии». В этом, пусть и условном, разделении обнаруживается определенный парадокс: в более конформистских к официальному режиму советских музыкальных байопиках голливудские стандарты прослеживаются гораздо ярче, нежели в фильмах, герои которых выступают против патерналистской системы. Другими словами, получается, что чем фильм более новаторский и «взрывной» по социальному содержанию, тем он более «соцреалистический» по драматургической сути.

Однако этот парадокс вполне объясним, если его рассмотреть не с идеологической, а с социокультурной точки зрения. Фильмы «Женщина, которая поет» и «Душа» снимались в так называемую эпоху застоя, и их героини жили в то время, когда негласно разрушалась система советских идеалов коллективизма и идеологии и стихийно возникал культ приватности, в центре оказывалась мечта о личном счастье. Как замечает Екатерина Сальникова, в советском кинематогра-

9. Подробнее см.: Цукер А. Рок в отечественном кинематографе 1980-х годов // Музыкальная академия. 2019. № 4. С. 140–155.

фе 1960-х — начала 1980-х годов происходит «переключение людей с проблем социального большого мира на проблемы приватного толка. В социальном большом мире можно активно и даже успешно существовать. Но не с ним все чаще связывают самое главное, самое ценное, самое желанное»¹⁰. То есть не столько голливудские стандарты проникли в советский кинематограф, сколько внутри соцлагеря сформировалась мечта о совершенно несветском типе звезды, артиста, человека вообще, которую сознательно или нет отразили эти (и, конечно, не только эти) фильмы.

«Взломщик» и «Асса» — киноленты перестроечной эпохи, когда стагнация и безвременье сменились всеобщим бурлением, ощущением общественной остроты и критичности исторического момента. Как справедливо отмечает Денис Карпов, «образ человека рок-культуры <...> во многом стал определяющим для культуры описываемого периода [Перестройки], одним из векторов формирования нового представления о „культурном герое“ новой России»¹¹. Культурные герои своего времени Костик и Бананан переживают ситуацию социального напряжения вместе со своими современниками и в этом повторяют общий драматургический прием соцреалистической «социобиографии».

Таким образом, советские фильмы о поп-рок-музыкантах 1970–1980-х годов оказываются весьма разнообразными в своих посылах, чутко отзывающимися на социальные умонастроения и сложно поддающимися схематизации.

Интеграция драматургических моделей на российском телевидении

Применяя свою концепцию к материалу современных польских байопиков, Ева Мазерска приходит к выводу, что в начале 2000-х годов на восточноевропейском экране происходит сближение и интеграция драматургических моделей психо-

10. Сальникова Е. Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х. Визуальные образы, герои, сюжеты. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 310.

11. Карпов Д. Рок и рок-герои в советском и российском кинематографе второй половины 1980 — первой половины 1990 гг. // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. трудов. Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, Тверь, 2021. Спецвыпуск. Рок+. С. 5–6.

и социобиографии¹². С одной стороны, очевиден сдвиг в сторону приватной жизни героев байопиков. С другой стороны, в посткоммунистических польских фильмах о музыкантах «большой, чем на Западе, упор делается на исторические обстоятельства и участие артиста в более широкой политической жизни»¹³.

В отношении современных российских сериалов-байопиков о звездах советской эстрады концепция психо- и социобиографий по-прежнему остается действенной. Однако ее содержательное наполнение существенно трансформируется. Вполне закономерно, что голливудские конвенции жанра музыкального байопика теперь открыто воплощаются и утверждаются в российской киноиндустрии. Поэтому столь велик интерес продюсеров к артистам со сложной судьбой. Например, в биографии Валерия Ободзинского¹⁴ подчеркивается его пристрастие к наркотикам, в биографии Людмилы Гурченко¹⁵ — череда неудачных браков и тяжелое материальное положение, вызванное периодом невостребованности в кино. В двойной биографии Любви Орловой и Григория Александрова¹⁶ реконструируется их сложный, почти любовный, треугольник со Сталиным. Если же судьбы знаменитых артистов внешне выглядят слишком благополучными, то создатели сериалов конструируют различного рода конфликты как личного, так и профессионального характера. Для этого в повествование вводятся вымышленные злопыхатели, которые нередко выдавая себя за друга/подругу главного героя, старательно плетут хитроумные интриги¹⁷. Безусловно одно — в подавляющем большинстве музыкальных байопиков основной нарратив составляет частная жизнь и любовные переживания популярного исполнителя, то есть наблюдается нескрываемый перевес в сторону голливудской модели психобиографии.

12. *Mazierska E. Polish Popular Music on Screen*. L.: Palgrave Macmillan, 2020. P. 18.

13. *Mazierska E. Beyond Authenticity, Beyond Romanticism: Films About Maanam*. P. 60.

14. Сериал «Эти глаза напротив» (2016, реж. Сергей Комаров).

15. Сериал «Людмила Гурченко» (2015, реж. Сергей Алдонин, Александр Имакин).

16. Сериал «Орлова и Александров» (2015, реж. Виталий Москаленко).

17. Яркими примерами подобной драматургической модели являются сериалы «Она не могла иначе» (2013, реж. Александр Ефремов; прототип — Валентина Толкунова), «Людмила» (2013, реж. Александр Павловский; прототип — Людмила Зыкина), «Кураж» (2014, реж. Александр Стефанович, прототип — Алла Пугачева) и «Магомаев» (2020, реж. Дмитрий Тюрин, Роман Прыгунов).

Вместе с тем модель социобиографии не исчезает полностью, но получает новое прочтение. Эта модель проявляется, во-первых, в стремлении показать, как события большой истории влияли на судьбу популярного артиста. Проследить подобную панораму удастся в сериалах, которые охватывают большую часть жизни своего героя¹⁸. Во-вторых, элементы социобиографии присутствуют практически во всех российских ретросериалах, так как их ведущим лейтмотивом является конфликт героя с представителями государственных институций¹⁹. Чтобы подкрепить свои наблюдения конкретными примерами, я хочу проанализировать два сериала. В происхождении и судьбе их главных героинь прослеживаются общие черты, и в то же время эти ленты совсем по-разному работают с моделями психологии и социобиографий.

Анна Герман vs Эдита Пьеха: драматургические стратегии двух сериалов

Главные героини обоих сериалов — певицы польского происхождения, прославившиеся на советской сцене. Сериал «Анна Герман. Тайна белого ангела» — это экранизация биографии польской певицы Анны Герман, в то время как главным прототипом сериала «Рожденная звездой» стала советская эстрадная певица Эдита Пьеха. Сразу необходимо сделать несколько важных уточнений. Если создатели байопика об Анне Герман придерживались фактов из биографии певицы и даже привлекали в качестве консультантов ее родственников²⁰, то сериал «Рожденная звездой» является по-

18. К таковым, например, можно отнести сериалы: «Утесов. Песня длиною в жизнь» (2006, реж. Георгий Николаенко), «Петр Лещенко. Все, что было...» (2006, реж. Владимир Котт), «Людмила Гурченко» (2015).

19. Подробнее об особенностях подобного конфликта см.: Брюханова Ю., Олейников И. Современный российский байопик: реализация сюжета «Художник и Власть в эпоху застоя» // Культ-товары. Коммерциализация истории в массовой культуре. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. С. 273–285; Журкова Д. Ретросериалы об артистах советской эстрады: между конвенциями, прошлым и реальностью // Художественная культура. 2021. № 4. С. 298–331.

20. В качестве консультанта сериала об Анне Герман выступил ее муж Збигнев Тухольский («„Анна Герман“: почему нельзя пропустить сериал». URL: <https://www.itv.ru/movies/statyi/anna-german-pochemu-nelzya-propustit-serial> (дата обращения: 29.05.2021)).

лувывмышленным байопиком, или так называемым фильмом с ключом²¹, в отношении которого создатели говорят о собирательном образе главной героини, созданном на основе биографий сразу нескольких советских эстрадных певиц. Чтобы избежать прямых параллелей, авторы дали своей героине вымышленное имя — Клаудия Коваль, но оставили за ней польское происхождение, карьеру в качестве солистки вокального ансамбля и роман с его руководителем, композитором Павлом Шаховским (прототип этого героя — советский композитор и первый муж Эдиты Пьехи Александр Броневицкий).

В обоих сериалах основной драматургический конфликт носит черты психобиографии и строится вокруг противопоставления сценической карьеры певиц и их реализации в любовных отношениях. В «Рожденной звездой» этот конфликт усиливается за счет того, что главная героиня выходит замуж за руководителя вокального ансамбля, в котором сама поет. Примечательно, что обе героини изначально не стремились к вокальной карьере, никогда не учились музыке и как бы случайно оказались на большой сцене. При этом при всей схожести вводных данных, сериалы отличаются своим отношением ко времени в его историческом и драматургическом измерениях.

Хронологические рамки сериала об Анне Герман охватывают период с конца 1930-х — до начала 1980-х годов, внутри которого прослеживается судьба героини через призму исторических событий, начиная с детских лет и вплоть до самой смерти. Так, отец главной героини становится жертвой большого террора, мать и бабушка вынуждены во время Второй мировой войны скрывать свое истинное происхождение и бежать от преследований. Персонифицированным олицетворением репрессивной государственной системы и личным преследователем семьи становится сотрудник НКВД, который появляется в решающие моменты и во многом определяет как личную судьбу, так и профессиональную карьеру главной героини. Примечательно, что из кровного врага семьи он со временем становится ее тайным покровителем, а в финале сериала именно он привозит Герман и ее мать на могилу расстрелянного им отца, что воспринимается как жест покаяния. Таким образом, сери-

21. Подробнее об особенностях такого подхода см.: *Brackett D. Banjos, Biopics, and Compilation Scores: The Movies Go Country//American Music. 2001. № 19. P. 265, 247–290.*

ал аккумулирует социобиографическую драматургическую модель, вплетая исторические события в судьбу главной героини, делая общую и частную истории неотделимыми друг от друга.

Нарратив сериала «Рожденная звездой» охватывает относительно небольшой временной промежуток — примерно с середины 1950-х до конца 1960-х годов. Стержнем сюжета является роман двух главных героев, который никак не соотносится с какими-либо политическими событиями того времени. Представители власти в «Рожденной звездой» показаны как невыразительная масса чиновников, постоянно придирающихся к главным героям и не дающих им раскрыть свой талант в полной мере. Преследование за покупку зарубежной пластинки, бесконечные художественные комиссии и вызовы «на ковер» в министерство культуры, обсуждение внешнего вида и репертуара участников популярного ансамбля, тайно влюбленный в главную героиню представитель органов, помогающий ей с выездной визой и организующий ее поездку в элитный санаторий, — вот «круг полномочий», отведенных представителям государственных инстанций. Они не всемогущая и непреодолимая сила, а, скорее, досадное, но необходимое препятствие, необходимое создателям сериала для разворачивания интриги. Таким образом, в этом сериале главенствует модель психобиографии, в которой исторический контекст выглядит не более чем эффектным, «декоративным» фоном для «костюмированной» мелодрамы.

Личное vs публичное: драматургические особенности саундтрека и репертуарной политики

Интересно проанализировать, как модели психо- и социобиографий работают не только в драматургии, но и в саундтреке этих двух сериалов. Здесь возможны два ракурса рассмотрения. С одной стороны, имеет смысл проследить, как песни, звучащие в сериале, соотносятся с драматургической коллизией эпизодов, в которых они появляются. С другой стороны, важно посмотреть на соотношение «внешней» и «внутренней» тематики в саундтреке в целом, другими словами, оценить, сколько звучащих песен посвящено гражданским ценностям, а сколько — глубоко личным переживаниям.

Для классических голливудских мюзиклов студийной эпохи и для музыкальных байопиков, снятых после 2000-х годов, характерна закономерность, согласно которой песни, исполняемые героями, напрямую соотносятся с их персональным опытом и являются непосредственным выражением их эмоций²². Складывается устойчивое представление, согласно которому «песни отражают жизнь, и погружение в жизнь [музыканта] говорит нам больше о [его/ее] песнях»²³. Тем самым саундтрек голливудского байопика о поп-музыканте зачастую напрямую соотносится с сюжетной фабулой и представляет собой музыкальное продолжение психобиографической модели.

В отношении анализируемых сериалов нельзя говорить о доминировании этой концепции, так как в них музыка то иллюстрирует внутренние переживания героев, то необходимо, чтобы реконструировать определенную эпоху в звуках. Ведь, как известно, «песня и в жизни, и в фильмах легко рождает воспоминания. Именно через мелодии и слова песен часто воскрешаются исторические события»²⁴.

В сериале об Анне Герман большая часть песен звучит как фон эпохи или как концертный репертуар, который опосредованно соотносится с фабулой конкретного эпизода. Создатели избегают прямых параллелей между словами песен и событиями из жизни главной героини²⁵. Но так как многие песни звучат неоднократно, то они из внешнего фона-обрамления могут превратиться в сгусток дополнительных смыслов. Например, песня «Вернись в Сорренто»²⁶ поначалу звучит в концертном исполнении во время гастролей Герман по Италии. Однако в эпизоде перед злополучной автокатастрофой героиня говорит о том, что соскучилась по дому и мечтает вернуться в Польшу. Она напевает «Вернись в Сорренто», как бы озвучивая свою тоску по родине. Для сериала

22. Schlotterbeck, J. K. Op. cit. P. 138–139.

23. Marshall L., Kongsgaard I. Representing Popular Music Stardom on Screen: the Popular Music Biopic // *Celebrity Studies*. 2012. Vol. 3. № 3. P. 351.

24. Шилова И. Проблемы звуковой образности в советском кино. М.: Знание, 1984. С. 33.

25. Одним из редких исключений становится композиция «Надежда», где строка про «взлетные огни аэродромов» совпадает с кадрами взлета самолета с гастрوليрующей Герман. Но даже в такой прямой иллюстрации авторы сериала выходят на более общие смыслы, так как строка «снова мы оторваны от дома» из этой же песни становится символом вечного скитания героини, на которое обрекает ее профессия.

26. *Torna a Surriento* (1902). Авторы слов и музыки — Эрнесто Де Куртис и Джамбаттиста Де Куртис. В сериале песня звучит на языке оригинала.

характерен телеологический взгляд²⁷, и этот эпизод является флешбэком. Зритель знает, что далее последует авария, поэтому песня приобретает зловещее звучание, так как героиня вернется домой очень скоро и едва живая.

Схожую семантическую нагрузку получает романс «Гори, гори, моя звезда»²⁸. Его Анна Герман напевает, еще будучи девочкой, — не задумываясь о драматическом содержании музыки, просто, как любой ребенок, подхватывая и повторяя услышанный мотив. Впоследствии она исполняет этот романс со сцены, будучи тяжело больной. И в этом контексте содержание романса становится пророческим. Не случайно создатели сериала включают его в финал сериала, тем самым подспудно утверждая, что звезда Анны Герман остается в памяти поколений до сих пор.

Таким образом, наравне с сюжетом в саундтреке сериала об Анне Герман получает существенное развитие линия социобиографии. Звучащие песни становятся прежде всего символом времени, в котором жила певица, а не только и не столько воплощением ее личной драмы. Они, безусловно, привносят дополнительные смыслы в сюжет сериала, но, скорее, обобщают, а не конкретизируют драматургический замысел создателей картины.

Авторы сериала «Рожденная звездой» тоже очень активно аккумулируют исторический «геном» советских шлягеров. Но делают это совсем иным способом. Они составляют саундтрек сериала из десятка хорошо известных песен советской эпохи, сочиненных разными композиторами. Но в рамках сериала все эти шлягеры приписываются перу одного главного героя — руководителю вокального ансамбля. Тем самым, с одной стороны, очень емко и убедительно реконструируется звуковой ландшафт изображаемой эпохи, а с другой — появляется возможность для пересочинения истории создания этих песен. И в рамках сериала сюжет многих песен становится продолжением жизненных, прежде всего любовных, переживаний самих героев.

Вполне закономерно, что такой «переработке» подвергаются преимущественно композиции с ярко выраженным лирическим началом. Например, любовная баллада «Ты спе-

27. Подробнее об особенностях этого приема см.: Mazierska E. Polish Popular Music on Screen. P. 153.

28. Композитор Петр Булахов, автор слов Василий Чуевский. Романс был написан в 1846 году.

ши»²⁹ пишется героем ночью после долгожданного примирения с женой и интерпретируется как прямое отражение эмоций и событий, происходящих в отношениях между главными персонажами. Строка из песни «Одна снежинка еще не снег» («Ты говоришь мне о любви, но разговор напрасно начат»³⁰) — красноречиво иллюстрирует любовный треугольник, причем все его стороны принимают участие в исполнении песни. В данном случае используется прием мюзикла, когда в песне досказываются и максимально полно раскрываются чувства героев.

Помимо достаточно большого количества прямых параллелей между сюжетом сериала и звучащей песней, что характерно для психобиографического принципа, закадровый, специально сочиненный для сериала саундтрек использует интонации внутрикадровых песен, причем поступает с ними очень вольно, совершенно меняя изначальный характер музыки. Например, баллада «Ты спеши» обрастает напряженными хроматизмами и исполняется солирующим саксофоном, что придает ей черты саундтрека шпионского детектива. Или изначально беззаботные интонации песни «А снег идет»³¹ с помощью мотивной разработки трансформируются в тревожную, пронзительную тему, звучащую в болезненный момент расставания главных героев. Таким образом, советская эстрада независимо от изначальных интенций ее создателей демонстрирует колоссальную пластичность смыслов, которые определяются создателями сериала, а отнюдь не авторами музыки.

Драматургическо-музыкальный компромисс между психо- и социобиографией, найденный авторами обоих сериалов, действует и в отношении репертуарной политики их саундтреков. В обоих сериалах герои не исполняют откровенно патриотических песен, хотя в сериале об Анне Герман они звучат на правах музыкальных символов определенных исторических событий³². В обоих сериалах песни, обращенные во внешний мир, посвященные неким общечеловече-

29. Композитор Арно Бабаджанян, автор слов Евгений Евтушенко. Песня была создана в 1961 году.

30. Композитор Эдуард Колмановский, автор слов Леонид Дербенев. Песня впервые прозвучала в кинофильме «Три дня в Москве» (1974).

31. Композитор Андрей Эшпай, автор слов Евгений Евтушенко. Песня впервые прозвучала в фильме «Карьера Димы Горина» (1961).

32. Например, песня «Тучи над городом встали» (автор слов и музыки Польш (Павел) Арманд) и марш «Прощание славянки» (композитор Василий Агапкин) становятся звуковым кодом событий Второй мировой войны.

ским ценностям занимают в буквальном, количественном, смысле столько же места, сколько и песни, посвященные личным, интимным, зачастую любовным переживаниям. Однако в музыкальном строе звучащих песен безусловное первенство отдается лирике. Например, даже в песнях с гражданской тематикой верх берет не патетическое, а созерцательное начало³³.

В то же время глубоко личные переживания облечены в «приличную», относительно сдержанную форму, их музыка не фиксирует взрыва эмоций. Наоборот, чем более сильны чувства, тем внешне более скупы музыкальные средства их выражения³⁴. Пронзительность художественного образа достигается за счет напряжения, которое возникает между метафорически многозначным текстом и постепенным, неспешным развертыванием мелодики. С помощью такого сопряжения слов и музыки личное масштабируется до общечеловеческого, возникает двойственный эффект высоких, вечных и в то же время очень интимных переживаний.

Так как оба сериала посвящены «заграничным» звездам советской эстрады, то вполне закономерно, что их саундтрек оказывается культурно и музыкально многожанровым. Такая полистилистика, с одной стороны, является, скорее, исключением из общего массива ретросериалов, но, с другой стороны, вписывается в тренд представления советской эстрады как «не совсем советской»³⁵.

Прежде всего, в обоих сериалах звучит много музыки на иностранных языках. В «Анне Герман...» такое разнообразие объясняется спецификой карьеры главной героини, которая гастролирует в Италии, Австралии, СССР и поет песни

33. Например, песни *Człowieczy los* и «Надежда» в сериале об Анне Герман, песни «Дождь на Неве» и «Ходит песенка по кругу» в сериале «Рожденная звездой».

34. Яркими примерами подобного рода служат песни «Эхо любви» (композитор Евгений Птичкин, автор слов Роберт Рождественский, 1977) в сериале об Анне Герман и уже упоминавшаяся баллада «Не спеши» в сериале «Рожденная звездой».

35. В остальных сериалах эта политика «несоветской» советской эстрады реализуется через обращение к «идеологически чуждым» музыкальным жанрам. В сериале про Леонида Утесова («Песня длиною в жизнь») это джаз и блатная песня, в сериале о Петре Лещенко («Все, что было») — городской и цыганский романс, в сериале «Орлова и Александров» снова активно педальруются джазовые интонации в песнях Исаака Дунаевского, в саундтреке одноименного сериала про Людмилу Гурченко преобладают песни вольного характера, в основе которых лежат «ритмы зарубежной эстрады» (показательно, что неизменной песней, указанной в титрах, становится русскоязычный вариант песни Шарля Азнавура «Вечная любовь»).

на итальянском, английском, польском и русском языках³⁶. В сериале «Рожденная звездой» в основном звучат песни на русском языке, но многие из них или являются каверами на зарубежные песни³⁷, или написаны в стилистике западной поп-музыки³⁸. Кроме того, в сериале есть целый эпизод, посвященный конфликту главной героини с худсоветом из-за того, что на международном фестивале она исполнила утвержденную песню «Ты спеши» не на русском, а на английском языке. Другой эпизод сериала посвящен записи дуэта с участием главной героини на французском языке в шведской студии звукозаписи. То есть создатели сериала «устраивают» пусть и полувымышленной героине международную карьеру, с помощью многочисленных сюжетных ходов выводят ее за границы «советского» репертуара.

Таким образом, в саундтреке обоих сериалов модели психо- и социобиографий продолжают свою активную взаимную диффузию. С одной стороны, перед нами явная склонность к лирическому дискурсу, который превалирует если не количественно, то качественно. Именно лирические композиции становятся музыкальными лейтмотивами сериалов и их стараются «внедрить» в сюжет, так или иначе «обыграть» с помощью жизненных обстоятельств, с которыми сталкиваются главные героини. С другой стороны, авторы сериалов с помощью музыки создают социально-историческую панораму, но не столько за счет тематического, сколько за счет стилистического разнообразия привлекаемого репертуара. В этом случае допускается весьма вольное распоряжение оригинальными композициями, вплоть до их полной переработки под нужды закадровой музыки («Рожденная звездой»).

36. Вместе с тем Ева Мазерска говорит о преобладании в сериале русских песен над польскими, которые «доминируют в начале и в конце сериала, как будто предполагая, что где-то в глубине у Герман была „русская душа“, которая выражалась в ее пении. Такой перевес русского репертуара отражает тот факт, что „Анна Герман“ — российский проект, адресованный, в первую очередь, российским поклонникам певицы» — *Mazierska E. Polish Popular Music on Screen*. Р. 192.

37. Таковы английские народные песни «Двадцать пальцев крошек» (перевод Соломны Фогельсон) и «Леди Зеленые Рукава», песня *Lollipop* (1958) американской группы *Chordettes* (авторы Беверли Росс, Джулиус Дикссон) в репертуаре ансамбля «Дружба» называвшаяся «Лоли-пап».

38. Самый яркий пример — твист «Черный кот» (композитор Юрий Саульский, автор слов Михаил Танич, 1963), который является одним из центральных лейтмотивов сериала.

Заключение

Один из главных вопросов в отношении биографического фильма связан с достоверностью событий, изображаемых на экране. После череды дискуссий исследователи пришли к выводу, что «теперь, в определенном смысле, создатели байопиков похожи на историков: столкнувшись с обилием данных, они должны очень тщательно выбирать, что добавить, а что опустить. Но эти примеры не столько о включении или исключении событий, сколько о перемещении, переписывании и пересочинении событий»³⁹. В данной статье я намеренно не касалась проблемы фактологической точности при экранизации биографий артистов, сосредоточившись на теме культурного ресайклинга советской эпохи российскими сериалами 2000–2010-х годов.

Модели психо- и социобиографии оказались весьма действенным инструментом для понимания того, как современные медиа переосмысливают и «пересоздают» советское прошлое. В позднесоветский период эти две модели еще обнаруживали свою полярность, которая была обратно пропорциональна идеологической выдержанности фильма. Нынешний этап определяется активным сближением и интеграцией двух моделей, которые больше не существуют в «чистом» виде. В сериальных байопиках о звездах советской эстрады психобиографическая модель разворачивается в конфликте карьерных и семейных ценностей, который является традиционным для западных байопиков о поп-музыкантах⁴⁰. А социобиографическая модель в сценариях этих картин реализуется во взаимоотношениях артистов с государственными органами, представители которых существенным образом влияют на судьбы творческих личностей. Фактически это две магистральные драматургические линии, которые лежат в основе нарратива большинства российских ретросериалов.

Помимо собственно драматургических закономерностей, модель психо- и социобиографий позволяет проследить особенности музыкальной драматургии и репертуарной политики в саундтреке сериала. В данном аспекте создатели ретробайопиков, с одной стороны, могут свободнее распоряжаться материалом, — музыка оказывается гораздо податливее к «переписыванию», нежели факты чьей-либо

39. Inglis I. Op. cit. P. 87.

40. Подробнее см.: Marshall L., Kongsgaard I. Op. cit. P. 346–361.

биографии. Недаром сериалы о звездах советской эпохи продолжают развивать активную лиризацию советской эстрады, начатую медиаиндустрией в телепроекте «Старые песни о главном»⁴¹, замещая гражданско-патриотическую тематику хитами зарубежного происхождения. С другой стороны, песни советской эстрады одним своим звучанием, можно сказать, автоматически реконструируют культурно-исторический контекст прошлого. И нередко он звучит «сам за себя», то есть гораздо ярче, нежели сюжетные коллизии, которые создают авторы сериалов вокруг знаменитых песен.

Библиография

- Брюханова Ю., Олейников И. Современный российский байопик: реализация сюжета «Художник и Власть в эпоху застоя»//Культ-товары. Коммерциализация истории в массовой культуре/Под ред. М.П. Абашевой, М.А. Литовской и др. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. С. 273–285.
- Журкова Д. Ретросериалы об артистах советской эстрады: между конвенциями, прошлым и реальностью//Художественная культура. 2021. № 4. С. 298–331.
- Журкова Д.А. «Старые песни о главном»: альтернативная антология советской эстрады//Новое литературное обозрение. 2021. № 169. С. 148–164.
- Завершинская Н., Завершинская П. Кинематографические «прочтения» советской эпохи как проекция воспоминаний и забвений современного российского общества // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2017. № 3. С. 13–19.
- Карпов Д. Рок и рок-герои в советском и российском кинематографе второй половины 1980 — первой половины 1990 гг.//Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. трудов. Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, Тверь, 2021. Спецвыпуск. Рок+. С. 4–17.
- Сальникова Е. Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х. Визуальные образы, герои, сюжеты. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
- Цукер А. Рок в отечественном кинематографе 1980-х годов//Музыкальная академия. 2019. № 4. С. 140–155.
- Шилова И. Проблемы звуковой образности в советском кино. М.: Знание, 1984.
- Babington, B. Evans P.W. Blue Skies and Silver Linings: Aspects of the Hollywood Musical. Dover, NH: Manchester University Press, 1985.
- Brackett D. Banjos, Biopics, and Compilation Scores: The Movies Go Country//American Music. 2001. № 19. P. 265, 247–290.
- Inglis I. Popular music history on screen: the pop/rock biopic//Popular Music History. 2007. Vol. 2. № 1. P. 77–93.
- Marshall L., Kongsgaard I. Representing popular music stardom on screen: the popular music biopic//Celebrity Studies. 2012. Vol. 3. № 3. P. 346–361.
- Mazierska E. Beyond Authenticity, Beyond Romanticism: Films About Maanam//IASPM Journal. 2017. Vol. 7. № 1. P. 55–70.
- Mazierska E. Polish Popular Music on Screen. L.: Palgrave Macmillan, 2020.
- Pollock G. Artists, Mythologies and Media — Genius, Madness and Art History//Screen. 1980. Vol. 21. № 3. P. 57–96.

41. См.: Журкова Д. «Старые песни о главном»: альтернативная антология советской эстрады//Новое литературное обозрение. 2021. № 169 (3). С. 148–164.

Soviet Pop Artists in Russian TV Series: Integration of Dramatic Models of Psycho- and Socio-Biography

Daria Zhurkova. State Institute for Art Studies (SIAS), Moscow, Russia, jdacha@mail.ru.

This article deals with the dramaturgical and musical patterns of modern Russian television biopic series about Soviet pop artists. The concept of psycho- and socio-biography as developed by the Polish researcher Eva Mazerski is used as a means of analysis. The first section describes the regularities of particular dramatic models and traces their development in late Soviet cinema. The second section examines the convergence and integration of these dramatic models on the basis of extensive material drawn from Russian TV series dedicated to Soviet pop music stars. Special attention is paid to two series: *Anna Herman. The Mystery of the White Angel* (2012) and *Born a Star* (2015) with elements from the biography of Edita Piekha. In the final part of the article the soundtrack of these two series is analysed making use of the psycho- and sociobiographical model. On one hand, one can identify how the songs played in these series correlate with the dramatic collision of the episodes in which they appear. On the other hand, one can also identify the principles behind the selection of repertoire. These can be traced, in particular, to the ratio of songs related to civil and lyrical subject matter. The article concludes that, if in the late Soviet period the models of psycho- and sociobiography still exhibited some autonomy, an autonomy inversely proportional to the ideological consistency of the film, then the current stage is determined by the active convergence and integration of two models that no longer exist in their 'pure' forms. As for the musical dramaturgy and selection of repertoire in the soundtrack, Soviet pop star series continue to develop an active lyricisation of the Soviet scene, replacing civil and patriotic themes with foreign hits. Nevertheless, playing Soviet pop songs serves to reconfigure the cultural and historical context of the past.

Keywords: *soviet era; retro series; television; pop music; recycling; biopic; song; Anna German; Edita Piekha.*

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-5-91-110

Acknowledgements: This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project № 19-18-00414 "Soviet Culture Today (Forms of cultural recycling of Russian art and Aesthetics of everyday life 1990s – 2010s)".

References

- Babington B., Evans P.W. *Blue Skies and Silver Linings: Aspects of the Hollywood Musical*, Dover, NH, Manchester University Press, 1985.
- Brackett D. Banjos, Biopics, and Compilation Scores: The Movies Go Country. *American Music*, 2001, no. 19, pp. 265, 247–290.
- Bryukhanova Yu., Oleinikov I. Sovremennyyi rossiiskii baiopik: realizatsiya syuzheta "Khudozhnik i Vlast' v epokhu zastoya" [A Modern Russian Biopic: Realizing the Plot "The Artist and Power in the Era of Stagnation"]. *Kul't-tovary. Kommertsializatsiya istorii v massovoi kul'ture* (eds M. P. Abasheva, M. A. Litovskaya et al.), Moscow, Yekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi [Armchair Scientist], 2020, pp. 273–285.

- Inglis I. Popular music history on screen: the pop/rock biopic. *Popular Music History*, 2007, vol. 2, no. 1, pp. 77–93.
- Karpov D. Rok i rok-geroi v sovetskom i rossiiskom kinematografe vtoroi poloviny 1980 — pervoi poloviny 1990 gg. [Rock and Rock Heroes in Soviet and Russian Cinematography from the Second Half 1980s — First Half 1990s]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst: sb. nauch. trudov. Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet* [Russian Rock Poetry: Text and Context: Collected Works. Ural State Pedagogical University], Yekaterinburg, Tver, 2021, special issue: Rok+ [Rock+], pp. 4–17.
- Marshall L., Kongsgaard I. Representing popular music stardom on screen: the popular music biopic. *Celebrity Studies*, 2012, vol. 3, no. 3, pp. 346–361.
- Mazierska E. Beyond Authenticity, Beyond Romanticism: Films About Maanam. *IASPM Journal*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 55–70.
- Mazierska E. *Polish Popular Music on Screen*, London, Palgrave Macmillan, 2020.
- Pollock G. Artists, Mythologies and Media — Genius, Madness and Art History. *Screen*, 1980, vol. 21, no. 3, pp. 57–96.
- Sal'nikova E. *Sovetskaya kul'tura v dvizhenii: ot serediny 1930-kh k seredine 1980-kh. Vizual'nye obrazy, geroi, syuzhety* [Soviet Culture in Motion: From the Mid-1930s to the Mid-1980s. Visual Images, Heroes, Plots], Moscow, Izdatel'stvo LKI, 2008.
- Schlotterbeck J.K. The popular musical biopic in the post-studio era: four approaches to an overlooked film genre. PhD (Doctor of Philosophy) Thesis, [University of Iowa], 2010.
- Shilova I. *Problemy zvukovoi obraznosti v sovetskom kino* [Problems of Sound Image in Soviet Cinema], Moscow, Znaniye, 1984.
- Tsuker A. Rok v otechestvennom kinematografe 1980-kh godov [Rock in Russian Cinema in the 1980s]. *Muzykal'naya akademiya* [Musical Academy], 2019, no. 4, pp. 140–155.
- Zavershinskaya N., Zavershinskaya P. Kinematograficheskie “prochteniya” sovetskoi epokhi kak proektsiya vospominanii i zabvenii sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Cinematic “Readings” of the Soviet Era as a Projection of Memoirs and Oblivion of Contemporary Russian Society]. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law], 2017, no. 3, pp. 13–19.
- Zhurkova D. Retroserialy ob artistakh sovetskoi estrady: mezhdru konventsiyami, proshlym i real'nost'yu [Russian Biopics About Popular Soviet Musicians: Between Conventions, Past and Reality]. *Khudozhestvennaya kul'tura* [Artistic Culture], 2021, no. 4, pp. 298–331.
- Zhurkova D.A. “Starye pesni o glavnom”: al'ternativnaya antologiya sovetskoi estrady [Old Songs About the Main Thing: An Alternative Anthology of the Soviet Popular Music]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2021, no. 169, pp. 148–164.

Калькирование языка и субъект-калька как формы трансгуманистической безответственности

Игорь Родин

Исследование выполнено в рамках проекта «Генеалогии
„алгоритмической рациональности“ в позднем СССР:
от кибернетической утопии к информационному обществу»
ИГИТИ им. А. В. Полетаева НИУ ВШЭ.

Игорь Родин. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия, ntooloose@gmail.com.

В статье рассматривается проблема калькирования родного языка с философской и психоаналитической точек зрения в разрезе алгоритмизации или кибернетизации человеческой культуры. Затрагивается вопрос трансформирующих в пространстве и времени взаимоотношений между телом и языком, содержание которых составляет понятие субъекта, и освещаются структурные характеристики, свидетельствующие о переходе субъекта в иное, новое топологическое качество «посредством» калькирования родного — в данном случае русского — языка. Корпоративная культура и потребление популярной переводной литературы и массового кинематографа в дубляже постоянно занижают ожидания от индивида в отношении родного языка, а значит, и в отношении личности как таковой, склоняя последнюю отказываться от «барочных излишеств» и перемещая символический ориентир из среды родной филологии и канонических культурных текстов в утопию «среднего арифметического» смыслообразования. Такой утопией выступает русский аналог разговорного американского английского, который упраздняет идиосинкратическое пространство языка (грамматическое, морфологическое, синтаксическое богатства), сопротивляющееся переводу и составляющее ядро культуры. С одной стороны, язык превращается в рудимент, балласт, а с другой — в орудие отчужденного (языка от тела) труда по обмену информацией. С тем чтобы выявить симптомы субъекта-кальки, утратившего органическую связь с родным языком и живой речью, обсуждаются замечания Жака Лакана на тему бреда и размышления Бориса Гройса о языковых патологиях, возникающих в результате взаимодействия современного субъекта с поисковой системой Google.

Ключевые слова: язык; субъективность; трансгуманизм; кибернетика; Жак Лакан; алгоритмизация культуры.

Я БЫ ХОТЕЛ представить рассуждение о субъекте и ответственности, отнюдь ему не внеположной, в разрезе трансгуманизма и судьбы языка в России. Изложенные ниже мысли составляют не социологическое исследование, но попытку определенным — философско-психоаналитическим — образом настроить оптику, которая сделала бы возможным исследовать трансгуманизм. Последний мы предлагаем трактовать не в качестве совокупности протезов, внешних по отношению к телу, имплантируемых хирургически и угрожающих якобы непреложной в своей очевидности целостности индивида, но как антропологический сдвиг на уровне самой структуры личности, под которой, в частности, лакановский психоанализ понимает тот или иной тип отношений между телом и языком. Ставший явным для многих распад языка, переориентация субъекта на быструю вспышку информации, представленную в максимально эффективной (а стало быть, максимально упрощенной) для восприятия форме, — упорно игнорируются как социальными науками, так и интеллектуальной конъюнктурой, которые оперируют понятием субъекта согласно с просвещенческим его прочтением.

Однако то обстоятельство, что для ответственности необходим субъект, не стоит считать трюизмом. В психоанализе ему отводится основополагающая роль, поскольку без-ответственный субъект — не желающий брать ответственность *на себя* и перекладывающий ее бремя на аналитика — для анализа не пригоден. В более глобальной перспективе данный аспект имеет двойное дно, которое сегодня более, чем когда-либо, позволяет нам задаться вопросом: а является ли безответственный субъект вообще субъектом? Или как минимум вынуждает нас делать определенные оговорки, когда мы оперируем понятием субъекта. Все это имеет непосредственное отношение к событию «вхождения» современного человека в язык и способам его в нем «пребывания».

В наши дни тему распада личности в разрезе дезинтеграции языка в том или ином виде уже затрагивал ряд философов (к примеру, Валерий Подорога и Виктор Ильин¹), поэтому мы на каком-то уровне всего лишь продолжа-

1. См.: Подорога В. Время чтения. М.: Канон+, 2022. С. 15–77; Ильин В. Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен. М.: Проспект, 2022.

ем бить в тот же колокол, — ведь сюжет этот отнюдь не раскрыт до конца. Касаясь такого феномена, как калькирование языка, указывающего на протекающие процессы алгоритмизации и кибернетизации человеческой культуры, мы лавируем возле тонкой грани, которая отделяет условного «нормального человека» от человека, лишенного родного языка как одной из упраздняемых черт человеческого. Оставляя за скобками не менее тяжеловесный вопрос о том, что из себя представляет нормальный человек, условно назовем носителя трансгуманистической Идеи, избавленного от пут культуры и языка, *постсубъектом*, в чьем лице компьютерный код как предел расформирования живого языка со всеми присущими ему просторами абсурда, юмора, поэзии, импровизации, частного и коллективного своеобразия, функционирует в качестве основополагающего принципа организации речи и мышления. Понятие культурного кода довольно точно отражает функцию, которую Лакан называет (большим) *Другим*, а именно систему смыслообразующих координат, к коей несводимы ни реальная речь, ни живой язык как таковые, ни то, от чего их пытается очистить в пользу «эффективной коммуникации» современная маркетинговая онтология.

Именно ввиду своей формообразующей функции процесс этот тем не менее оказывается непрозрачным, отвлекая внутренний взор наблюдателя вездесущими репрезентациями в «жанре постмодерн». Постмодернизм же, рассыпавший себя по верхам культуры — по образам и формам — продолжает восприниматься в качестве внешнего явления, окружающего субъекта, в худшем случае находящегося в его власти, которую якобы можно свергнуть, приложив ментальные (читай: мнимые) усилия. Однако на фоне вышедших из-под контроля языковых игр и мерцания ничем не связанных между собой речевых и художественных форм не может не вызывать вопросы характерная для структуры постсубъекта способность увязывать воедино религиозное поклонение опытной науке, культ праздного мнения и насмешливо-меркантильный настрой в отношении мира и других людей.

Переводя сказанное выше в поле функции языка, отметим следующее: родной язык не является непоколебимой константой ни на общекультурном уровне, ни на уровне частного субъекта и может стать в буквальном смысле иностранным посредством замены и выхолащивания означаемых, под коими подразумевается онтологическая реаль-

ность, экзистенция человека и культуры как совокупность взаимопроникающих траекторий. Выражаясь схематично — то, что в психоанализе называется вхождением ребенка в язык, подразумевает диалектическое конституирование полюсов правды и лжи, прописанных в символических аналогах данных полюсов. Это означает буквально следующее: две реальности, разворачивающиеся перед ребенком, производящим в одном случае правомерное, в другом — запретное действие, расщепляются на означающие «да» и «нет», в которых концентрируется указанная полярность, прописываемая в пределе либо предоставлением полной свободы действий, либо безапелляционным пресечением оных. В произнесенном слове невротика, то есть условного нормального человека, по Лакану, заключено обязательство это самое слово в дальнейшем поддерживать или опровергать — что по сути одно и то же, поскольку правда и ложь являют собой единый механизм, в равной мере ориентирующий на подразумеваемые правила игры в субъективность². Речь идет не о чем ином, как о конституировании функции ответственности.

Интересным трамплином для дальнейшей дискуссии являются размышления Бориса Гройса о поисковой системе *Google*³. В обход общефилософских мы сразу сконцентрируемся на тех тезисах Гройса, которые напрямую касаются структуры современного пользования поисковой системой *Google*, то есть функционирования в пространстве означающих, если иначе, в поле наличествующей, потенциальной или отброшенной субъективности.

Google предполагает и кодифицирует полный распад языка и его замену множеством отдельных слов. Эта система оперирует словами, освобожденными от обычных правил языка, то есть от грамматики... человек перестает говорить в традиционном значении слова. Вместо этого он позволяет или не позволяет словам появляться в различных контекстах — абсолютно молчаливым, операциональным, экстра- и металингвистическим способом.

<...> Распад грамматики и освобождение отдельных слов делают все менее релевантной разницу между

2. Лакан Ж. Психозы // Семинары. М.: Гнозис/Логос, 2014. Кн. 3. С. 62–78.

3. Гройс Б. В потоке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 161–171.

«да» и «нет», между аффирмативной и критической позициями⁴.

На уровне банальной формальной логики сразу же всплывает психоаналитическая максима, в соответствии с которой в бессознательном, а в данном случае в пред- или внесубъективном не существует отрицания как напряжения между пресловутыми «да» и «нет» — бессознательное работает «по модулю». Отсюда вытекает то, что условный вес означающего измеряется не формой вербализации, а либидинальной заряженностью. К примеру, любовь не является антиподом ненависти. Антиподами являются аффективность, не важно, в форме любви или ненависти, и апатичность. Ввиду сказанного выше перефразируем сквозной вопрос: является ли субъектом говорящее животное, симптоматическим образом актуализирующее так называемые правду и ложь в форме одного и того же действия или одинаковым образом реагирующее на призыв к действию и запрет оного со стороны законодательной инстанции в частных и общих ее проявлениях — родителей, учителей, институций, государства, культуры в широком смысле слова? Если принять низведенную до уровня полной абстракции и презируемую постмодернизмом бинаризирующую функцию языка за фундамент, на коем зиждется условная нормальность, необходимо признать, что человек — чьи способы поддержки собственных слов, о которых говорит Лакан, противоречат означаемым, подразумеваемым им же самим в контексте тех или иных действий — в качестве субъекта устроен иначе. Калькирование, замещение произрастающих из толщи родного языка символических конструкций переводными шаблонами, а в пределе даже переход в режим переведенной речи — все это неизбежно нарушает органические связи с физической действительностью, с которой язык находится в эфемерной, трудно артикулируемой, но от этого не менее последовательной связи.

«Интернет-пользователь находится по ту сторону этого мира, поскольку он находится по ту сторону языка»⁵, — подытоживает Гройс. Однако, если интернет-пользователь находится по ту сторону языка, мы уже говорим не о субъекте, а об иначе устроенном существе, которое, с одной стороны, было избавлено от бремени смыслообразования, а с другой

4. Там же. С. 162–166.

5. Гройс Б. Указ. соч. С. 170.

стороны, по-прежнему впряжено в ярмо языка как такового. В этом смысле, к примеру, важно понимать разницу между романтизацией шизофрении, как она предстает у Делёза и Гваттари, и самой шизофренией; между обэриутством и супрематизмом, которые превращают язык форм и символов в козла отпущения, и аутизмом как «несостоявшейся встречей» с языком. Пристальность и настороженность, с которыми психиатрия, современная футуризм, следила за этой диверсией в поле языка⁶, происходила не из праздного интереса, но из пробуждения внутрикультурных антител, стремящихся обусловить лингвистическую деструкцию локальными вспышками безумия в противовес признанию того, что в лоне культуры стартовал глобальный процесс распада. Бдение имманентного и эксплицитного бюрократическо-политического *Другого* в России пережило постмодернизм как симптом западной культуры, однако постперестроечное вписывание русского языка в процесс свободного самоопределения означавших дало свои червивые плоды.

Цифровизация и кибернетизация языка, алгоритмически направленные требования к языку, а значит, к субъективности, буквализируют бинарные оппозиции как ядро сознания, доводя их до уровня двоичного кода и позволяя облегчить бремя языка и отбросить балласт двусмысленностей, парадоксальности, иными словами — поэтического в широком смысле пространства внутри языка. Язык превращается в средство эффективной коммуникации, в утопию кибернетики и постгуманизма, и за гуглообразным равенством слов, за алгоритмическим эгалитаризмом, на который указывает Гройс, он не узревает главного, а именно онтологического упразднения смысла. Весьма узкоспециализированным, филологическим образом он привязывает данный процесс не к определенному ходу развития человеческой цивилизации, а к художественному авангарду прошлого века, возвращая нас в лоно порочного круга, где в начале было Слово и к Слову же сводится бытие. Подобная позиция опасным образом граничит с обстоятельствами, в которых пребывает постмодернистский субъект, тот самый пользователь *Google*, для которого все слова невесомы, а стало быть, потенциально и де факто взаимозаменяемы.

Подытожим: рассмотрение логики *Google* как «вещи в себе» утаивает зерно культурологической герменевтики

6. См. об этом: Футуризм и безумие. М.: Циолковский, 2019.

в худшем ее проявлении — той герменевтики, что обеспечивает себе безопасность, постулируя те или иные характеристики явления и обуславливая это духом времени и его диспозитивами, вырванными из контекста общей и локальной эволюции, подчас доводя уровень аргументации до тавтологии (так Гройс особо подчеркивает «малограмотность» алгоритмизированной системы). Произведенный им разбор подталкивает к заключению в духе постмодернистского конструктивизма: пользователь *Google*, неспособный связать разрозненные лексемы в синтаксически связное предложение, находится, дескать, в режиме перформанса, к которому в трансгуманистическом мире сведены как половая принадлежность, так и гендерная идентичность. Но о веб-пользователе Гройс умалчивает самое главное — вынужден ли тот сопротивляться радикальной редукции лингвистического плана или язык *Google* для него и есть родной язык? Язык, который он вынужден оборачивать в излишества в социальном поле, чтобы играть в субъекта... Сосредоточим внимание на последнем сценарии.

Будучи воспринятыми в свое время психоанализом в довольно общем ключе, понятия «вхождение в язык» и «Другой» требуют теперь предельной спецификации. Из чего сплетена сеть означающих, считываемых в качестве языка? Столь ли самоочевидна жизнеспособность языка — органического многоуровневого существа — в условиях реальности, агрессивно бинаризирующей механизмы человеческой культуры? Как бы то ни было, калькирование языка может быть опознано в ряду троянских коней внутрикультурной и межличностной путаницы: при сохранении внешних признаков — фонетического плана — семантический план языка отмирает за ненадобностью.

Виртуальная и мультикультуралистская реальности вкупе с ландшафтом потребляемых текстуальностей, трансформировавшимся до неузнаваемости, все сильнее деформируют связи между означающими, канонизируемые историческим процессом и пластом культуuroбразующих текстов. Исторический процесс и есть то самое обобщенное означаемое, которое начинает содержанием мертвую букву и ее реверберацию в эхо-камере. Именно в этом ключе понимает интертекстуальность психоанализ, что не отменяет буквалистской теории интертекстуальности, теории произвольных прямых цитат. И тем не менее таковы интертекстуальность субъекта-кальки, его речь, образ мыслей и, соответственно, картина мира.

Расхожая риторическая фигура, высмеивающая неудачный перевод как плод трудов *Google Translate*, лишь еще раз доказывает, что в каждой шутке есть только доля шутки. А вот ее остаток обнажает культурный процесс, набирающий обороты прямо у нас перед глазами: живая речь огромного количества людей звучит как текст, пропущенный через *Google Переводчик*, коллаж из произвольных цитат, имеющих опосредованное отношение к родному языку в его фундаментальном, корневом смысле. Вместе со связями между означающими, установленными временем, упраздняется «„сверхфактический“ модус бытия и смысла», по выражению Ларисы Мориной, — собственно сама возможность онтологизировать культурологию, к чему Морина призывает под эгидой целостного подхода к гуманитарной методологии⁷. Целостность может приписываться речи и субъективности по умолчанию: как ею «автоматически» обладает, будучи названа, груда камней, но, даже не угодив в воронку патанатомички культуры — филологии, исследование отдельных срезов субъективности, чтобы достичь успеха, внутри этой груды должно выделить своего рода «композиционные» или же структурные точки отсчета.

Рассматривая современного субъекта постмодерна, субъекта «после смерти субъекта» или постсубъекта, мы вынуждены напрямую ассоциировать его с тем, что Лакан приписывает психотику. Психоанализу потребовались целые десятилетия на то, чтобы в полной мере набраться смелости и признать психоз не просто одним из «нежелательных» исходов субъективации, но протоструктурой, из которой при определенном стечении структурирующих, фантазирующих и сублимирующих обстоятельств может выйти субъект. Процесс субъективации не просто допускает собственную обратимость, но предельно проблематизирует субъекта, на которого культура продолжает ссылаться как на самую собой разумеющуюся данность.

В упомянутом семинаре Лакана, посвященном психозам, прорабатывается весьма полезное для нынешней реальности произвольного цитирования понятие вербальной галлюцинации. Формальное определение вербальной галлюцинации — то есть бреда — незамысловато: субъект артикулирует то, что ему слышится. Однако в эпоху иммерсивной виртуальности и конституирующей технопротезирован-

7. Морина Л. Целостный дискурс: легитимация социокультурной реальности // Вестник СПбГУ. 2016. № 1 (17). С. 129–135.

ности субъекта следует отказаться от карикатурного образа сумасшедшего в смиренной рубашке, слышащего голоса изнутри собственной распадающейся субъективности. Теперь уже голоса, доносящиеся из динамиков или наушников, отождествляются с реальностью и с собственным Я вместо того, чтобы с ними сопоставляться, а стало быть, происходит слияние пресловутых Я и Оно. Именно так чаще всего выглядит галлюцинация в тишине, давящей на хрупкую психику, которая подчас может быть заполнена неожиданными звуками, — в эпоху интернета, дублированного перевода, упрощенной версии языка, склоняющей нас к отказу от морфологических, стилистических и лексических излишеств при переводе в угоду подстрочнику, а его источник вытесняет Другого со сцены.

В том же контексте вербальной галлюцинации Лакан обращает внимание на два явления, имеющие прямое отношение к калькированному языку. Потенциально бредовы, по Лакану, искусственные языки и неологизмы. Разъясним: искусственный язык — его Лакан называет беспомощным — создается исходя из утилитарных потребностей тела-носителя, а значит, вполне естественным образом следует пути наименьшего сопротивления, обходясь как можно меньшим количеством фонем, синонимов, прилагательных, глаголов и частей слова. Для накопления языком всех этих слоев требуется то время, которое нужно для становления культуры, поэтому высказывание Бодрийяра об «Америке», которая отбрасывает примитивизирующую тень на современный язык и даже не антикультурна, но вообще не образует культуры в привычном для Европы смысле⁸, необходимо отнести в том числе и к лингвистическому плану. В свою очередь, неологизм указывает не на формально заимствованное слово, а на трансформирующую функцию означающего, которую оно вообще играет в языке и речи конкретного субъекта. К примеру, в прибегании к французскому языку русскими аристократами заложен фундаментальный механизм, который делает употребление слов на иностранном языке нерядовым, выстраивая через это определенные отношения с родным языком и, следовательно, с самим собой. Этот механизм, следовательно, включает в себе этическое измерение. И наоборот, в японском языке, к примеру, для неологизмов «выделен» отдельный алфавит катакана, который разграничивает свое и чужое по крайней мере на фор-

8. См.: Бодрийяр Ж. Америка. СПб.: Владимир Даль, 2000.

мальном уровне, не позволяя лингвистического «кровосмешения» в письме.

И аспект сконструированности, и феномен неологизма синонимичны языку-кальке, сигнализируя в пространстве живой речи современных (особенно молодых) людей о глубоких структурных изменениях. Принимая обличье не то теории маркетинга, не то популярной психологии, трансгуманистическая онтология сталкивается с неизбежностью речи, необходимостью говорения как с никогда не растворяемым остатком чистой, эффективной коммуникации. Сцены межличностного и в широком смысле социального взаимодействия все еще являются порождением того символического порядка, чья опора — праксис вербального взаимодействия, который выводит субъекта по ту сторону целесообразности (читай: эффективности). Сублимация и творчество, коллективная со-бытийность не могут быть эффективны в том смысле, в котором мыслит эффективность кибернетика. Чем более эффективна речь, тем меньше времени ей требуется для сообщения и тем более фрустрирующим для постсубъекта фактором это вездесущее время становится, поскольку заполнение времени речью становится тягостным.

Трагедия языкового бремени отражена в творческой судьбе Сэмюэля Беккета, обозначенной Анатолием Рясовым в качестве пути вычитания⁹ — вычитания из себя прошлого, традиции, а в конечном итоге самой словесности. Обобщая то, что Рясов говорит о Беккете, можно прийти к заключению: трагедия постсубъекта лежит в принципиальной невыполнимости задачи полностью абстрагироваться от языка со всем его балластом. И тем не менее частичным решением проблемы речи, уличенной в антикоммуникабельности, которую поставил абсурдизм, в том числе в лице Беккета, является отказ от полюсов, напряжение между которыми склоняет чашу вербально-семантических весов в ту или иную сторону, а субъекта речи — к несению ответственности за сказанное. Отказ этот подразумевает переход в режим чистого наслаждения речью, а значит, в режим центростремительного истончения языка. Реальность, в которой язык, а значит, и его носитель, не отвечает за смысл и за последствия сказанного, исключает категориальные и смысловые разногласия, тем самым претворяя в жизнь дистопический для культуры универсальный язык, о котором мечтал Лейбниц.

9. Рясов А. Беккет: путь вычитания. СПб.: Jaromír Hladík press, 2021.

Библиография

- Бодрийяр Ж. Америка. СПб.: Владимир Даль, 2000.
- Гройс Б. Е. В потоке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
- Ильин В. В. Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен. М.: Проспект, 2022.
- Лакан Ж. Семинары. М.: Гнозис/Логос, 2014. Кн. 3: Психозы (1955–1956). С. 62–78.
- Морина Л. П. Целостный дискурс: легитимация социокультурной реальности // Вестник СПбГУ. 2016. №1(17). С. 129–135.
- Подорога В. А. Время чтения. М.: Канон+, 2022.
- Рясов А. В. Беккет: путь вычитания. СПб.: Jaromír Hladík press, 2021.
- Футуризм и безумие: сб. М.: Циолковский, 2019.

Calquing within Language and Subject-Calque as Forms of Transhumanist Irresponsibility

Igor Rodin. National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia, ntooloose@gmail.com.

In the proposed article I will address the issue of calquing in the Russian language from a philosophical/psychoanalytical point of view and from that of algorithmization/cybernetization of the human culture. I will touch upon the problem of interrelationship between body and language, which underlie subjectivity and transform in space and over time. I will try to highlight structural characteristics indicative of subject's transition to another, post-anthropological quality "by means of" calquing of one's mother tongue. Corporate culture and the consumption of popular translated literature in a simplified language and dubbed mainstream films keep diminishing expectations from an individual in relation to his mother tongue and, hence, to one's personality as such, while making the latter giving up on "baroque extravagances" and shifting one's symbolic reference points from within the philology of one's mother tongue and canonical cultural texts to a utopian "arithmetic mean" of sense-production which eliminates the idiosyncratic space of language as that which opposes translation and comprises the core of culture. On the one hand, language turns into a rudiment, a dead load, while on the other hand – into an instrument of an alienated labor of information exchange, while representing a fundamental cultural phenomenon the problematics and meaning of which I will debate here. In an attempt of exposing the symptoms of subject-calque having lost organic touch with the mother tongue and the living speech, I will turn to Jacques Lacan's comments on the phenomenon of delusion, as well as to Boris Groys' thoughts regarding the linguistic pathologies emerging as a result of contemporary subject's dealing with the search engine Google.

Keywords: *language; subjectivity; transhumanism; cybernetics; Jacques Lacan; algorithmization of culture.*

DOI 10.58186/2782-3660-2022-2-5-111-123

References

- Baudrillard J. *Amerika* [Amérique], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2000.
- Futurizm i bezumie: sb.* [Futurism and Madness: Collected Papers], Moscow, Tsiolkovskii, 2019.
- Groys B. *V potoke* [In the Flow], Moscow, Ad Marginem Press, 2018.

- Ilyin V.V. *Filosofiya krizisa. Chelovechestvo na poroge katastroficheskikh peremen* [The Philosophy of Crisis: the Self-Consciousness of Humanity in the Era of Catastrophic Changes], Moscow, Prospekt, 2022.
- Lacan J. *Seminary* [Le Séminaire], Moscow, Gnozis, Logos, 2014, bk. 3: Psikhosy (1955–1956) [Les psychoses (1955–1956)], pp. 62–78.
- Morina L.P. Tselostnyi diskurs: legitimatsiya sotsiokul'turnoi real'nosti [Integrity Discourse: Legitimation of Social and Cultural Reality]. *Vestnik SPbGU* [Vestnik SPbSU], 2016, № 1 (17), pp. 129–135.
- Podoroga V.A. *Vremya chteniya* [The Time of Reading], Moscow, Kanon+, 2022.
- Ryasov A.V. *Bekket: put' vychitaniya* [Beckett: The Path of Subtraction], Saint Petersburg, Jaromír Hladík press, 2021.

Великие даты, или Как государственная политика памяти конструирует историю

Виктор Шнирельман

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328). Она была написана на рубеже 2020–2021 годов и впервые представлена в качестве доклада на конференции «Забыть и вспомнить: формы и границы советской памяти», организованной Институтом этнологии и антропологии Российской академии наук, Московской высшей школой социальных и экономических наук, Москва, 1–6 февраля 2021 года.

Виктор Шнирельман. Институт этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН), Москва, Россия, shnirv@mail.ru.

Главным заказчиком и актором политики памяти является государство. Именно оно заботится о составлении стандартного списка знаковых исторических событий и значимых исторических личностей. В связи с этим возникают следующие вопросы: как в советское и постсоветское время выглядел ряд исторических событий, подлежащих увековечиванию и пропаганде, как и по каким критериям производился отбор исторических личностей и событий, какие именно особенности государственной политики подчеркивали эти образы, как в этой политике памяти выражалось отношение власти к роли личности и народных масс в истории, как в ней отражался гендерный момент, наконец, какое влияние на нее оказывало отношение власти к религии? Яркими примерами официальной политики памяти служат беседка в Нескучном саду, поставленная в 1951 году в честь 800-летия Москвы, и художественное оформление Боровицкой площади с примыкающим к ней Александровским садом, возникшее уже в 2010-х годах. В процессе их описания обнаруживаются общие черты — акцент на решении политических проблем с помощью вооруженной силы (война или революция), ярко выраженная маскулинность и акцент на славных военных победах, что, безусловно, свидетельствует о позитивном отношении власти к войне и армии и отражается в милитаризации истории. Однако между ними есть и различия — в отношении к истории, религии, революции, войне и роли народных масс в истории, — которые характеризуют политику двух государств. На этих примерах анализируются особенности советской и постсоветской мемориальных культур. Подчеркивается архаизация мышления и общественного дискурса, характерная для постсоветского периода.

Ключевые слова: политика памяти; Россия; Москва; исторические личности; гендер; война.

ГЛАВНЫМ и самым влиятельным субъектом формирования и поддержания социальной памяти служит государство, в руках которого находятся и интересам которого служат мощные рычаги ее конструирования и контроля за ней. В зависимости от политического устройства государство может по-разному влиять на выстраивание картины прошлого: через систему всеобщего образования и образовательные стандарты, практики селекции и хранения информации в архивах и библиотеках, утверждение и финансирование государственных праздников, организацию особых ритуалов, свержение с пьедестала одних и установку других памятников, создание мемориальных комплексов, государственную поддержку деятельности тех или иных музеев, создание государственной символики, спонсирование каналов пропаганды (телевидение, киноиндустрия, и пр.) и т. д.¹ При этом образ национальной (государственной) истории является продуктом деятельности и воображения среднего класса и интеллигенции и связанных с ними институтов (СМИ, школа, наука, музеи, кинопродукция, театральные постановки, художественное производство, включая художественное оформление городов, и пр.).

Государство играет огромную роль в создании того, что Пьер Нора назвал «местами памяти», то есть в отборе ключевых событий прошлого, которым «национальная история» придает особый смысл². Обозначив такие события, государство делает все, чтобы закрепить их в памяти общественности, причем в нужной государству версии. Эти события входят в школьные учебники истории, освещаются СМИ, отражаются в произведениях искусства и внедряются в массовое сознание с помощью топонимики, кинопродукции, памятников историческим событиям и историческим деятелям, а также плакатов. Иногда они изображаются на денежных знаках. Некоторые из этих событий становятся основой национальных праздников. В ряде случаев государство при-

1. Копосов Н. Память старого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011; Шнирельман В. Социальная память — вопросы теории // Историческая память и российская идентичность. М.: РАН, 2018. С. 23–24.

2. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. Vol. 26. P. 7–24.

бегают к такому крайнему инструменту, как «историческая политика», которая в последние десятилетия входит в моду³.

Именно государство во имя нужного ему «Большого Нарратива» заботится о составлении стандартного списка знаковых исторических событий и значимых исторических личностей. Некоторые из последних объявляются «героями» и память о них подлежит увековечиванию, другие признаются «антигероями», и их имена либо должны быть вымараны из книги памяти, либо, напротив, сохраняются в назидание потомкам в качестве негативного примера. В СССР такой список был выработан во второй половине 1930-х годов и практически в неизменном виде сохранился до момента распада страны. В постсоветское время он был подвергнут ревизии, причем по-разному и в разной степени — в 1990-х и в 2000-х — 2010-х годах.

В СССР огромную роль играла государственная идеология, которая не оставалась неизменной. Во второй половине 1930-х годов происходил сдвиг к русско-советскому национализму. Теперь повестку дня стала определять державно-патриотическая идея⁴, и, словами Наума Коржавина, наступила пора перейти от «ностальгической романтики интернационализма и мировой революции» к «ощущению вечности и родины»⁵. Вновь на сцену вышла длинная история с ее героикой, и был сконструирован пантеон героев и задан канон знаковых исторических событий. Они были отточены и огранены в годы Великой Отечественной войны. С 1940-х годов подобный образ прошлого неизменно присутствовал в мемориальной политике и включался в учебники истории. На переднем плане были героизация и прославление, в особенности если это касалось революционеров и революционных событий, а также советской политики, тру-

3. Миллер А. И., Липман М. (ред.). Историческая политика в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2012; Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. № 1. С. 111–121.

4. Ганелин Р. Сталин и советская историография предвоенных лет // Новый часовой. 1998. № 6–7. С. 102–103; Бордюгов Г., Бухараев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М.: АИРО-XX, 1999. С. 29; Дубровский А. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Брянский гос. ун-т, 2005. С. 23–25, 48–50, 249–250.

5. См.: Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи // Новый мир. 1992. № 7. С. 154. Впрочем, патриотическая идея в виде «красного патриотизма» появлялась у некоторых видных большевиков еще в 1920-х гг. См.: Дубровский А. Указ. соч. С. 41–42, 47–48.

довых и воинских подвигов. В частности, строительство советских промышленных и гидротехнических сооружений (Магнитка, Челябинский тракторный завод, Днепротэс и пр.) выступало в героическом облике и подавалось как грандиозная победа. Если же речь шла о гибели людей, подчеркивалось, что они погибали за великую идею и жертвы были не напрасны. Такая память должна была вызывать не скорбь и страдание, а душевный подъем и восхищение⁶.

Кроме того, все эти победы подвергались сакрализации, и сомневаться в них, обсуждать их критически было невозможно. Следовательно, и память о них должна была быть, во-первых, памятью возвышенной, памятью о героике, во-вторых, памятью о победе всего советского народа в соответствии с марксистской догмой о том, что историю делают народные массы, и, в-третьих, памятью о победе, непременно требовавшей больших жертв. Причем страдания и оплакивание жертв были неуместны — ведь в соответствии с конструируемым нарративом жизни были отданы за правое дело, за великую идею. Поэтому, например, песня Матвея Блантера и Михаила Исаковского «Враги сожгли родную хату» (1945–1946) была сразу же раскритикована за «упаднические настроения» и вплоть до 1960 года оставалась запрещена к исполнению. Не поощрялась и так называемая окопная правда, начало которой положил Виктор Некрасов повестью «В окопах Сталинграда» (1946) и которая переживала расцвет в годы оттепели. Зато миф о 28 панфиловцах пользовался в СССР официальной поддержкой и входил в учебники как идеальный пример советской героики. Иными словами, в советском мифе в конкуренции триумфа и травмы⁷ неизбежно побеждал триумф. Против этого осмеливались выступать не многие, например Василий Быков со своим альтернативным видением войны. Примечательно, что такие настроения до сих пор преобладают у граждан России. Так, проведенный в апреле 2019 года соцопрос показал, что у 48% респондентов преобладала радость в связи с победой, тогда как скорбь по погибшим испытывали 27%⁸.

6. *Shteynman M. Political Myth and Political Glory: Shaping Media Reality // Russian Sociological Review. 2016. Vol. 15. № 4. P. 96–113; Добренко Е. Поздний сталинизм. Эстетика политики. М.: Новое литературное обозрение, 2020. Т. 1.*

7. *Giesen B. Triumph and Trauma. Boulder, CO; L.: Paradigm Publishers, 2004.*

8. День победы // Левада-Центр*. 30.04.2019. URL: <https://levada.ru/2019/04/30/dep-pobedy-3/>. (* Организация, признанная иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента.)

Во имя чистоты и незыблемости героического метанарратива замалчивались трагедии, в особенности связанные с деятельностью государственной власти (голод, массовые репрессии и ГУЛАГ, депортация народов, радиационные катастрофы). А борцы с советской властью (от националистов до социалистов), ее критики и диссиденты вычеркивались из истории, как и события, способные нанести ущерб престижу государства (советско-финляндская война, пакт Молотова—Риббентропа и дружба с нацистской Германией на рубеже 1930–1940-х годов, расстрел в Новочеркасске).

Замалчивались и любые сведения о народах, не вписывавшихся в рамки текущей государственной политики. Здесь ярче всего выглядит пример с евреями, политика в отношении которых стала меняться во второй половине 1930-х годов вплоть до резкого обострения во второй половине 1940-х и начале 1950-х годов, когда они фактически перестали считаться отдельным народом и делалось все, чтобы вычеркнуть их из истории⁹. К этому времени были закрыты все их культурные учреждения, в учебниках о них не было упоминаний, холокост игнорировался, а частное преподавание идиша и истории евреев подвергались гонениям. Замалчивались и неприглядные страницы истории, способные повредить советской «дружбе народов» и взаимоотношениям СССР с соседними странами. Так история превращалась в священный политический миф, предназначенный для управления народом. Именно такой героический миф в свое время полюбился Сталину, который противопоставлял его «торгашескому духу», свойственному Западу¹⁰. Некоторые современные авторы называют этот миф антипамятью, под которой понимаются пропагандистские стереотипы, замещающие истинную память¹¹. В такой ситуации неизбежно возникает «когнитивный диссонанс», означающий столкновение двух видов памяти, содержащих трудно совместимые или даже прямо противоположные образы прошлого.

9. Костырченко Г. В плену у красного фараона. М.: Международные отношения, 1994; Он же. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, 2010.

10. Van Ree E. Heroes and Merchants. Stalin's Understanding of National Character // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. Vol. 8. № 1. P. 42–44.

11. Быков В. Жестокая правда войны. Воспоминания пехотинца. М.: Родина, 2020; Льюис С. «Партизанская республика»: колониальные мифы и война за память в Беларуси // *Новое литературное обозрение*. 2020. № 6. С. 350–371.

В постсоветской России указанные советские представления сперва подверглись критике, но в начале 2000-х годов снова стали востребованными и были переосмыслены. Современная власть официально отрицает наличие государственной идеологии, и она запрещена Конституцией РФ, но на практике некоторые элементы идеологии обнаруживаются в действиях властей. Правда, если в СССР идеология выступала цельным единым блоком, то сегодня она отличается эклектикой и гибридностью. Между тем переход от одного режима к другому требует кардинальной смены метанарратива и системы исторических символов¹². Посмотрим, как этот процесс происходил в современной России, которая столкнулась с неизбежной необходимостью заменить старый исторический миф новым. Под новым мифом здесь понимается тот исторический нарратив, который складывался в последние 20 лет. Сложные и неоднозначные процессы, происходившие в области переосмысления истории в 1990-е годы, здесь не рассматриваются.

Как власть понимает героические образы прошлого

В связи с этим возникают следующие вопросы: как выглядел ряд знаковых исторических событий, подлежащих увековечиванию и пропаганде, как и по каким критериям производился отбор исторических личностей и событий, какие именно особенности государственной политики требовали именно таких образов, как в этой мемориальной политике выражалось отношение власти к роли личности и народных масс в истории, и, наконец, имея в виду жгучую актуальность гендерной проблематики и возрождение религии, как в последней отражался гендерный момент и какое влияние на нее оказывало отношение власти? Далее эти вопросы будут рассмотрены на двух примерах мемориализации из послевоенной советской и современной российской истории — беседки-ротонды в Нескучном саду, сооруженной в 1951 году архитектором Сергеем Иконниковым и скульптором Алексеем Котихиным в честь 800-летия Москвы по указу Сталина от 1947 года, и оформления Боровицкой площади, выполненного в 2010-х годах по инициативе Российского военно-исторического общества и Департамента культуры города Москвы.

12. Gill G. Symbolism and Regime Change: Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

В годы Великой Отечественной войны и сразу после нее неоднократно обсуждались планы создания величественных мемориалов, причем со временем идея жертвы отодвинулась на второй план, а затем и вовсе исчезла, уступив место идее триумфа¹³. Со временем грандиозные планы свелись к возведению скромной беседки-ротонды в Нескучном саду. Хотя праздник по случаю 800-летия столицы был отмечен веселыми народными гуляниями, карнавалом в парке им. Горького и иллюминацией¹⁴, беседка была установлена на самой окраине тогдашней Москвы на месте бывшей усадьбы графини Натальи Голицыной и не должна была создавать конкуренцию господствовавшему в те годы величественному образу Сталина, — и в особенности мешать празднованию его 70-летнего юбилея в декабре 1949 года. Тем не менее беседка стала ярким примером официальной политики памяти, динамика которой хорошо прослеживается при ее сравнении с возникшим уже в 2010-х годах художественным оформлением Боровицкой площади с примыкающим к ней Александровским садом.

Сюжеты, избранные для мемориализации в 1947 году, хотя и касались общероссийской истории, но отражали созданный к тому времени миф о Москве и были так или иначе привязаны к ее истории: основание Москвы князем Юрием Долгоруким (его барельеф с датами жизни) и строительство московского Кремля в 1156 году, битва на Куликовом поле в 1380 году (барельеф Дмитрия Донского, но с акцентом на «оборону Москвы и разгром Мамаея на Куликовом поле»), изгнание поляков из Москвы в 1612 году (памятник Минину и Пожарскому, но с подчеркиванием того факта, что «русский народ освободил Москву от польских интервентов») (рис. 1), Отечественная война 1812 года (барельеф Кутузова, но снова акцентирование роли Москвы, а также «мужества и героизма народа»), две революции — 1905 года (Московские вооруженное восстание) и Октябрь 1917 года (взятие Кремля Красной гвардией, что служило частью важнейшего базисного события и легитимацией советской истории¹⁵ в отличие от Февральской революции, которая свергла самодержавие), 1918–1920 годы («разгром

13. Добренко Е. Поздний сталинизм. Т. 1. С. 211–226.

14. Андреевский Г. Сороковые годы. М.: Московский рабочий, 2001. С. 182–183.

15. Это отражалось в советских песнях: «В каком году мы с вами ни родились, родились мы в семнадцатом году» (песня солдата на стихи Евгения Евтушенко из фильма «На графских развалинах») или «Наша Родина — революция» (песня Александры Пахмутовой на слова Николая Добронравова).

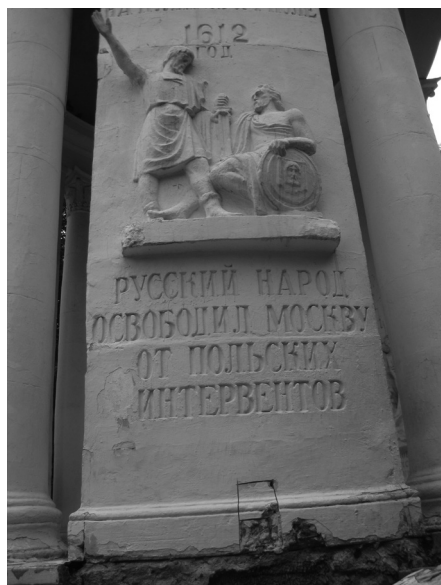


РИСУНОК 1. Барельеф: изгнание поляков из Москвы в 1612 г.

походов Антанты и внутренней контрреволюции на Москву»), 1941 год («героическая оборона Москвы и разгром немецко-фашистской армии под Москвой») (рис. 2), и, наконец, 1945 год («парад Победы над фашистской Германией»). Примечательно, что барельефы, посвященные революциям, Гражданской войне и Великой Отечественной войне, демонстрировали лишь роль народных масс, тогда как их руководители оставались в забвении. Правда, изначально над барельефом с парадом Победы помещалось изображение Сталина, но после XX съезда КПСС, развенчавшего культ личности, его убрали.

Беседка расположена в тихом уголке Москвы в глубине Нескучного сада. Перед ней располагается небольшая площадка с фонтанами, которые давно не работают (рис. 3). По периметру площадки стоят лавочки, и сюда приходят в основном пенсионеры с детьми или влюбленные молодые люди. Бабушкам и дедушкам беседка с ее барельефами мало интересна, а маленьким детям — тем более. Что же касается молодых людей, то они здесь уединяются вовсе не для того, чтобы рассматривать барельефы. Лишь редкие посетители обращают внимание на беседку — обычно это те, кто приходит сюда специально, чтобы посмотреть на нее и ее оформление. Ины-



РИСУНОК 2. Барельеф: разгром немецко-фашистской армии под Москвой



РИСУНОК 3. Беседка в Нескучном саду

ми словами, беседка была поставлена лишь для украшения парка. Никаких публичных мероприятий или народных гуляний здесь, очевидно, не предполагалось.

Совсем иначе выглядит нынешнее оформление Боровицкой площади. С ее западной стороны по инициативе Российского военно-исторического общества и Департамента

культуры города Москвы на торцах трех домов были размещены огромные граффити с изображениями Минина и Пожарского (выполнены уличным художником из Ярославля Ярославом Кашаком с картины Ильи Глазунова) в 2012 году (рис. 4), генерала-фельдмаршала Кутузова в 2017 году (рис. 5) и памятника советскому солдату в Трептов-парке Берлина в 2015 году без какого-либо упоминания народа, но с подписью «Помнит мир спасенный». Весной 2020 года граффити с образом солдата-победителя из Трептов-парка было по инициативе Российского военно-исторического общества заменено изображением Ржевского мемориала, возведенного в 2020 году (рис. 6).

С другой стороны площади в 2016 году был открыт памятник князю Владимиру с огромным крестом в руке, чем сознательно подчеркивалась его роль крестителя Руси (скульптор Салават Шербаков) (рис. 7). Кроме того, в западной части Александровского сада недалеко от памятника князю Владимиру в ноябре 2014 года был открыт монументальный комплекс (скульптор Салават Шербаков, архитектор Игорь Воскресенский), прославляющий роль Александра I в победоносной Отечественной войне 1812 года. Там был поставлен памятник Александру I как победителю¹⁶, а напротив него на высокой плите разместились барельефы, изображавшие связанные с войной знаковые события: Благословение Серафимом Саровским императора (рис. 8), въезд царя в Париж в марте 1814 года; шеренга русских полководцев, список важнейших сражений, включая решающую битву под Лейпцигом (изображено знамя с надписью «С нами Бог»).

При внимательном рассмотрении становится очевиден легендарный характер большинства сюжетов, составляющих миф, в котором нуждается современная власть: князь Владимир не имел никакого отношения к Москве и Московскому княжеству, которых тогда еще не было; благословение царя Серафимом Саровским является известной народной легендой, которая, кстати, относит эту встречу к 1825 году, а значит, она никак не могла быть связана с войной¹⁷; изгнание поляков из Москвы произошло

16. По воспоминаниям современников, сам царь неохотно об этом вспоминал и даже отказался от главного военного ордена, врученного тогда военачальникам — Михаилу Кутузову и Михаилу Барклаю-де-Толли.

17. Первый публикатор легенды, узнавший ее из третьих рук, признавался, что не верил этому. См.: *Поселянин Е. Н.* Преподобный Серафим, Саровский чудотворец и русские подвижники XIX века. М.: Аксиос, 2003. С. 122–127.



РИСУНОК 4. Граффити: Минин и Пожарский



РИСУНОК 5. Граффити: генерал-фельдмаршал
Кутузов

Тем не менее в постсоветской России она неоднократно воспроизводилась различными православными авторами. См., например: Дивеевская тайна и предсказания о Воскрешении России. Преподобный Серафим Саровский Чудотворец. М.: Вече, 2010. С. 89–93. Указанные издания выходили необычно высокими для нашего времени тиражами (10 тысяч экземпляров), что способствовало широкому распространению легенды.



РИСУНОК 6. Граффити: Ржевский мемориал



РИСУНОК 7. Памятник князю Владимиру

не 4 ноября 1612 года, к которому привязан установленный государством новый праздник, а позднее; неоднозначной является победа на Бородинском поле, так как после нее русская армия отступила и Москва была сдана; наконец, Ржевский монумент был открыт в Тверской области 30 июня 2020 года в память о тяжелейшем поражении Со-



РИСУНОК 8. Серафим Саровский
благословляет императора Александра I



РИСУНОК 9. Вереница царей на исторических
выставках в Манеже

ветской армии, потерявшей из-за бездарности командования огромное число бойцов, посланных на верную гибель. И изображение Ржевского мемориала появилось на стене дома только по воле лстивых царедворцев, так как монумент понравился президенту Владимиру Путину, принявшему вместе с президентом Беларуси Александром Лукашенко участие в его торжественном открытии 30 июня 2020 года. Тем не менее в глазах досужего и не слишком образованного зрителя весь этот комплекс воспринимается в тер-



РИСУНОК 10. Аллея правителей

минах героической и победоносной истории. Примечательно, что в своей речи на открытии монумента, подчеркнув огромные потери, Путин сделал акцент на «самоотверженном подвиге солдата-героя, солдата-освободителя, солдата-победителя, солдата, который спас Европу и весь мир от нацизма»¹⁸.

В чем сходства и различия двух рассмотренных образов мемориальной политики? Их сближают следующие черты: 1) решение политических проблем с помощью вооруженной силы¹⁹ (война или революция)²⁰, а не акцент на культуре и науке²¹; 2) ярко выраженная маскулинность²²; 3) акцент

18. Открытие Ржевского мемориала Советскому солдату. 30.06.2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63585>.

19. Об этой российской особенности см.: Гудков Л. Массовая идентичность и институциональное насилие // Вестник общественного мнения. 2003. № 1. С. 28–44; Там же. № 2. С. 35–51; Давыдов И. История без лат. В защиту русской свободы и русской человечности // Московский центр Карнеги. 05.12.2016. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=66276>.

20. Это напоминает идеи Сталина, который ценил в народах прежде всего военный героизм. См.: Van Ree E. Op. cit. P. 41–65.

21. Яркими примерами в этих сферах являются: в первом случае Большой Кремлевский дворец, Большой театр, Московский университет, Дом Пашкова – Российская государственная библиотека, Третьяковская галерея, Сергей Соловьев и Василий Ключевский, Музей изобразительных искусств имени Пушкина, а во втором – Юрий Гагарин и С.П. Королев как символы приоритета СССР в завоевании космоса, Игорь Курчатов.

22. Нельзя сказать, что в отечественной истории нет ярких женских персонажей. Так, еще в 1812 г. прославилась старостиха Василиса Кожина, ставшая любимым героем народного лубка, не говоря уже о женщинах, активно участвовавших в революции и Гражданской войне, а затем в Великой Отечественной войне. Существуют известные связанные с ними визуальные об-

на великих военных победах, что, безусловно, свидетельствует о позитивном отношении власти к войне и армии и что отражается в милитаризации истории²³. Можно было бы объяснить повышенный интерес к солдату-победителю из Трептов-парка тем, что в отличие от других памятников Великой Отечественной войне он олицетворяет окончательную победу, но его замена Ржевским мемориалом говорит о другом. Последнее объясняется тем, что тот понравился Путину, очевидно, своей идеей жертвенности во имя Родины, то есть «суицидальным патриотизмом», как это определил один автор, анализирующий современную кинопродукцию²⁴. Иными словами, триумф оказывается важнее трагедии, и это, как отмечалось выше, получает массовую поддержку; 4) полное отсутствие идеи многонациональности государства — если образ народа присутствует, то он представлен однородной нерасчленимой массой, что подчеркивает идею единства и сплочения, отвечающую потребности государства.

Различия заключаются в следующем: 1) отношение к истории: оформление беседки отсылает к истории Москвы, а обрамление Боровицкой площади с примыкающей частью Александровского сада — к общероссийским историческим событиям, 2) отношение к религии: она полностью отсутствует в барельефах беседки (отражая советский атеизм), но обильно представлена на площади — князь Владимир как креститель Руси, армейское знамя с лозунгом «с нами Бог», встреча Александра I с Серафимом Саровским, 3) отношение к революции и войне: сегодня образ революции потускнел, остались лишь две Отечественные войны, которые воспринимаются как войны исключительно освободительные, а не захватнические, хотя и показан въезд царя в Париж, а памятник в Трептов-парке стоит на территории Берли-

разы, например памятник Родины-матери в Волгограде и знаменитый плакат Ираклия Тоидзе «Родина-мать зовет!». О культе маскулинности в современной России см.: *Sperling V. Putin's macho personality cult//Communist and Post-Communist Studies. 2016. Vol. 49. № 1. P. 13–23; Laruelle M. Accusing Russia of Fascism. Polemics around Russia's Belonging to Europe//Russia in Global Affairs. 2020. Vol. 18. №. 4. P. 114.*

23. То же самое заметили и исследователи Вольного исторического общества, работавшие по проекту «Какое прошлое нужно будущему России»: Вольное историческое общество. Какое прошлое нужно будущему России. М.: ВИО, 2017. С. 5.

24. *Тойменцев С. Авторитаризм с человеческим лицом: советский герой в постсоветском байопике//Новое литературное обозрение. 2020. № 5. С. 129–147.*

на, 4) отношение к роли народных масс в истории: в беседе постоянно делается акцент на этом. Например, на рельефах, посвященных революциям или Великой Отечественной войне, изображены только народные массы. Однако в первом случае нет никаких руководителей (они были дискредитированы в годы репрессий и их образы были вымараны из истории²⁵), а во втором, как отмечалось выше, изначально было изображение Сталина, но затем оно было ликвидировано. Причем если в беседе барельефы великих людей сочетаются с народными массами, то на Боровицкой площади последним места вовсе не нашлось. Хотя оба случая относятся к периодам авторитарных режимов, в советское время власть старалась по возможности придерживаться коммунистической идеологии, подчеркивающей ключевую роль народных масс в истории, но в постсоветское время эта идея была отброшена как ненужный хлам. Зато сегодня руководители государства озаботились своим местом в истории²⁶ и появилась потребность в акцентировании роли выдающихся личностей, что фактически подчеркивает идею вождизма.

Иными словами, беседа олицетворяет идею советского демократизма (участие масс в ключевых исторических событиях, особенно в революциях и Великой Отечественной войне), а украшение Боровицкой площади демонстрирует апофеоз авторитарной власти, причем пребывающей под сенью религии. Поэтому теперь победы связываются исключительно с великими историческими личностями. Минин и Пожарский в советское время воспринимались как вожди народных масс, но сегодня смотрятся как выдающиеся патриотические личности; Александр I оказывается одной из ключевых фигур Отечественной войны 1812 года и заграничного похода; Кутузов выглядит главным героем войны 1812 года, но остается фактически без поддержки народных масс; памятник в Трептов-парке — это алле-

25. Кинг Д. Пропавшие комиссары. Фальсификация фотографий и произведений искусства в сталинской России. М.: Контакт-культура, 2005.

26. Показательно, что по первоначальному замыслу Главный храм вооруженных сил в парке «Патриот» в Московской области должна была украсить композиция «Бескровное присоединение Крыма в 2014 году» с изображением Владимира Путина, Сергея Шойгу и ряда других высших чиновников. Но после возникшего на этой почве скандала создатели храма от этой идеи отказались. См.: Шойгу и не его миллиарды — как и на что строили «храм войны». Непростая дорога к главному собору Минобороны // pasmi.ru, 06.05.2020. URL: https://pasmi.ru/archive/267841/?utm_referer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.

гория (но если в советское время его воспринимали как олицетворение Красной армии, то сегодня он смотрится как былинный богатырь, спаситель народа). Такой же аллегорией служит и монументальный памятник солдату подо Ржевом.

Беседка была предназначена для скромных общественных нужд, для чего перед ней была оборудована обширная площадка с фонтаном, окруженная лавочками, тогда как на Боровицкой площади изначально никаких народных гуляний не предполагалось. Здесь время от времени проезжает — либо в Кремль, либо из него — президентский кортеж и проходят маршруты общественного транспорта. Очевидно, описанное выше обрамление площади рассчитано прежде всего на одного человека, едущего в своем президентском автомобиле.

Сегодня власть стремится забыть о революции, причем это — сознательная и агрессивная забывчивость²⁷, путь к которой был намечен еще в 1930-е годы²⁸ и получил новый импульс в 1970–1980-е²⁹. В 2017 году столетие революции официально никак не отмечалось. Стремление отодвинуть память о революции на периферию возникло еще в 1990-е годы. Тогда военный парад на Красной площади в честь Октябрьской революции был переименован в честь парада в 1941 году, а дата 7 ноября получила в 1996 году название «День согласия и примирения». С 1990-х годов власти начали внедрять отношение к революции как к абсолют-

27. Гудков Л. 1917 год в структуре легитимности российской власти // Неприкосновенный запас. 2017. № 6. С. 154–172; Он же. Разница в представлениях и политических установках между путинской элитой и основной массой населения оказалась ничтожной // Историческая экспертиза. 2021. № 1. С. 107; Калинин И. Призрак юбилея // Неприкосновенный запас. 2017. № 1. С. 11–20; Кустрова Э. Неудобный юбилей: столетие русской революции // Россия 2017: Ежегодный доклад Франко-российского аналитического центра Обсерво. М.: Новый век, 2017. С. 456–464; Малинова О. Ю. Неудобный юбилей: итоги переосмысления мифа «основания СССР» в официальном историческом нарративе РФ // Политическая наука. 2017. № 3. С. 13–40; Колоницкий Б., Мацкевич М. Десакрализация революции и антиреволюционный консенсус в современной России: юбилей 2017 года и его политическое использование/неиспользование // Мир России. 2018. № 4. С. 78–101; Мининков Н. Революция в России начала XX века как умирающее место исторической памяти // Новое прошлое. 2020. № 2. С. 102–114.

28. Добренко Е. Указ. соч. С. 58.

29. Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001; Болтунова Е. «Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию // Неприкосновенный запас. 2017. № 6. С. 109–128.

ному злу, сломавшему правильное поступательное движение России.

Что предлагается вместо революции в качестве положительного образа? Общественности показывают вереницу царей на недавних исторических выставках в Манеже³⁰ (рис. 9) и Аллею правителей работы Зураба Церетели, открытую в 2017 году перед зданием РВИО в Москве (рис. 10)³¹. В советское время молодежь учили патриотизму на примере подвигов декабристов, народовольцев, большевиков, других революционеров. Пусть это были идеализированные и нередко мифологизированные образы, но они отвечали чаяниям народа. Им верили, так как они были близки и понятны массам. А идеализированные образы правителей и бесконечные телесериалы, посвященные царям, несут совсем другое послание. Между высшей знатью и народом — пропасть. С ее представителей невозможно брать пример, им можно только поклоняться, быть их подданными. Никакой понятной массам нравственной идеи здесь нет, как нет и осмысленного пути к будущему. Отсюда цинизм, развешивающий как элиту, так и массы.

Специалисты уже отмечали архаизацию мышления и общественного дискурса, характерную для постсоветского периода³². Это соответствует сложившемуся сегодня режиму, который один аналитик называет «неолиберально-феодальным», делая акцент на том, что государство видит в искусстве исключительно средство пропаганды³³. Болгарский политолог Иван Крастев со ссылкой на «День опричника» Владимира Сорокина отмечает господствующие в современной России «теократическую реакцию» и уми-

30. Шнирельман В. Манеж 2013–2016: публичная история России для народа? Выставки в Манеже как инструментальный подход к истории // Историческая экспертиза. 2018. № 3. С. 92–116.

31. В начале 2021 г. появился план перенести московскую Аллею правителей в Пензу и поставить у здания епархии. И, хотя весной 2021 г. в Пензе раздавались протесты, в 2022 г. никакой Аллеи правителей на территории РВИО уже не было. Аналогичная Аллея правителей организована сегодня и в Нижнем Новгороде на территории Вознесенского Печерского мужского монастыря.

32. Банников К. Архаический синдром. О современности вневременного // Отечественные записки. 2013. № 1. С. 58–69; Архангельский А. Системная архаика вместо бессистемного модерна // Colta. 12.10.2015. URL: <https://colta.ru/articles/society/8824-sistemnaya-arhaika-vmesto-bessistemnogo-moderna>; Шеллин С. Наш путь — варваризация // Росбалт. 12.12.2015. URL: <https://rosbalt.ru/blogs/2015/12/14/70681.html>.

33. Тойменцев С. Авторитаризм с человеческим лицом: советский герой в постсоветском байопике // Новое литературное обозрение. 2020. № 5.

ление средневековья³⁴. Действительно, мысли государственных пропагандистов и политтехнологов устремлены в прошлое. Они забыли о завоевании космоса, зато вспомнили о религии. Вспомнили и о царях, которые теперь воспринимаются позитивно в ореоле величия. По государственным телеканалам постоянно транслируются сериалы о дворцовой жизни, о семейной жизни монархов («Другие Романовы» и пр.), о героических победах императорской российской армии. Зато те исторические персонажи, которые в советское время рисовались борцами за свободу, теперь рассматриваются как бандиты и мятежники, не заслуживающие общественного внимания и тем более одобрения. Именно в такой нарратив и вплетается символика Боровицкой площади. Иными словами, культурные и научные достижения, о которых Владимир Путин говорил, первый раз вступая в должность президента РФ³⁵, к его третьей каденции были прочно забыты в угоду великодержавию, военной героике и суицидальному патриотизму. В течение второго десятилетия XXI века набор пригодных политических символов сформировался, и важнейшие из них находят место в символическом оформлении Боровицкой площади.

Что все это означает? Откуда такой повышенный интерес к великодержавию? Почему делается акцент на милитаризме? Почему возник гендерный дисбаланс? Все это — те самые традиционные ценности и «духовные скрепы», апелляция к которым была провозглашена в ходе консервативного поворота в первой половине 2010-х годов³⁶. Если в советское время риторика и символика апеллировали к воле народа и народовластию, то в постсоветский период эта тонкая вуаль была сброшена и за ней оказался хищный ав-

34. Шимов Я. «Дед нации» и преемники. Россия и Европа на четвертом сроке Путина // Радио Свобода*. 15.02.2018. URL: https://svoboda.org/a/29037222.htm?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com. (* Организация, признанная иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента.)

35. Малинова О. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. № 1. С. 122.

36. Tsygankov A. Crafting the State-Civilization Vladimir Putin's Turn to Distinct Values // Problems of Post-Communism. 2016. Vol. 63. № 3. P. 146–158; Linde F. State Civilization: the Statist Core of Vladimir Putin's Civilizational Discourse and its Implications for Russian Foreign Policy // Politics in Central Europe. 2016. Vol. 12. № 1. P. 21–35; *Idem*. The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Europeanism to Civilizational Distinctiveness // Russian Review. 2016. Vol. 75. № 4. P. 604–625.

торитарный режим, уже не считавший нужным скрывать свои амбиции. Впрочем, судя по социологическим опросам, большинство россиян поддерживают укрепление вооруженных сил как соответствующее представлению о «Великой державе»³⁷. Отсюда и массовые настроения, отдающие предпочтение триумфу над трагедией. Хотя государственная идеология запрещена Конституцией РФ, сегодня она контрабандным путем конструируется апелляцией к традиционным ценностям и «духовным скрепам», выступающим в виде некоего «культурного (цивилизационного) кода», который иной раз называется даже «генетическим кодом». Одним из элементов этого кода оказывается и милитаризм, к которому годами приучали российское население³⁸.

Иными словами, вопрос об отборе и сортировке информации о прошлом, неизбежно рождает новые проблемы: кто именно и как ведет этот отбор, в каком контексте, с какой целью, что привлекает внимание, а что считается ненужным и предается забвению, как и почему все это интерпретируется и реинтерпретируется и как изменяется со временем. Важно, что детальный анализ такой исторической политики позволяет раскрыть такие намерения власти, которые сама она может и не озвучивать открыто, тщательно скрывая их от общественности.

37. Гудков Л. Баланс достижений и неудач Путина // Левада-Центр*. 08.04.2021. URL: <https://levada.ru/2021/04/08/balans-dostizhenij-i-neudach-putina>. (* Организация, признанная иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента.)

38. Левинсон А. Война не уходит // Ведомости. 21.06.2016. URL: <http://levada.ru/2016/06/21/vojna-ne-uhodit/>; Он же. В России предпочитают думать, что войны нет // Левада-Центр*. 04.03.2022. URL: <https://levada.ru/2022/03/04/v-rossii-predpochitayut-dumat-chto-voyny-net/>; Шнирельман В. Геополитика, катехон и новый иррационализм» на конференции «Между разумом и верой: секулярная и религиозная культуры в эпоху (пост)модерности». Доклад на XXVI Банных чтениях. Москва, 29–30 марта 2019 г. URL: https://youtube.com/watch?v=TGRqcVXh_hI; Волков Д. Путин уверен, что граждане России поддерживают признание ДНР и ЛНР. Но так ли это на самом деле? // Левада-Центр*. 24.02.2022 URL: <https://levada.ru/2022/02/24/putin-uveren-chto-grazhdane-rossii-podderzhivayut-priznanie-dnr-i-lnr-no-tak-li-eto-na-samom-dele-intervyu-denisa-volkova/>. (* Организация, признанная иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента.)

Библиография

- Андреевский Г. Сороковые годы. М.: Московский рабочий, 2001.
- Архангельский А. Системная архаика вместо бессистемного модерна // Colta. 12.10.2015. URL: <https://colta.ru/articles/society/8824-sistemnaya-arhaika-vместо-bessistemnogo-moderna>.
- Банников К. Архаический синдром. О современности вневременного // Отечественные записки. 2013. № 1. С. 58–69.
- Болтунова Е. «Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию // Неприкосновенный запас. 2017. № 6. С. 109–128.
- Бордюгов Г., Бухараев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М.: АИРО-XX, 1999. С. 21–72.
- Быков В. Жестокая правда войны. Воспоминания пехотинца. М.: Родина, 2020.
- Волков Д. Путин уверен, что граждане России поддерживают признание ДНР и ЛНР. Но так ли это на самом деле? // Левада-Центр. 24.02.2022. URL: <http://levada.ru/2022/02/24/putin-uveren-chto-grazhdane-rossii-podderzhivayut-priznanie-dnr-i-lnr-no-tak-li-eto-na-samom-dele-intervyu-denis-a-volkova/>.
- Вольное историческое общество. Какое прошлое нужно будущему России. М.: ВИО, 2017.
- Ганелин Р. Сталин и советская историография предвоенных лет // Новый часовой. 1998. № 6–7. С. 102–103.
- Гудков Л. 1917 год в структуре легитимности российской власти // Неприкосновенный запас. 2017. № 6. С. 154–172.
- Гудков Л. Баланс достижений и неудач Путина // Левада-Центр. 08.04.2021. URL: <https://levada.ru/2021/04/08/balans-dostizhenij-i-neudach-putina>.
- Гудков Л. Массовая идентичность и институциональное насилие // Вестник общественного мнения. 2003. № 1. С. 28–44.
- Гудков Л. Разница в представлениях и политических установках между путинской элитой и основной массой населения оказалась ничтожной // Историческая экспертиза. 2021. № 1. С. 94–114.
- Давыдов И. История без лат. В защиту русской свободы и русской человечности // Московский центр Карнеги. 05.12.2016. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=66276>.
- День победы // Левада-Центр. 30.04.2019. URL: <https://levada.ru/2019/04/30/den-pobedy-3/>.
- Дивеевская тайна и предсказания о Воскрешении России. Преподобный Серафим Саровский Чудотворец. М.: Вече, 2010.
- Добренко Е. Поздний сталинизм. Эстетика политики. М.: Новое литературное обозрение, 2020. Т. 1.
- Дубровский А. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Брянский гос. ун-т, 2005.
- Историческая политика в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. № 1. С. 111–121.
- Калинин И. Призрак юбилея // Неприкосновенный запас. 2017. № 1. С. 11–20.
- Кинг Д. Пропавшие комиссары. Фальсификация фотографий и произведений искусства в сталинской России. М.: Контакт-культура, 2005.
- Колоницкий Б., Мацкевич М. Десакрализация революции и антиреволюционный консенсус в современной России: юбилей 2017 года и его политическое использование/неиспользование // Мир России. 2018. № 4. С. 78–101.

- Копосов Н. Память старого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Кустова Э. Неудобный юбилей: столетие русской революции // Россия 2017: Ежегодный доклад Франко-российского аналитического центра Обсерво. М.: Новый век, 2017. С. 456–464.
- Шнирельман В. Социальная память – вопросы теории // Историческая память и российская идентичность. М.: РАН, 2018. С. 12–24.
- Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи // Новый мир. 1992. № 7. С. 154–212.
- Костырченко Г. В плену у красного фараона. М.: Международные отношения, 1994.
- Костырченко Г. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, 2010.
- Левинсон А. В России предпочитают думать, что войны нет // Левада-Центр. 04.03.2022. URL: <https://levada.ru/2022/03/04/v-rossii-predpochitayut-dumat-chto-voyny-net/>.
- Левинсон А. Война не уходит // Левада-Центр. 21.06.2016. URL: <http://levada.ru/2016/06/21/vojna-ne-uhodit/>.
- Льюис С. «Партизанская республика»: колониальные мифы и война за память в Беларуси // Новое литературное обозрение. 2020. № 6. С. 350–371.
- Малинова О. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. № 1. С. 114–130.
- Малинова О. Ю. Неудобный юбилей: итоги переосмысления мифа «основания СССР» в официальном историческом нарративе РФ // Политическая наука. 2017. № 3. С. 13–40.
- Мининков Н. Революция в России начала XX века как умирающее место исторической памяти // Новое прошлое. 2020. № 2. С. 102–114.
- Открытие Ржевского мемориала Советскому солдату // Президент России. 30.06.2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63585>.
- Поселянин Е. Н. Преподобный Серафим, Саровский чудотворец и русские подвижники XIX века. М.: Аксиос, 2003. С. 122–127.
- Тойменцев С. Авторитаризм с человеческим лицом: советский герой в постсоветском байопике // Новое литературное обозрение. 2020. № 5. С. 129–147.
- Шимов Я. «Дед нации» и преемники. Россия и Европа на четвертом сроке Путина // Радио Свобода. 15.02.2018. URL: <http://svoboda.org/a/29037222.html>.
- Шнирельман В. Геополитика, катехон и новый иррационализм. Конференция «Между разумом и верой: секулярная и религиозная культуры в эпоху (пост)модерности». Доклад на XXVI Банных чтениях. Москва, 29–30 марта 2019 г. URL: http://youtube.com/watch?v=TGRqcvXh_hI.
- Шнирельман В. Манеж 2013–2016: публичная история России для народа? Выставки в Манеже как инструментальный подход к истории // Историческая экспертиза. 2018. № 3. С. 92–116.
- Шелин С. Наш путь – варваризация // Росбалт. 12.12.2015. URL: <http://rosbalt.ru/blogs/2015/12/12/1470681.html>.
- Шойгу и не его миллиарды – как и на что строили «храм войны». Непростая дорога к главному собору Минобороны // pasmi.ru. 06.05.2020. URL: http://pasm.ru/archive/267841/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.
- Giesen B. Triumph and Trauma. Boulder, CO; L.: Paradigm Publishers, 2004.
- Gill G. Symbolism and Regime Change: Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Laruelle M. Accusing Russia of Fascism. Polemics around Russia's Belonging to Europe // Russia in Global Affairs. 2020. Vol. 18. №. 4. P. 100–123.
- Linde F. State Civilization: the Statist Core of Vladimir Putin's Civilizational Discourse and its Implications for Russian Foreign Policy // Politics in Central Europe. 2016. Vol. 12. № 1. P. 21–35.

- Linde F. The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Europeanism to Civilizational Distinctiveness//Russian Review. 2016. Vol. 75. № 4. P. 604–625.
- Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire//Representations. 1989. Vol. 26. P. 7–24.
- Shteynman M. Political Myth and Political Glory: Shaping Media Reality//Russian Sociological Review. 2016. Vol. 15. № 4. P. 96–113.
- Sperling V. Putin's macho personality cult//Communist and Post-Communist Studies. 2016. Vol. 49. № 1. P. 13–23.
- Tsygankov A. Crafting the State-Civilization Vladimir Putin's Turn to Distinct Values//Problems of Post-Communism. 2016. Vol. 63. № 3. P. 146–158.
- Van Ree E. Heroes and Merchants. Stalin's Understanding of National Character//Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2007. Vol. 8. № 1. P. 41–65.
- Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001.

Great Dates, or How State Policies of Remembrance Construct History

Victor Schnirelmann. Institute of Anthropology and Ethnography (IAE), Moscow, Russia, shnirv@mail.ru.

The main patron and actor in the politics of memorials is the state. It is the state that takes care of compiling a standard list of significant historical events and significant historical figures.

In this regard, the following questions arise. How did the set of historical events that were to be perpetuated and propagandised look in Soviet and post-Soviet times? How and by what criteria was the selection of historical personalities and events made? What features of state policy put the emphasis on these images? How did this memorial policy express the attitude of the authorities to the role of individual and collective in history? How did they reflect the gender element? Finally, what influence did the attitude of the authorities to religion have on the process of memorialisation?

Vivid examples of the official policy of memory are the gazebo in Neskuchny Gardens, which was erected in 1951 in honour of the 800th anniversary of Moscow, and the design of Borovitsky Square with the adjacent Alexander Gardens, which appeared already in the 2010s. What are the similarities and differences between these two examples of memorial policy? It is shown that they share an emphasis on solving political problems with the help of the armed forces (war or revolution), a pronounced masculinity and emphasis on great military victories. This, of course, indicates the government's positive attitude to war, the military, and the militarisation of history. These monuments are distinguished by their respective attitudes toward history, religion, revolution, war and the role of the masses in history as well as how exactly this characterises the politics of these two different states. These examples serve to explicate Soviet and post-Soviet memorial cultures. Emphasis is placed on the archaisation of thinking and public discourse characteristic of the post-Soviet period.

Keywords: *politics of memorials; Russia; Moscow; historical figures; gender; war.*

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-5-124-151

References

- Andreevskii G. *Sorokovye gody* [1940s], Moscow, Moskovskii rabochii, 2001.
- Arkhangel'skii A. Sistemnaya arkhika vmesto bessistemnogo moderna [Systemic Archaicism Instead of Unsystematic Modernity]. *Colta*, October 12, 2015. URL: <https://colta.ru/articles/society/8824-sistemnaya-arhika-vmesto-bessistemnogo-moderna>.
- Bannikov K. Arkhaicheskii sindrom. O sovremennosti vnevremennogo [Archaic Syndrome. On Contemporariness of Extratemporal]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], 2013, no. 1, pp. 58–69.
- Boltunova E. “Prishla beda, otkuda ne zhdali”: kak voina poglotila revolyutsiyu [“Trouble Came Whence It Was Not Expected”: How War Swallowed Up the Revolution]. *Neprikosnovennyi zapas* [Reserve Stock: Debates on Politics and Culture], 2017, no. 6, pp. 109–128.
- Bordyugov G., Bukharaev V. Natsional'naya istoricheskaya mysl' v usloviyakh sovetskogo vremeni [National Historical Thought in the Conditions of the Soviet Time]. *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh* [National Histories in Soviet and Post-Soviet States], Moscow, AIRO-XX, 1999, pp. 21–72.
- Bykov V. *Zhestokaya pravda voyny. Vospominaniya pekhotintsa* [The Brutal Truth of War. Memories of an Infantryman], Moscow, Rodina, 2020.
- Davydov I. Istoriya bez lat. V zashchitu russkoi svobody i russkoi chelovechnosti [History Without Armor. In Defense of Russian Freedom and Russian Humanity]. *Moskovskii tsentr Karnegi* [Moscow Carnegie Center], December 5, 2016. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=66276>.
- Den' pobedy [Victory Day]. *Levada-Center*, April 30, 2019. URL: <https://levada.ru/2019/04/30/den-pobedy-3/>.
- Dobrenko E. *Pozdnii stalinizm. Estetika politiki* [Late Stalinism: The Aesthetics of Politics], Moscow, New Literary Observer, 2020, vol. 1.
- Dubrovskii A. *Istori i vlast'. Istoriicheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya feodal'noi Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gg.)* [Historian and Power: Historical Science in the USSR and the Concept of the History of Feudal Russia in the Context of Politics and Ideology (1930–1950s)], Bryansk, Bryanskii gos. un-t, 2005.
- Ganelin R. Stalin i sovetskaya istoriografiya predvoennykh let [Stalin and the Soviet Historiography of the Prewar Years]. *Novyi chasovoi* [New Minuteman], 1998, no. 6–7, pp. 102–103.
- Giesen B. *Triumph and Trauma*, Boulder, CO, London, Paradigm Publishers, 2004.
- Gill G. *Symbolism and Regime Change: Russia*, Cambridge, Cambridge University Press, 2013.
- Gudkov L. 1917 god v strukture legitimnosti rossiiskoi vlasti [1917 in the Structure of the Legitimacy of the Russian Government]. *Neprikosnovennyi zapas* [Reserve Stock: Debates on Politics and Culture], 2017, no. 6, pp. 154–172.
- Gudkov L. Balans dostizhenii i neudach Putina [Putin's Balance of Achievements/Failures]. *Levada-Center*, April 8, 2021. URL: <https://levada.ru/2021/04/08/balans-dostizhenij-i-neudach-putina>.
- Gudkov L. Massovaya identichnost' i institutsional'noe nasilie [Mass Identity and Institutional Violence]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [The Russian Public Opinion Herald], 2003, no. 1, pp. 28–44.
- Gudkov L. Raznitsa v predstavleniyakh i politicheskikh ustanovkakh mezhdutinskoi elitoy i osnovnoi massoi naseleniya okazalas' nichtozhnoi [The Discrepancy in Perception and Attitudes Between the Putin's Elites and the Mass of the Population Was Negligible]. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical Expertise], 2021, no. 1, pp. 94–114.
- Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical Politics in the XXI century], Moscow, New Literary Observer, 2012.

- Kalinin I. Prizrak yubiley [The Ghost of the Jubilee]. *Neprikosnovennyi zapas* [Reserve Stock: Debates on Politics and Culture], 2017, no. 1, pp. 11–20.
- King D. *Propavshie komissary. Fal'sifikatsiya fotografii i proizvedenii iskusstva v stalin-skoi Rossii* [Missing Commissars. Falsification of Photographs and Works of Art in Stalinist Russia], Moscow, Kontakt-kul'tura, 2005.
- Kolonitskii B., Matskevich M. Desakralizatsiya revolyutsii i antirevolyutsionnyi konsensus v sovremennoi Rossii: yubilei 2017 goda i ego politicheskoe is-pol'zovanie/neispol'zovanie [Desacralization of Revolution and Anti-Revo-lutionary Consensus in Modern Russia: The 2017 Jubilee and its Political Execution/Non-Execution]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2018, no. 4, pp. 78–101.
- Koposov N. *Pamyat' starogo rezhima: istoriya i politika v Rossii* [Memory of the Old Regime: History and Politics in Russia], Moscow, New Literary Observer, 2011.
- Korzhavin N. V soblazzakh krovavoi epokhi [In the Temptations of a Bloody Era]. *Novyi mir* [New World], 1992, no. 7, pp. 154–212.
- Kostyrchenko G. *Stalin protiv "kosmopolitov". Vlast' i evreiskaya intelligentsiya v SSSR* [Stalin versus "Cosmopolitans". Power and the Jewish Intelligentsia in the USSR], Moscow, ROSSPEN, 2010.
- Kostyrchenko G. *V plenu u krasnogo faraona* [Captive of the Red Pharaoh], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994.
- Kustova E. Neudobnyi yubilei: stoletie russkoi revolyutsii [Inconvenient Anni-versary: the Centennial of the Russian Revolution]. *Rossiya 2017: Ezhegodnyi doklad Franko-rossiiskogo analiticheskogo tsentra Observo* [Russia 2017: Obser-vo French-Russian Analytical Center Annual Report], Moscow, Novyi vek, 2017, pp. 456–464.
- L'yuis S. "Partizanskaya respublika": kolonial'nye mify i voina za pamyat' v Bela-rusi [The "Partisan Republic": Colonial Myths and Memory Wars in Belarus]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2020, no. 6, pp. 350–371.
- Laruelle M. Accusing Russia of Fascism. Polemics around Russia's Belonging to Europe. *Russia in Global Affairs*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 100–123.
- Levinson A. V Rossii predpochitayut dumat', chto voiny net [In Russia They Prefer to Think That There Is No War]. *Levada-Center*, March 4, 2022. URL: <https://levada.ru/2022/03/04/v-rossii-predpochitayut-dumat'-chto-voiny-net/>.
- Levinson A. Voina ne ukhodit [The War Is Not Going Away]. *Levada-Center*, June 21, 2016. URL: <http://levada.ru/2016/06/21/vojna-ne-uhodit/>.
- Linde F. State Civilization: the Statist Core of Vladimir Putin's Civilizational Dis-course and its Implications for Russian Foreign Policy. *Politics in Central Eu-rope*, 2016, vol. 12, no. 1, pp. 21–35.
- Linde F. The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Eu-ropeanism to Civilizational Distinctiveness. *Russian Review*, 2016, vol. 75, no. 4, pp. 604–625.
- Malinova O. Problema politicheskoi "prigodnogo" proshlogo i evolyutsiya ofitsi-al'noi simvolicheskoi politiki v postsovetsskoi Rossii [The Problem of a Po-litically "Fit" Past and the Evolution of Official Symbolic Politics in Post-So-viet Russia]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology], 2013, no. 1, pp. 114–130.
- Malinova O. Yu. Neudobnyi yubilei: itogi pereosmysleniya mifa "osnovaniya SSSR" v ofitsial'nom istoricheskom narrative RF [Inconvenient Anniversary: The Results of Rethinking the Myth of the "Founding of the USSR" in the Of-ficial Historical Narrative of the Russian Federation]. *Politicheskaya nauka* [Po-litical Science], 2017, no. 3, pp. 13–40.
- Miller A. Politika pamyati v postkommunisticheskoi Evrope i ee vozdeistvie na evropeiskuyu kul'turu pamyati [Politics of Memory in Post-Communist Eu-rope and Its Impact on the European Culture of Memory]. *Politiya* [Politeia], 2016, no. 1, pp. 111–121.

- Mininkov N. Revolyutsiya v Rossii nachala XX veka kak umirayushchee mesto istoricheskoi pamyati [Revolution in Russia at the Beginning of the 20th Century as A Dying Place of Historical Memory]. *Novoe proshloe* [The New Past], 2020, no. 2, pp. 102–114.
- Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. *Representations*, 1989, vol. 26, pp. 7–24.
- Otkrytie Rzhevskogo memoriala Sovetskomu soldatu [Opening of the Rzhev Memorial to the Soviet Soldier]. *Prezident Rossii* [President of Russia], June 30, 2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63585>.
- Poselyanin E. N. *Prepodobnyi Serafim, Sarovskii chudotvorets i russkie podvizhniki XIX veka* [Venerable Seraphim, the Miracle Worker of Sarov and Russian Ascetics of the 19th Century], Moscow, Aksios, 2003.
- Reverend Serafim of Sarov Chudotvorets. *Diveevskaya taina i predskazaniya o Voskreshenii Rossii* [Diveevsky: Mystery and Prophecy of the Resurrection of Russia], Moscow, Veche, 2010.
- Schnirelmann V. Geopolitika, katekhon i novyi irratsionalizm. Paper delivered at XXVI Bathroom Readings, on the conference “Mezhdru razumom i veroi: svetskaya i religioznaya kul'tury v epokhu (post)modernosti” [Between Reason and Faith: Secular and Religious Cultures in (Post)modern Age]. Moscow, March 29–30, 2009. URL: http://youtube.com/watch?v=T-GRqcVXh_hI.
- Schnirelmann V. Manezh 2013–2016: publichnaya istoriya Rossii dlya naroda? Vystavki v Manezhe kak instrumental'nyi podkhod k istorii [Manege 2013–2016: A Public History of Russia for the People? Manege Exhibitions as an Instrumental Approach to History]. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical Expertise], 2018, no. 3, pp. 92–116.
- Schnirelmann V. Sotsial'naya pamyat' – voprosy teorii [Social Memory – Questions of Theory]. In: *Istoricheskaya pamyat' i rossiiskaya identichnost'* [Historical memory and Russian Identity], Moscow, RAS, 2018, pp. 12–24.
- Shelin S. Nash put' – varvarizatsiya [Our Path Is That of Barbarisation]. *Rosbalt*, December 12, 2015. URL: <http://rosbalt.ru/blogs/2015/12/12/1470681.html>.
- Shimov Ya. “Ded natsii” i preemniki. Rossiya i Evropa na chetvertom sroke Putina [“Grandfather of the Nation” and the Successors. Russia and Europe During Putin's 4th Term]. *Radio Svoboda*, February 15, 2018. URL: <http://svoboda.org/a/29037222.html>.
- Shoigu i ne ego milliardy – kak i na chto stroili “khram voiny”. Neprostaya doroga k glavnomu soboru Minoborony [Shoigu and That Billions Which Do Not Belong to Him – How and with What Funds the “Temple of War” Was Built. The Difficult Road to the Main Cathedral of the Ministry of Defense]. *pasmi.ru*, May 6, 2020. URL: <http://pasmi.ru/archive/267841/>.
- Shteynman M. Political Myth and Political Glory: Shaping Media Reality. *Russian Sociological Review*, 2016, vol. 15, no. 4, pp. 96–113.
- Sperling V. Putin's macho personality cult. *Communist and Post-Communist Studies*, 2016, vol. 49, no. 1, pp. 13–23.
- Toimentsev S. Avtoritarizm s chelovecheskim litsom: sovetiskii geroi v postsovetiskom baiopike [Authoritarianism with a Human Face: The Soviet Hero in the Post-Soviet Biopic]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2020, no. 5, pp. 129–147.
- Tsygankov A. Crafting the State-Civilization Vladimir Putin's Turn to Distinct Values. *Problems of Post-Communism*, 2016, vol. 63, no. 3, pp. 146–158.
- Van Ree E. Heroes and Merchants. Stalin's Understanding of National Character. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2007, vol. 8, no. 1, pp. 41–65.
- Vol'noe istoricheskoe obshchestvo. *Kakoe proshloe nuzhno budushchemu Rossii* [The Free Historical Society. What Kind of Past Does Russia's Future Need], Moscow, VIO, 2017.

Volkov D. Putin uveren, chto grazhdane Rossii podderzhivayut priznanie DNR i LNR. No tak li eto na samom dele? [Putin is Sure that Russian Citizens Support the Recognition of the DPR and LPR. But is this really the case?]. *Levada-Center*, February 24, 2022. URL: <http://levada.ru/2022/02/24/putin-uver-en-cto-grazhdane-rossii-podderzhivayut-priznanie-dnr-i-lnr-no-tak-li-eto-na-samom-dele-intervyu-denisa-volkova/>.

Weiner A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*, Princeton, Oxford, Princeton University Press, 2001.

Параноидальный стиль в российской политике

Илья Будрайтскис

Шнирельман В. Удерживающий.

От Апокалипсиса к конспирологии. М., СПб.:
Нестор-История, 2022. 422 с.

VERSUS

В НАЧАЛЕ 1960-х Ричард Хофштадтер опубликовал эссе «Параноидальный стиль в американской политике»¹, ставшее впоследствии классическим текстом о месте и значении конспирологии в жизни западных обществ. Конспирологическая социальная паранойя в отличие от индивидуальной одержимости, как утверждал Хофштадтер, не является медицинским диагнозом — ведь те, кто ее распространяет, не видят в заговоре угрозы лично для себя. Напротив, конспиролог принимает роль эксперта и предлагает аудитории как бы незаинтересованный рациональный анализ того, как скрытые силы пытаются реализовать свой план по уничтожению культуры и моральных основ нации. Убедительность всякой «теории заговора», таким образом, прямо зависит от того, насколько она оказывается способной представить себя не в качестве эмоциональной проповеди, но наоборот — чистого знания, научного метода, собирающего разрозненные факты в общую пугающую картину реальности.

Правая конспирология, которую описывали Хофштадтер и другие западные исследователи, была альтернативным знанием, которое пытались оспорить и подорвать конвенциональное научное знание. Но что происходит, когда теории заговора преподают в университетах и пронизывают аналитику, на основании которой принимаются государственные решения? Или, иными словами, когда конспирология, из формы параноидальной критики существующего положения вещей превращается в доминирующее описание реальности? Именно такую уникальную ситуацию «конспирологии сверху» мы наблюдаем в России последнего десятилетия. Пользуясь известной классификацией Карла Мангейма, можно сказать, что конспирология занимает место «тотальной идеологии» как типа мышления правящих групп, который составляет исчерпывающую картину реального². В этом контексте «Удерживающий» Виктора Шнирельмана представляет не просто исключительно качественное исследование российской конспирологической сцены, но и фиксирует ее уникальную структурную роль.

Как и в своих предыдущих работах, сосредоточенных на влиятельных историко-политических мифах современ-

1. *Hofstadter R. The Paranoid Style in American Politics, and Other Essays.* N.Y.: Knopf, 1965.

2. *Мангейм К. Избранное. Диагноз нашего времени.* М.: Юристъ, 1994.

ной России³, в своей новой книге Шнирельман сосредоточивается на определяющем нарративе, вокруг которого выстраивается бесконечное множество конспирологических текстов. Это идея «удерживающего», России как мессианского препятствия на пути зловещего плана мирового господства, который пытается реализовать секретная глобальная элита. В отличие от теорий «микро»-заговоров, раскрывающих тайную подоплеку того или иного отдельного события, объектом исследования здесь является теория «суперзаговора», претендующая на обнаружение скрытой пружины, запускающей исторические процессы в целом.

Само понятие «удерживающего», как известно, восходит ко 2-му посланию к Фессалоникийцам апостола Павла: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес. 2:7). Смысл этой фразы до сих пор остается предметом теологических дискуссий⁴, однако в православной традиции принято понимать ее в интерпретации Иоанна Златоуста: государство (то есть Римская империя, а затем ее христианские наследники) сдерживает наступление антихриста и тем самым обретает сакральный статус. Империя создает пространство распространения благой вести и таким образом дает возможность спасения в Церкви перед наступлением «последних времен». Идея «катехона» как оправдания высшей, божественной необходимости имперской власти предшествовала рациональному государству Нового времени. Тем не менее в Российской империи сакральная легитимация государства как «удерживающей силы» (от революционной угрозы и западного либерализма) сохраняла свое центральное значение для консервативной мысли (от Победоносцева и Иоанна Кронштадтского до Василия Розанова и Льва Тихомирова). Как чрезвычайно убедительно показывает Виктор Шнирельман, этот реакционный эсхатологический мотив переживает невероятный ренессанс в современной России, интегрируя разнообразные теории заговора, порожденные фрустрацией от коллапса СССР.

Не подвергая сомнению эту концепцию и восхищаясь масштабной работой автора по каталогизации новейшей

3. См.: Шнирельман В. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Gesharim, 2012; Он же. Арийский миф в современном мире. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

4. Peerbolte L. The κατέχων/κατέχων of 2 Thess. 2:6–7 // *Novum Testamentum*. 1997. Vol. 39. P. 138–150.

русской конспирологии, хочется выразить сомнение в справедливости его стремления отождествить консервативную идею «катехона» и распространение антисемитизма с эсхатологией в целом. Безусловно, «конспирология и апокалиптика тесно связаны друг с другом: первая описывает зло, а вторая рассказывает о том, как оно будет побеждено»⁵, а ранние конспирологи видели в евреях «грядущего антихриста» и угрозу «упразднения христианства». В то же время, для многих теорий заговора остается характерен крайний пессимизм, а тайной власти элит они противопоставляют образ не желаемого будущего (то есть грядущего Царства Божьего, без чего невозможна эсхатология), но утраченного прошлого (монархии, традиционного общества и т. д.). Напротив, эсхатологические ожидания «новой земли и новых небес» вдохновляли большинство освободительных движений народных низов в Средние века и раннее Новое время. Кроме того, сама христианская эсхатология (и в прежде всего, Откровение Иоанна Богослова) была генеалогически связана с иудейской пророческой традицией⁶ и далеко не всегда рассматривала евреев как врагов.

Второй спорный момент связан с самим объяснением природы конспирологии. Шнирельман определяет теории заговора как попытку «протащить и сохранить религиозные догмы в эпоху разума»⁷. Таким образом, конспирология представляет лишь пережиток, рецидив домодерного сознания, который предположительно может быть преодолен благодаря распространению рационального научного знания. Однако конспирология, пусть и использующая религиозные образы, сама является продуктом секуляризации, в своем современном виде появившись как реакция на Французскую революцию и распад предшествующей цельной христианской картины мира. Сама рамка господствующего «секулярного», в которое встраивается «религиозное», была объектом критики множества авторов, начиная с Карла Шмитта с его идеей «политической теологии», до Джона Милбанка или Талала Асада⁸. Эти различные ли-

5. Шнирельман В. Удерживающий. От Апокалипсиса к конспирологии. М., СПб.: Нестор-История, 2022. С. 20.

6. Taubes J. Occidental Eschatology. Stanford: Stanford University Press, 2009.

7. Шнирельман В. Удерживающий. С. 18.

8. Шмитт К. Политическая теология. М.: Кучково поле, 2000; Milbank J. Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason. Oxford: Blackwell, 2006; Acad T. Возникновение секулярного. Христианство, ислам, модернизм. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

нии критики указывали на то, что сам концепт «секулярного» (как научной рациональности) является результатом изобретения и во многом опирается на домодерные формы сознания. Более того, как показывает в своей важной работе «Тайны и заговоры» (которая цитируется и в «Удерживающем»)⁹ социолог Люк Болтански, оптика подозрения свойственна самой структуре сознания современного человека, а теории заговора парадоксальным образом могут сближаться с методами социальных наук. Теории заговора остаются «темной стороной» Просвещения, и их систематическое изучение (в которое книга Шнирельмана, безусловно, вносит значительный вклад) способно расширить представление о нашей собственной многомерной современности и, возможно, переосмыслить основания для исторического оптимизма.

Постсоветская конспирология, как показывает Шнирельман, является продуктом синтеза западной ультраправой мысли, русской дореволюционной традиции теорий еврейского и масонского заговоров, а также позднесоветской «антисионистской» сцены. При этом сами европейские конспирологи испытали влияние русской антисемитской конспирологии, и в первую очередь, «Протоколов сионских мудрецов» (эта связь раскрывается в первой главе «Удерживающего», посвященной взглядам британской конспирологической публицистки Нэсте Уэбстер). В своем впечатляющем обзоре западной конспирологии Шнирельман демонстрирует, как множество авторов, неявно ссылаясь друг на друга и используя повторяющиеся ходы мысли, создают масштабную картину глобального заговора, направленного «против Бога и человека»¹⁰. Цель этого заговора — установление «нового мирового порядка», в котором через исчезновение традиций и религии утверждается диктатура скрытой элиты. Образ этой элиты в конспирологической традиции постоянно менялся — от масонов и тайных обществ (иллюминатов и тамплиеров) в XIX веке, коммунистов в период холодной войны и, наконец, прообраза мирового правительства в виде международных финансовых институтов (и стоящих за ними групп, вроде Трехсторонней комиссии или Бильдербергского клуба). Однако структура конспирологической мысли в целом сохраняла секуляризи-

9. Болтански Л. Тайны и заговоры. По следам расследований. СПб.: Издательство Европейского университета, 2019.

10. Шнирельман В. Удерживающий. С. 59.

рованные черты антихриста — ложного царства тотального контроля, в котором обещание свободы и равенства скрывает жесточайшее рабство, унификацию и утрату подлинной свободы индивидуального выбора между добром и злом, а также подменяет неповторимую личность учетной единицей в системе всеобщего распределения (то есть помечает каждого «числом зверя»). Такая антихристианская власть требует полного сосредоточения в своих руках всех материальных ресурсов и в конспирологической мифологии может легко отождествляться как с плановой экономикой, так и с господством финансового капитала. Эти консервативно-христианские основания теории заговора в западной конспирологии Шнирельман последовательно выявляет у таких авторов, как Энтони Саттон и Джон Коулман, чьи книги впоследствии были переведены на русский и оказали большое влияние на отечественных конспирологов.

Эсхатологический мотив явно присутствует и в такой специфической отрасли послевоенной западноевропейской конспирологии, как оккультный нацизм (в свое время вдохновивший Александра Дугина и Юрия Воробьевского на создание цикла программ «Тайны века» на российском телевидении). В основе этой концепции лежит идея о том, что немецкий СС являлся тайным мистическим обществом, целью которого было спасение мира от вырождения и энтропии. С 1960-х интерес к нацистской мистике распространялся как благодаря паранаучной литературе, вроде «Утра магов» Луи Повеля, так и усилиями сознательных неонацистов — таких, как Савитри Дэви или Мигель Серрано. В центре историософской модели чилийского неонацистского писателя Серрано находилась фигура Гитлера как спасителя и жертвы, который неизбежно вернется и завершит начатое великое дело. Здесь, как и у других адептов оккультного гитлеризма, действительно можно увидеть миллениаристские мотивы. Однако куда более очевидной — по крайней мере, в случае Серрано — была антихристианская и манихейская линия¹¹.

Третья глава «Удерживающего», которая составляет основную часть книги, посвящена детальному анализу российской конспирологической традиции и открывается подробным обзором дореволюционных авторов. В их текстах часто смешивались мотивы тайной роли масонских обществ

11. Goodrick-Clarke N. Black Sun: Aryan Cults, Esoteric Nazism, and the Politics of Identity. N.Y.: New York University Press, 2001.

и еврейского заговора как орудия грядущего антихриста (например, у черносотенца Алексея Шмакова и православно-го реакционера Льва Тихомирова). Эти идеи впоследствии войдут в арсенал постсоветской конспирологической литературы, равно как и миф о ритуальном убийстве иудеями Николая II. Шнирельман отдельно останавливается на этом сюжете, так как последний император занимает особое место в конспирологической литературе как «удерживающий», ставший жертвой врагов Христа и России. Реконструируя рождение этого мифа, автор находит его корни у генерала Дитерихса, курировавшего расследование расстрела царской семьи при правительстве Колчака времен Гражданской войны.

Если дореволюционные черносотенные теории заговоров составляют первый важный источник современной российской конспирологии, то второй Шнирельман обоснованно обнаруживает в позднесоветской «русской партии» — консервативно-националистической сети писателей и публицистов, группировавшихся вокруг журнала «Молодая гвардия», а также профессиональных «борцов с сионизмом». Последние, вроде Юрия Иванова или Валерия Емельянова, в своих книгах выходили далеко за пределы официальной линии критики израильского государства и фактически понимали сионизм как синоним всемирного еврейского заговора. Советский Союз в этих разнообразных конспирологических трактовках также понимался как своего рода секулярный «удерживающий» мир от сионизма, претендующего на глобальное господство при помощи пропаганды космополитизма и нравственного разложения советского общества.

Несмотря на растущее влияние теорий заговора в государственном аппарате (и особенно силовых структурах) позднего СССР, по-настоящему массовое распространение конспирология получает именно в постсоветский период. Как отмечает Шнирельман, «мощный толчок конспирологии дало крушение марксистской объяснительной парадигмы», которая оказалась бессильна перед крахом СССР. Социальная травма начала 1990-х «смягчалась при перенесении ее причин вовне, что снимало вину с самого общества и позволяло искать врага-чужака»¹². Таким образом, конспирология (в ее эсхатологическом варианте как «суперзаговора») стала своеобразной квазирелигией, предлагавшей

12. Шнирельман В. Удерживающий. С. 122.

не только завершенную (пусть и пессимистическую) картину мира, но также прощение и утешение. Исключительную роль в создании синтеза этих двух конспирологических традиций — православной монархической эсхатологии и позднесоветского антисемитского национал-сталинизма — сыграл митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев), анализу взглядов которого в «Удерживающем» уделяется большое внимание.

В 2000-е годы теории заговора меняют структурную позицию, превращаясь из патриотического оппозиционного дискурса в мейнстрим, востребованный в том числе и государственной элитой. Особое место в этом процессе занимает творчество Александра Дугина, не столько пропагандировавшего конкретные теории заговора, сколько концептуально легитимировавшего конспирологию как метод познания. Так, в своей книге «Конспирология (наука о заговорах, секретных обществах и тайной войне)», изданной в 2005 году, Дугин утверждал, что сама интуиция всякой конспирологии является верной, поскольку стремится раскрыть «сакральные истины» и соответствует «аутентичной традиции». Дугин вписывает конспирологию в парадигму традиционализма (в духе Рене Генона, Юлиуса Эволи и их неонацистских эпигонов, вроде упомянутого выше Мигеля Серрано), метод которой «основан на неизменных «метафизических догмах» и «врожденных психоментальных установках», которым «не требуется никаких эмпирических исследований»¹³. Подобная эпистемология, основанная на истинности бессознательно воспроизводимых установок в рамках партикулярных культурных «архетипов», полностью соответствует конспирологии как методу: например, нет нужды доказывать сфальсифицированный характер «Протоколов сионских мудрецов», так как их содержание в любом случае отражает «архетип» иудейского сознания. Стоит заметить, что этот метод — выявления скрытых неизменных структур национальных «логосов» — Дугин разворачивает в своем монументальном труде «Ноомахия» (каждый том которой посвящен отдельным «логосам» — русскому, французскому, иранскому и т. д.). Как убедительно показывает Шнирельман, Дугин создает «идеологический бриколаж» ультраправых идей, элементы которого в популяризированном виде затем интегрировались широкой конспирологической средой. Стоит вспомнить, что само поня-

13. Там же. С. 169.

тие «катехона» — в смысле России, «удерживающей» мир от господства западного либерализма, — в последние годы наиболее активно пропагандировалось близким к Дугину телеканалом «Царьград».

Эсхатологической конспирологией пронизаны и романы писателя и многолетнего издателя ультраправой газеты «Завтра» Александра Проханова. Так, в «Господине Гексогене» момент российской истории накануне прихода к власти Владимира Путина рассматривается как провалившаяся попытка установления еврейскими олигархами нового «Хазарского каганата» во главе с антихристом. Шнирельман также останавливается на недавнем романе Проханова «Цифра», где речь идет о борьбе «цивилизации Слова и совести с цивилизацией цифры и расчета» (предсказуемо также связанной с евреями)¹⁴.

В своей масштабной картографии современной российской конспирологии Виктор Шнирельман также предпринимает попытку ее политической классификации по шкале правые/левые. К условно «левым» конспирологам здесь отнесены лидер КПРФ Геннадий Зюганов (чьи тексты подробно разбираются в «Удерживающем») и близкие к нему национал-патриотические публицисты, вроде Юрия Козенкова и Максима Калашникова. Вопрос в том, насколько характерные для этих авторов православный клерикализм, идея еврейского заговора (стоящего за всеми революциями) и даже апологию Гитлера как «спасителя Германии» можно даже условно назвать «левыми». Впрочем, как справедливо признает Шнирельман, к теории заговора прибегают «сталинисты и имперцы, тоскующие по жесткому тоталитарному строю и живущие унаследованной от СССР идеей конфронтации России и Запада». Однако, пишет Шнирельман, если советская «идея конфронтации исходила из представлений о классовой борьбе <...>, то сегодня это сменилось либо православным эсхатологическим мифом <...> либо цивилизационной доктриной», а «коммунистическая идея дает себя знать лишь в том, что врагами оказываются банкиры и олигархи»¹⁵. Таким образом, «правых» национал-патриотов, конспирологию которых затем рассматривает автор, довольно сложно отличить от «левых».

Исключительно важной кажется часть «Удерживающего», раскрывающая влияние теорий заговора на российский

14. Шнирельман В. Удерживающий. С. 176.

15. Там же. С. 196.

государственный аппарат (и особенно силовые структуры), а также связанные с ним научные и образовательные учреждения. Идея «суперзаговора» против России (которая играет роль «Удерживающего»), как показывает Шнирельман, превратилась в последние два десятилетия в язык академии и респектабельной аналитики. В этом контексте совершенно оправдан подробный разбор открыто антисемитских конспирологических текстов таких авторов, как Татьяна Грачева (заведовавшая кафедрой Военной академии) или Ольга Четверикова (до недавнего времени преподававшая в МГИМО). Очень важен также экскурс в идеологию конспирологической секты «Мертвая вода», большинство участников которой в 2000-е годы составляли действующие и бывшие сотрудники российских спецслужб.

Несмотря на то что в последние годы феномен российской конспирологии все больше привлекает внимание исследователей¹⁶, книга Шнирельмана уникальна по-настоящему энциклопедическим масштабом охвата этой сцены — вероятно, вообще сложно найти хотя бы одного значимого российского автора теории заговора, который не удостоился бы внимания в «Удерживающем». Большое значение имеет и сама концептуальная рамка книги — кажется, что огромная исследовательская работа Виктора Шнирельмана позволила ему верно выявить центральный мотив новейшей российской конспирологии: мессианскую роль авторитарного государства как «сдерживающей» силы на пути глобального заговора скрытых мировых элит.

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-5-152-161

16. Яблоков И. Русская культура заговоров: конспирологические теории на постсоветском пространстве. М.: Альпина нон-фикшн, 2020; Borenstein E. Plots Against Russia. Conspiracy and Fantasy After Socialism. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2019.

Книга пассажей:
заметки и материалы

Конволют С: Античный
Париж, катакомбы,
снос зданий, закат Парижа

Вальтер Беньямин

Вальтер Беньямин. Немецкий философ и культурный критик (1892–1940).

Перевод с французского *Сергея Фокина* и с немецкого *Веры Котелевской* по изданию: *Benjamin W. Das Passagen-Werk//Gesammelte Schriften*/R. Tiedemann, H. Schweppenhäuser (Hg.). Fr.a.M.: Suhrkamp, 1991. Bd. V/1–2. 1350 s.

В Аверн спуститься нетрудно.

*Вергилий*¹

Здесь и автомобиль старей, чем Илиада.

*Гийом Аполлинер*²

С

[Античный Париж, катакомбы, снос зданий, закат Парижа]

Как решетки — в качестве аллегорий — поселяются в аду.
В пассаже Вивьен на портале — скульптуры, изображающие
аллегии коммерции.

[С 1, 1]

В пассаже родился сюрреализм. И по протекции каких
муз!

[С 1, 2]

Отцом сюрреализма был дада, матерью — торговая галерея³. Дада уже был в возрасте, когда познакомился с ней. В конце 1919 года Арагон и Бретон, которым не нравились Монпарнас и Монмартр, перенесли свои встречи с друзьями в кафе в пассаже Оперы. Вторжение бульвара Османа положило этому конец⁴. Луи Арагон написал о пассаже 135 страниц, сумма цифр дает в итоге девять, число муз, одаривших младенца, — сюрреализм. Их имена: Луна, графиня Гешвиц, Кейт Гринуэй, Морс, Клео де Мерод, Дульсинея, Либида, Бэби Кадум и Фридерика Кемпнер. (Вместо графини Гешвиц: Типсе?)⁵

[С 1, 3]

1. Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Художественная литература, 1979. Книга 6. Строка 126. Бенъямин приводит цитату на латыни.

2. Аполлинер Г. Алкоголи. СПб.: Терция, Кристалл, 1999.

3. Бенъямин играет с женским родом немецкого и французского слова *Pas-sage*: русское слово «пассаж» по понятным грамматическим причинам пришлось заменить на синоним «галерея».

4. Строительство бульвара Османа, начатое самим префектом еще в 1860-х гг., завершилось лишь в 1926 г., при этом был снесен пассаж Оперы.

5. Графиня Гешвиц — персонаж пьес Франка Ведекинда «Дух земли» (*Erdegeist*) и «Ящик Пандоры» (*Die Büchse der Pandora*), возлюбленная главной героини Лулу. Пьесы вдохновили Альбана Берга на создание оперы «Лулу» (*Lulu*, 1937).

Кассирша в роли Данаи.

[С 1, 4]

Павсаний написал свою «Топографию Греции» в 200 году⁶, когда капища и многие памятники начали превращаться в руины.

[С 1, 5]

Есть не много вещей в истории человечества, столь же хорошо изученных, как история Парижа. Десятки тысяч томов посвящены исследованию этого крошечного уголка земли. Настоящие путеводители по древностям Лютеции (*Lutetia Parisorum*)⁷ — старого римского поселения — появились еще в XVI веке. Каталог императорской библиотеки, изданный при Наполеоне III, содержит около ста страниц под рубрикой «Париж», и даже это собрание далеко не полное. Многим центральным улицам посвящена специальная литература, и мы располагаем описаниями тысяч самых неприметных домов. Прекрасными словами назвал [этот город] Гофмансталь: «ландшафт, возведенный из громкоголосой жизни». И в том притяжении, которым он обладает для людей, проявляется своеобразная красота, свойственная большому ландшафту — вернее, вулканическому. Париж в социальном плане — отражение Везувия в плане географическом. Угрожающий, опасный массив, постоянно действующий эпицентр революции. Но как склоны Везувия благодаря покрывающим их слоям лавы стали райскими садами, так и в лаве революций расцветают как нигде искусство, праздничная жизнь, мода. → Мода →

[С 1, 6]

Бальзак закрепил мифологический порядок своего мира конкретными топографическими контурами. Париж — почва его мифологии, Париж с его двумя-тремя крупными банкирами (Нусинген, дю Тилле), Париж с его великим врачом Горацием Бьяншоном, предпринимателем Цезарем Бирото, четырьмя-пятью великими кокотками, ростовщиком Гобсеком, с его адвокатами и военными. Однако прежде всего

Кейт Гринуэй (1846–1901) — английская художница, иллюстратор книг для детей. Клео де Мерод (1875–1966) — французская танцовщица, олицетворение полусвета; Бэби Кадум — розовощекий ребенок с рекламы косметической фирмы *Cadum*; Фридерика Кемпнер (1836–1904) — немецкая поэтесса.

6. Речь идет об «Описании Эллады» Павсания (ок. 110 г. — ок. 180 г.).

7. Древнее название города-крепости, основанного кельтским племенем паризиев на берегу Сены.

это всегда одни и те же улицы и закоулки, каморки и углы, из которых выходят на свет персонажи, населяющие эту среду. Что это значит, кроме того, что топография есть очертания этого, как и любого другого, мифического традиционного пространства, что она, более того, может стать ключом к этому пространству, как она стала им у Павсания для Греции, подобно тому как история и местоположение парижских пассажей призваны стать ключом к преисподней, в которую погрузился Париж, для *этого* века?

[С 1, 7]

Воссоздавать город топографически десятикратно и стократно из его пассажей и ворот, кладбищ и борделей, вокзалов и... так же, как раньше он определялся своими соборами и рынками. И более тайные, более глубинные городские образы: убийства и восстания, кровавые развилки в сети улиц, месторождения любви и пожары. → Фланер →

[С 1, 8]

Разве нельзя сделать увлекательный фильм по одной только карте Парижа? Из развертывания ее пестрых образов в хронологическом порядке? Из сжатия многовекового движения улиц, бульваров, пассажей, площадей в пространство получаса? Не этим ли занимается фланер? → Фланер →

[С 1, 9]

«В двух шагах от Пале-Рояль — между Двором Фонтанов и улицей Нев-де-Бон-з'Анфан (*Rue Neuve-des-Bons-Enfants*) — небольшой темный, извилистый пассаж, украшенный образами общественного писаря и фруктошницы. Это может походить на пещеру Какуса или Трофония, но не имеет ничего общего с пассажем — при всей доброй воле и несмотря на газовые фонари». Alfred Delvau: *Les dessous de Paris*⁸.

[С 1 а, 1]

В Древней Греции были известны места, дороги которых вели в подземный мир. И наше бодрствующее существование тоже является страной, где в потаенных местах можно спуститься в подземный мир, полный неприметных ландшафтов, к которым ведут сновидения. Каждый день мы ходим мимо них, ничего не подозревая, но как только одолевает сон, мы на ощупь возвращаемся в них и теряем-

8. Delvau A. Les dessous de Paris. P.: Poulet-Malassis et de Broise, 1860. P. 105-106.

ся там в темных коридорах. Лабиринты городских жилищ напоминают сознание при свете дня; пассажи (которые являются галереями, ведущими в прошлое города) днем незаметно впадают в улицы. Однако ночью под темной массой домов пугающе проступает их сгустившаяся тьма, и запоздалый прохожий спешит мимо, если только мы не уговорим его свернуть в узкий переулок.

Но есть и другая система галерей, которая тянется под землей через весь Париж: метро, где вечером загораются красным светом огни, указуя путь в Аид имен. Комба — Элизе — Георг V — Этьен Марсель — Сольферино — Инвалид — Вожирар сбросили позорные цепи улиц и площадей, став здесь, в сверкающей молниями, пронзительно свистящей темноте бесформенными богами клоаки, феями катакомб. Этот лабиринт таит в своих недрах не одного, а дюжину ослепленных яростью быков, в пасть которых бросается не одна фиванская девственница в год, а, каждое утро, — тысячи малокровных мидинеток⁹ и невыспавшихся клерков. → Названия улиц → Здесь, внизу, ничего не осталось от столкновения, пересечения названий, которые формируют надземную языковую сеть города. Каждое прозябает в одиночку, ад — его удел, ликеры *Amer Picon* и *Dubonnet* — привратники.

[С 1а, 2]

«Разве настоящий расцвет каждого квартала не происходит до того, как его полностью застраивают? А потом его планета описывает кривую, по мере приближения к коммерческим предприятиям, — двигаясь от больших к малым. Пока улица еще новая, она принадлежит маленьким людям и избавляется от них только тогда, когда ей улыбнется мода. Невзирая на цены, клиенты конкурируют друг с другом за небольшие дома и апартаменты, пока прекрасные дамы с блистательной элегантностью, украшающей не только салон, но и дом и даже улицу, устраивают здесь приемы и приглашаются на них. И как только красивая дама становится прохожей, она желает еще и магазинов, и часто улице дорого обходится слишком легкое потворство такому желанию. Потом дворы уменьшаются, некоторые и вовсе исчезают, люди живут в домах все кучнее, и в конце концов наступает первый день Нового года, когда иметь на визитной карточке такой адрес — дурной тон. Ведь большинство квартиросъемщиков —

9. От фр. *midinette* (устар.) — юная парижская швея; перен. — простушка, наивная девица.

торговцы, и пассажирам уже нечего терять, давая время от времени приют одному из мелких ремесленников, чьи жалкие дощатые лачуги заняли место магазинов». Charles Lefeuve: *Les anciennes maisons de Paris sous Napoléon III*¹⁰. → Мода →

[С 1а, 3]

Печальным свидетельством слабо развитого чувства собственного достоинства у большинства крупных европейских городов является то, что очень немногие из них, и уж точно ни один в Германии, не имеют такого удобного, скрупулезно разработанного и долговечного плана, каким располагает Париж. Это — превосходный «План Тарида» с его 22 картами всех парижских округов, парков Булони и Венсенна¹¹. Каждый, кому когда-либо приходилось возиться в чужом городе на углу улицы в плохую погоду с одной из этих больших бумажных городских карт, которые раздуваются, как парус, от каждого порыва ветра, рвутся по краям и вскоре превращаются в ворох грязных пестрых листов, с которыми приходится мучиться, как с головоломкой, узнаёт, изучая «План Тарида», какой может быть карта города. Люди, чье воображение при его чтении не пробуждается, те, кто предпочитает предаваться воспоминаниям о парижских приключениях, обращаясь не к картам, но к фотографиям или путевым заметкам, безнадежны.

[С 1а, 4]

Париж стоит над системой пещер, из которой доносятся звуки метро и железной дороги, в которой каждый омнибус, каждый грузовик пробуждает протяжное эхо. И эта обширная техническая система улиц и труб пересекается с древними сводами, известняковыми каменоломнями, гротами, катакомбами, которые разрастались на протяжении столетий начиная с раннего Средневековья. Даже сегодня за два франка можно купить билет и посетить этот ночной Париж, который намного дешевле и безопаснее, чем верхний мир. Средневековые смотрели на это иначе. Из источников известно, что время от времени умные люди вызывались показать своим согражданам там, внизу, дьявола во всем адском величии в обмен за высокую плату и обет молчания. Финан-

10. Lefeuve Ch. *Les anciennes maisons de Paris sous Napoléon III*. P., Bruxelles: s. n., 1873. Vol. I. P. 482.

11. Речь идет о классических путеводителях по Парижу и окрестностям, печатавшихся в издательстве Альфонса Тарида в начале XX в.

совая авантюра, которая была гораздо менее рискованной для тех, кого обманули, чем для самого мошенника. Разве церковь не должна была приравнять мнимое явление дьявола к богохульству? Этот подземный город также приносил ощутимую пользу тем, кто знал его вдоль и поперек. Ведь его улицы проходили под великой таможенной стеной, помогавшей генеральным откупщикам обеспечивать свое право на взимание таможенных пошлин на импорт. Перевозка контрабанды в XVI и XVIII веке осуществлялась в основном под землей. Мы также знаем, что во времена общественных волнений быстро распространялись зловещие слухи о катакомбах, не говоря уже о прорицателях и ведуньях, которые имели законное право туда спускаться. На следующий день после побега Людовика XVI революционное правительство распространило плакаты, предписывающие тщательнейшим образом обыскать эти подземные коридоры. А несколько лет спустя в массах вдруг распространился слух, что некоторые городские кварталы близки к обрушению.

[С 2, 1]

Можно реконструировать город и по его *fontaines* (ключи, колодцы): «Несколько улиц сохранили эти названия, хотя самый знаменитый из них — *Puits d'Amour* (Колодец любви) — что находился неподалеку от торговых рядов, иссяк, исчерпан, стерт с лица земли, не оставив после себя никаких следов. И едва ли что-то осталось от колодца с эхом, давшего название улице Пюи-ки-Парль (улица Говорящего Колодца), или того колодца, который кожевник Адам-Эрмит выкопал в квартале Сен-Виктор; нам известны другие улицы со словом «колодец» в названии — Пюи-Моконсей, Пюи-де-Фер, Пюи-де-Шапитр, Пюи-Сертен, Бон-Пюи, — наконец, улица дю Пюи, которая сначала называлась улицей Бу-дю-Монд, а потом стала тупиком Сен-Клод-Монмартр. Рыночные колодцы, колодцы с подъемными устройствами, водоносы превратятся скоро в общедоступные источники воды, и наши дети, для которых вода будет свободно доставляться на верхние этажи самых высоких парижских домов, будут удивляться, что мы так долго сохраняли эти примитивные средства удовлетворения одной из самых насущных потребностей человека». Maxime du Camp: *Paris. Ses organes, ses fonctions et sa vie*¹².

[С 2, 2]

12. du Camp M. Paris. Ses organes, ses fonctions et sa vie dans la seconde moitié du XIXe siècle. P.: Hashette, 1875. Vol. V. P. 263.

Иная топография, задуманная не архитектурно, а антропоцентрически, показала бы нам разом самый тихий квартал, отдаленный 14-й округ, в его истинном свете. По крайней мере, так его видел писатель Жюль Жанен столет назад. Тот, кто в нем родился, мог вести самую насыщенную, самую отчаянную жизнь, ни разу его не покидая. Ибо в нем одно за другим теснятся все здания, уготованные для социальных бедствий и пролетарской нужды: родильный дом, приют для подкидышей, лазарет, знаменитая Санте — огромная парижская тюрьма и эшафот. По ночам на укромных узких скамейках — не на комфортных скамейках в скверах — можно увидеть мужчин, растянувшихся для сна, словно в зале ожидания на полустанке в этом ужасном путешествии.

[С 2, 3]

Существуют архитектурные эмблемы торговли: ступеньки ведут к аптеке, магазин сигар занял позицию на углу. Торговля умеет использовать порог: перед пассажем, катком, купальней, железнодорожной платформой стоит, этакой берегиней порога, курица, автоматически откладывающая оловянные яйца со сладостями внутри, рядом с ней — автоматическая гадалка, перфоратор, с помощью которого наше имя штампуется на оловянной ленточке, которую судьба связывает нам на шею.

[С 2, 4]

В старом Париже казни (например, через повешение) совершались публично, на улице.

[С 2, 5]

Роденберг говорит о «стигийском существовании» некоторых ничего не стоящих бумаг — например акций фонда Mirès, — которые продаются мелкими жуликами (*petite pègre*) на бирже в надежде на «будущее воскрешение в соответствии с ежедневными шансами». Julius Rodenberg: *Paris bei Sonnenschein und Lampenlicht*¹³.

[С 2a, 1]

13. Rodenberg J. Paris bei Sonnenschein und Lampenlicht. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1867. P. 102–103.

Консервативная тенденция парижской жизни: еще в 1867 году один предприниматель задумывал пустить по Парижу пятьсот паланкинов.

[С 2а, 2]

О мифологической топографии Парижа: какой характер придают ему ворота. Важна их двойственность: ворота пограничные и триумфальные. Загадка межевого камня внутри города, который когда-то обозначал место, где город заканчивается. — С другой стороны — триумфальная арка, ставшая сегодня островком безопасности. Из опыта порога развились ворота, преображающие тех, кто проходит под их сводом. Триумфальная арка обращает вернувшегося полководца в героя-триумфатора. (Является ли рельеф на внутренней стене арки нелепицей? классицистическим недо-разумением?)

[С 2а, 3]

Галерея, ведущая к Матерям¹⁴, сделана из дерева. Дерево, даже после глубоких преобразований, трансисторически проступает в образе большого города вновь и вновь, создает посреди современного уличного движения — в деревянных заборах, досках, уложенных поверх разрушенных подземных частей сооружений, — образ его сельской первозданности. → Железо →

[С 2а, 4]

«Это мрачно обступающий сон северных улиц большого города, не только Парижа, но, возможно, и Берлина, и лишь мимоходом знакомого мне Лондона, мрачно спускающиеся сумерки, без дождя, но промозглые. Улица сужается, дома справа и слева смыкаются, наконец, она превращается в пассаж с тусклыми стеклянными стенами справа и слева, стеклянный коридор: это отвратительные винные забегаловки с поджидающими официантками в черных и белых шелковых блузках? здесь пахнет пролитой кислятиной. Или это ярко раскрашенные коридоры борделя? Но стоит пройти дальше, и по обе стороны — маленькие, в цвет летней листвы, двери и деревенские ставни, жалюзи, и разве не сидят там почтенные старушки за пряжей, а за окнами, подле немного чопорных комнатных растений, словно в крестьянских

14. Отсылка к первому действию второй части «Фауста» Иоганна Вольфганга фон Гете, где Фауст спускается в «царство Матерей».

садах, но все же в прелестной комнате, — светлые девицы и не раздастся ли пение: “Одна прядет шелк...”?» Франц Хесель, рукопись. (ср.: Стриндберг, «Злоключения лоцмана»).

[С 2а, 5]

Перед входом — почтовый ящик: последняя возможность подать знак миру, который покидаешь.

[С 2а, 6]

Подземная пешеходная экскурсия по канализации. Популярный маршрут: Шатле — Мадлен.

[С 2а, 7]

«Руины Церкви и Аристократии, Феодализма и Средних веков являют собой нечто возвышенное и сегодня вызывают восхищение у изумленных, потрясенных победителей; но руины Буржуазии превратятся в омерзительные отбросы из картона, гипса, накрашенных картинок». Honoré de Balzac: *Ce qui disparaît de Paris*¹⁵ → Коллекционер →

[С 2а, 8]

...В наших глазах все это и есть пассажи. Но они не были ничем из этого. «Ибо только сегодня, когда им угрожает кирка, они действительно стали святилищами культа эфемерного, сложились в фантомный пейзаж проклятых утех и профессий, непостижимых вчера и неведомых для завтра». Louis Aragon: *Le paysan de Paris*¹⁶. → Коллекционер →

[С 2а, 9]

Внезапно ожившее прошлое города: освещенные окна в преддверии Рождества сияют так, будто они все еще горят с 1880 года.

[С 2а, 10]

Сон — это земля, в которой отыскиваются находки, свидетельствующие о предыстории XIX века. → Сновидение →

[С 2а, 11]

15. Balzac H. de. *Ce qui disparaît de Paris*// *Le diable à Paris*. P.: J. Hetzel et Compagnie, 1845. Т. II. P. 18.

16. Aragon L. *Le paysan de Paris*. P.: Gallimard, 1926. P. 19.

Причины упадка пассажиров: расширение тротуаров, электрическое освещение, запрет проституции, культура открытого воздуха.

[С 2а, 12]

Возрождение архаической драмы греков на дощатых прилавках базара. Префект полиции разрешает на этих подмостках только диалоги. «Этот третий персонаж хранит молчание по милости Префекта Парижа, разрешившего диалоги только в так называемых ярмарочных театрах». Gerard de Nerval: *Le Boulevard du Temple. Autrefois et aujourd'hui*¹⁷.

[С 3, 1]

Перед входом в пассаж — почтовый ящик: последняя возможность подать знак миру, который покидаешь.

[С 3, 2]

Город только на первый взгляд однороден. Даже его название звучит по-разному в разных частях. Нигде, разве что в сновидениях, нельзя глубже (*ursprünglicher*) постичь феномен границы, чем в городах. Познать их — значит познать те межевые линии, которые проходят вдоль железнодорожных эстакад, через участки, находящиеся в частной собственности, внутри парка, вдоль берега реки; значит познать эти рубежи вместе с анклавами различных территорий. Как порог, тянется граница через улицы; новый район начинается шагом в пустоту; как будто человек вступил на низкую ступеньку, которую не разглядеть.

[С 3, 3]

У входа в пассаж, на каток, в пивную, на теннисный корт: пенаты. Курица, несущая золотые яйца-праздники, машина, выбивающая наше имя, и другая, взвешивающая нас (современное *υψώνι σκαυτον*¹⁸), игровые автоматы и механические гадалки — все они охраняют порог. Так часто встречающиеся, они между тем не пребывают ни внутри, ни снаружи. Они оберегают и размечают переходы, и воскресное путешествие ведет не только на природу, но и в эти таинственные пенаты. → Дом мечты → Любовь →

[С 3, 4]

17. de Nerval G. *Le Boulevard du Temple. Autrefois et aujourd'hui* // *Le cabaret de la Mère Sagnet*. P.: Bernouard, 1927. P. 259–260.

18. Познай себя.

Страх, в котором деспотично держит всю квартиру дверной звонок, также черпает свою колдовскую силу в пороге. С пронзительным звяканьем нечто готовится переступить порог. Но насколько этот звон становится до странности меланхолическим, подобным колокольному, когда он знаменует момент отправления, как в Императорской Панораме, когда сопровождает тихое колебание образа, который уходит и возвещает появление следующего. → Дом мечты → Любовь →

[С 3, 5]

Эти ворота — входы в пассажи — являются порогами. Они не помечены ни одной каменной ступенью. Достаточно и выжидательной позы некоторых людей. Скупое отмеряемые шаги, сами того не ведая, выдают человека, замершего перед принятием решения. → Дом мечты → Любовь →

[С 3, 6]

Другие «дворы чудес», помимо того, что был прославлен в «Соборе Парижской Богоматери», в Каирском пассаже. «В квартале Маре на улице Турнель находится Пассаж и Двор Чудес; другие дворы чудес были на улицах Сен-Дени, дю Бак, де Нейи, де Кокий, де ла Жюсьенн, Сен-Никэс и на холме Сен-Рош». Emile de Labédollière: *Histoire du nouveau Paris*¹⁹ [26:4-26:5 и 27 из «Книги пророка Исаяи», в честь которых были названы эти дворы].

[С 3, 7]

Об успехах Османа в области водоснабжения и водоотведения в Париже: «Поэты могли бы сказать, что Османа больше вдохновляли божества подземные, нежели небесные». Lucien Dubech, Pierre d'Espezel: *Histoire de Paris*²⁰.

[С 3, 8]

Метро. «Большинство станций получило абсурдные названия, самое нелепое принадлежит той, что находится на углу улиц Бреге и Сен-Сабен: ее название превратилось в Бреге-Сабен, где имя часовщика соединилось с именем святого». Ibid. P. 463.

[С 3, 9]

19. Labédollière E. de. Histoire du nouveau Paris. Histoire de ses vingt arrondissements. P.: Gustave Barba, Libraire-Éditeur, 1860. P. 31.

20. Dubech L., d'Espezel P. Histoire de Paris. P.: Payot, 1926. P. 418.

Дерево, архаический элемент уличной картины: деревянные баррикады.

[С 3, 10]

Июньское восстание. «Большинство заключенных были доставлены в каменоломни и подземные галереи, которые находятся под фортами Парижа и настолько обширны, что в них могла бы разместиться половина населения Парижа. Холод в этих подземных галереях так силен, что многие могли согреться только безостановочным бегом или движением рук, и никто не осмеливался лечь на холодные камни... Заключенные дали всем галереям названия парижских улиц и при встрече называли друг другу свои адреса». Sigmund Engländer: *Geschichte der französischen Arbeiter-Associationen*²¹.

[С 3а, 1]

«Все парижские каменоломни соединены между собой... В нескольких местах были оставлены столбы, чтобы не обрушился потолок. В других под ними были проложены стены. Эти стены образуют длинные подземные ходы, похожие на узкие улицы. В конце некоторых написаны номера, чтобы не заблудиться, — но не стоит сильно рисковать в этом выработанном известняковом пласте... если не хотите... умереть голодной смертью». — «Легенда о том, что в подвалах парижских каменоломен днем можно увидеть звезды», возникла из-за старой шахты, «которая была завалена сверху камнем с крошечным отверстием диаметром около шести миллиметров. Через него день освещает тьму внизу, как бледная звезда». Johann Friedrich Benzenberg: *Briefe geschrieben auf einer Reise nach Paris*²².

[С 3а, 2]

«Какая-то штука, которая дымила и пыхла на Сене, издавая при этом такие же звуки, какие издает барахтающаяся в воде собака, сновала взад и вперед под окнами Тюильри от Королевского моста к мосту Людовика XV: это была ничемная механическая игрушка, выдумка пустоголового изобретателя, утопия — словом, это был пароход. Парижане равнодушно смотрели на эту бесполезную затею». Надар

21. Engländer S. Geschichte der französischen Arbeiter-Associationen. Hamburg: Hoffmann u. Campe, 1864. Bd. 2. P. 314–315.

22. Benzenberg J.F. Briefe geschrieben auf einer Reise nach Paris. Dortmund: Malinckrodt, 1805. Bd. I. P. 207–208.

приводит цитату из романа «Отверженные» Виктора Гюго в: Nadar: *Quand j'étais photographe*²³.

[С за, 3]

«Подобно жесту циркового фокусника или машиниста сцены, первый гудок первого локомотива был сигналом к пробуждению, к взлету высь всего и вся». Ibid. Р. 281.

[С за, 4]

Примечательна история возникновения одной из самых объемистых книг о реалиях Парижа, а именно книги Максима Дюкана «Париж, его органы, отправления и жизнь во второй половине XIX века», изданной в шести томах. *Maxime Du Camp: Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie dans la seconde moitié du XIXème siècle*²⁴. Об этом сочинении в одном «Каталоге старой книги» говорится следующее: «Чрезвычайно интересное сочинение, отличающееся скрупулезной и достоверной документацией. Действительно, чтобы собрать материал для этой книги, Дюкан самолично поработал кондуктором омнибуса, дворником, чистильщиком канализации. Через свое упорство он заслужил прозвище „внештатный префект Сены“, оно же сыграло свою роль в возведении писателя в достоинство сенатора». Происхождение книги описывает Поль Бурже в своей «Речи в Академии 13 июня 1895 года по наследованию кресла Максима Дюкана». *Paul Bourget: Discours académique du 13 juin 1895: Succession à Maxime Du Camp*²⁵. В 1862 году, рассказывает Бурже, у Дюкана начало слабеть зрение; он обратился к оптику Секретану, который выписал ему очки против дальновзоркости. Далее слово Дюкану: «Возраст меня настигал. Я не собирался оказывать ему достойный прием. Но подчинился. Заказал себе пенсне и очки». Теперь Бурже: «У оптика не было нужных стекол. Ему нужно было полчаса, чтобы их изготовить. Чтобы как-то убить эти полчаса, мсье Дюкан вышел прогуляться. Он фланировал наугад и вскоре оказался на Новом мосту... Писатель переживал один из тех моментов, когда

23. Nadar F. *Quand j'étais photographe*. P.: E. Flammarion, 1900. P. 280. Цитата на русском приводится по: Гюго В. *Отверженные*// Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М.: Правда, 1972.

24. *du Camp M. Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie dans la seconde moitié du XIXème siècle*. P.: Librairie Hachette, 1893–1896.

25. *Bourget P. Discours académique du 13 juin 1895: Succession à Maxime Du Camp*// *Anthologie de l'Académie française; un siècle de discours académiques, 1820–1920*. P.: Delagrave, 1921. Vol. 2. P. 191–193.

человек, ощущая, что уже не молод, задумывается о жизни со смиренной степенностью, заставляющей видеть во всем отражения его собственной меланхолии. Незначительное усугубление физиологического характера, которое подтвердилось в ходе его визита к окулисту, живо напомнило ему то, о чем мы так быстро забываем: закон неизбежного разрушения, что господствует во всех делах человеческих... Внезапно ему подумалось — ему, восточному страннику, пилигри-му безмолвных пустынь, песок которых исполнен прахом умерших, — что наступит день, и этот город, неимоверное дыхание которого переполняло его, тоже умрет, как умерли столько столиц столько империй. К нему пришла мысль о невероятном интересе, который вызвала бы сегодня верная и полная картина Афин эпохи Перикла, Карфагена времени Барка, Александрии Птолемеев или Рима Цезаря... Благодаря одному из этих умопомрачительных озарений, когда какая-то тема внезапно является нашему уму, он отчетливо увидел возможность написать о Париже такую книгу, которые древние авторы не смогли написать о своих родных городах. Он снова посмотрел на мост, на Сену, на набережную... Только что ему явилось творение зрелости». Это вдохновение, почерпнутое из древности для написания современного административно-технического труда о Париже весьма показательно. Об упадке Парижа см. также главу о Сакре-Кёр в книге Леона Доде «Жизнь Парижа». Léon Daudet: *Montmartre et le Sacré-Coeur*²⁶.

[С 4]

Следующая фраза в бравурной пьесе «Подземный Париж» (*Paris souterrain*) из книги Надара «Когда я был фотографом» (*Quand j'étais photographe*)²⁷: «В истории сточных канав, написанной гениальным пером поэта и философа, после этого описания, которое он сумел сделать более волнительным, нежели драматическое сочинение, Гюго рассказывает, что в Китае нет такого крестьянина, который бы, продав овощи в городе, по возвращении не тащил бы с собой две огромных бадьи, наполненных этими драгоценными нечистотами».

[С 4а, 1]

26. Daudet L. *Montmartre et le Sacré-Coeur*//Paris vécu. P.: Librairie Gallimard, 1930.

27. Nadar F. *Quand j'étais photographe*. P. 124.

О воротах Парижа: «До того момента, пока между колоннами не показался сборщик налогов, можно было подумать, что находишься у ворот Рима или Афин». *Biographie universelle ancienne et moderne*²⁸.

[С 4а, 2]

«В книге Теофиля Готье „Капризы и зигзаги“ нахожу курьезную страницу. „Большая опасность грозит нам“, говорится там... „Современный Вавилон не будет разрушен, как башня Лилака, не утонет в асфальтовом озере, как Пентаполис, и не придет в упадок, как Фивы; он просто обезлюдует и будет уничтожен крысами Монфокона“. Странное видение смутного, но прозорливого мечтателя! Это, по сути, подтвердилось... Крысы Монфокона... Парижу больше не страшны; декоративные изыски Османа их отпугнули... Но с высот Монфокона спустились пролетарии и с помощью пороха и нефти начали разрушение Парижа, предсказанное Готье». Max Nordau: *Belleville*²⁹.

[С 4а, 3]

В 1899 году во время работ по строительству метро на улице Сент-Антуан обнаружили фундамент башни Бастилии. Кабинет эстампов.

[С 4а, 4]

Винные залы: «Склад, состоящий частично из хранилищ для спиртных напитков, частично из скальных погребов для вин, образует... своего рода город, улицы которого носят названия самых важных винных регионов Франции». Adolf Lenz: *Acht Tage in Paris*³⁰.

[С 4а, 5]

«Подвалы Кафе Англе... простираются далеко за бульвары и образуют весьма сложные подземные проходы. Их даже разделили на улицы... Там есть Бургундская улица, Бордоская, улица дю Бон, Эрмитажная, улица Шабертен, Бочковой

28. *Biographie universelle ancienne et moderne*. Nouvelle édition publiée sous la direction de M. Michaud. Paris, 1856. Vol. 14. P. 321. (Article by P. F. L. Fontaine.)

29. Nordau M. *Belleville*// Aus dem wahren Milliardenlande. Pariser Studien und Bilder. Leipzig: Duncker & Humblot, 1878. Bd. 1. P. 75-76.

30. Lenz A. *Acht Tage in Paris: Ein vollständiges Gemälde der Französischen Hauptstadt u. der nächsten Umgebungen. Ein unentbehrlicher u. treuer Führer für alle Besucher der Pariser Industrie-Ausstellung*. Leipzig: O. Wigand, 1855. P. 37-38.

перекресток. Вы попадаете в прохладный грот... где полно моллюсков, это — грот шампанских вин... Аристократы былых времен не гнушались ужинать в конюшнях... Да здравствуют подвалы, где можно закусить по-настоящему эксцентрично!» Taxile Delord: *Paris-viveur*³¹.

[С 4а, 6]

«Будьте уверены, что когда Гюго видел нищего на улице... он видел его таким как есть, действительно таким как есть, древним нищим, древним побирušкой... на древней дороге. Когда он смотрел на мраморную плиту на одном из наших каминов или на зацементированный кирпич на одной из современных печей, он видел эту плиту или этот кирпич такими как есть: как камень домашнего очага. Древний камень домашнего очага. Когда он смотрел на уличную дверь, на порог уличной двери, который обычно делался из тесаного камня, когда он смотрел на этот тесаный камень, он отчетливо видел древнюю линию, порог сакрального, ибо это одна и та же линия». Charles Péguy: *Vic-tor-Marie, Comte Hugo*³².

[С 5, 1]

«Кабачки Антуанского предместья походят на таверны Авентинского холма, построенные над пещерой Сивиллы, откуда проникали в них идущие из ее глубин священные дуновения, — на те таверны, где столы были подобны треножникам и где пили тот напиток, который Энний называет сивиллиным вином». Victor Hugo: *Les Misérables*³³.

[С 5, 2]

«Кто путешествовал по Сицилии, вспомнят знаменитый монастырь, где монахи, пользуясь тем, что земля обладает свойством высушивать и сохранять тела, в определенное время года облачают в древние одежды величественные человеческие останки, которым они оказали погребальное гостеприимство: папы, кардиналы, полководцы и короли; выстроив мертвых в две колонны по стенам своих обширных катакомб, они проводят посетителей сквозь строй этих ске-

31. Delord T. *Paris-viveur* P.: J. Taride, 1854. P. 79–81, 83–84.

32. Péguy C. *Victor-Marie, Comte Hugo* // *Œuvres complètes. 1873–1914: Œuvres de prose*. P.: Edition N.R.F., 1916. P. 388–389.

33. Hugo V. *Les Misérables* // *Œuvres Complètes: Roman*. P.: J. Hetzel et Compagnie, 1881. Vol. 8. P. 55–56. Цит. по: Гюго В. *Отверженные* // *Собр. соч.*: В 10 т. Т. 5. М.: Правда, 1972.

летов... Ну что же! Этот сицилийский монастырь представляет собой образ нашего общественного состояния. Под парадными одеждами, которыми украшены наши искусства и литература, не бьются сердца; это мертвецы вперяют в вас свои неподвижные, потухшие, холодные взоры, когда вы спрашиваете у нашего века, где ваша литература, где ваше искусство, где ваши устремления». Alfred Nettement: *Les ruines morales et intellectuelles*³⁴. Сюда же: сравнить «К Триумфальной арке» (1837) Гюго.

[С 5, 3]

Две последние главы в книге Лео Кларети «Париж от основания до 3000 года» (Léo Claretie: *Paris depuis ses origines jusqu'en l'an 3000*³⁵) называются «Руины Парижа» и «3000 год». Первая содержит пересказ поэмы Гюго «К Триумфальной арке», вторая — лекцию о древностях Парижа в знаменитой «Академии города Флокзима, что находится на новом континенте Сенепир, открытом в 2500 году между мысом Горн и Австралией».

[С 5, 4]

«В парижском Шатле существовал длинный подвал. Этот подвал находился на восемь футов ниже уровня Сены. В нем не было ни окон, ни отдушин, <...> люди могли туда проникнуть, но воздух не проникал. Каменный свод служил потолком, а полом — десятидюймовый слой грязи... На высоте восьми футов от пола это подземелье пересекала из конца в конец длинная толстая балка; с балки на некотором расстоянии одна от другой свешивались цепи длиной в три фута, а к концам этих цепей были прикреплены ошейники. В подвал сажали людей, осужденных на галеры, до дня их отправки в Тулон. Их загоняли под эту балку, где каждого ожидали поблескивавшие во мраке кандалы <...>. Они стояли неподвижно в этом подвале, в этой тьме, под этой перекладиной, почти повешенные, вынужденные тратить неслыханные усилия, чтобы дотянуться до куска хлеба или кружки с водой под низко нависающим над головой сводом, по щиколотку в грязи, в стекающих по телу собственных нечистотах, истерзанные

34. Nettement A. Les ruines morales et intellectuelles. P.: Bibliothèque universelle de la jeunesse, 1836. P. 12.

35. Claretie L. Paris depuis ses origines jusqu'en l'an 3000. P.: Libraires-Éditeurs Charavay-Frères et Cie, 1886. P. 347.

усталостью, на дрожащих, подкашивающихся ногах, цепляясь руками за цепь, чтобы отдохнуть, не имея возможности уснуть иначе как стоя, и просыпаясь каждую минуту, удушаемые ошейником <...>. Что делали они в этом склепе, в этой преисподней? То, что можно было делать в склепе: умирать, и то, что можно делать в преисподней: петь... Именно в этом подвале и родились почти все песни арго. Именно в тюрьме Большого Шатле в Париже появился меланхолический припев галеры Монгомери: Тималумизен, тимуламизон. Большинство этих песен зловещи; некоторые веселы; одна песенка — нежная». Victor Hugo: *Les Misérables*. P. 297–981³⁶. → Подземный Париж →

[С 5а, 1]

О науке порога: «Между теми, кто в Париже передвигается пешком, и теми, кто разъезжает в каретах, различие только в подножке, как утверждал один странствующий пешком философ. Ах эта подножка! Это точка отправления из одной страны в другую, из нищеты в роскошь, от беззаботности к заботам. Это дефис между тем, кто был ничем и тем, кто будет всем. Вопрос в том, как на нее вступить». Theophile Gautier: *Paris et les Parisiens au XIX siècle*³⁷.

[С 5а, 2]

Смутное предчувствие метро в описании домов-моделей будущего: «Весьма обширные и хорошо освещенные подвалы сообщаются между собой. Они образуют длинные галереи, которые идут вдоль улиц, где проложены подземные железные дороги. Железные дороги предназначены не для людей, а исключительно для громоздких товаров — винных бочек, древесины, угля, и т. п. Эти подземные железные дороги приобретают громадное значение». Tony Moilin: *Maisons-modèles*³⁸.

[С 5а, 3]

36. Цит. по: Гюго В. Отверженные.

37. Gautier T. Etudes philosophiques // Paris et les Parisiens au XIX siècle. Moeurs, arts et monuments. P.: Morizot, 1856. P. 26.

38. Moilin T. Maisons-modèles // Paris en l'an 2000. P.: Librairie de la Renaissance, 1869. P. 14–15.

Фрагменты из поэмы Виктора Гюго «К Триумфальной арке»

II

Всяк день Париж кричит, ворчит.
Никто не знает, вопрос глубок,
Что потеряет мира грохот
В тот день, когда он замолчит!

III

Он замолчит однако! Минует тьма рассветов,
Тьма месяцев, тьма лет, столетий тьма,
Когда брег этот, где воды бьются о гулкие мосты,
Склоненным и шуршащим камышам предан будет;

Когда Сена, камнями окаймленная, побежит
Унося купол древний, в воды рухнувший,
Внимая ветру тихому, что возносит до небес
Шелест листвы и пенье птиц;

Когда ночью потечет она, белея во тьме,
Счастливая, баюкая издревле течение смятенное,
Тому, что слышит наконец гласы неисчислимы
Что смутно раздаются под небом звездным;

Когда от града этого, сумасшедшего и сурового трудяги,
Который, понукая его стенам преданные судьбы,
Под собственным молотом свои пойдет прахом
Чеканя из бронзы монету, из мрамора мостовые;

Когда от крыш, колоколен, извилистых ульев,
Исполненных гордости куполов, притворов, фронтонов,
Что обращали град этот, гудящий гласами суматошными
Густым, непроходимым и кишащим у всех на глазах,

Не останется на громадной равнине
Никаких пантеонов, никаких пирамид
Лишь две гранитные башни, возведенные Карлом Великим,
Да Наполеона бронзовый столп;

...

...

Ты — ты дополнишь треугольник возвышенный!»

IV

Арка! Вот когда ты станешь вечной и законченной,
Когда все, что в волнах Сены брезжится,
Навсегда утечет,
Когда от града этого, что Риму был равен,
Останется лишь ангел, орел и человек,
На трех вершинах стоящий.

...

...

V

Нет, время ничего у вещей не берет.
Всякий портик, понапрасну расхваленный,
В медленных его метаморфозах
Достигает наконец красоты.
На монументы, что люди почитают,
Время навлекает строгое очарование.
От фасада до абсиды
Никогда, хотя оно ломает и ржавит,
Платье, которое оно у них забирает,
Не стоит того, в которое оно их рядит.

Это время пробивает морщины
На слишком хмурых кирпичач;
По углам холодного мрамора
Умным перстом проводит;
Это оно, дабы поправить творение,
Примешивает живого ужа
К извивам гидры гранитной.
Я вижу, как готическая крыша смеется,
Когда в античном ее фризе время
Камень вынимает и свивает гнездо взамен».

VII

...

...

Но нет, всё умрет!
Больше ничего на этой равнине,
Кроме канувшего народа, которым она пока кишит;
Кроме потухшего взора человека и Господа взора живого;
Арка, колонна и там посреди

Серебристой реки, пеной шумящей,
В тумане собор, наполовину обрушенный.

2 февраля 1837

Hugo: *Ode à l'Arc de Triomphe*³⁹.

[С 6; С 6а 1]

Снос зданий как источник обучения теории строительства. «Никогда прежде не было столь благоприятных условий для такого рода учения, что сложились в наше время. В течение двенадцати лет множество зданий, среди прочих церкви, монастыри, были разрушены вплоть до фундамента; все они снабдили нас... ценными сведениями». Charles-François Viel: *De l'impuissance des mathématiques pour assurer la solidité des bâtiments*⁴⁰.

[С 6а, 2]

Снос зданий: «Высокие стены, с их горчичного цвета полосами вдоль разрушенных дымоходов, раскрывают, подобно поперечному сечению архитектурного плана, тайну интимного обустройства... Занятное зрелище — все эти дома, открытые нараспашку, с полами, повисшими над бездной, яркими обоями в цветочек, сохранившими форму комнат, с лестницами, которые больше никуда не ведут, с подвалами, выставленными на свет, с причудливыми обвалами и неудержимыми руинами; можно сказать, что эти разрушенные здания, эти необитаемые архитектурные сооружения будто списаны с офортов, которые Пиранези набрасывал своей горячечной рукой, правда, последние выдержаны в более мрачной тональности. Théophile Gautier: *Mosaïque de ruines*⁴¹.

[С 7, 1]

39. Hugo V. *Ode à l'Arc de Triomphe*//*Œuvres complètes. Poésie*. P.: J. Hetzel et Compagnie, 1881. Vol. 3. P. 233–245.

40. Viel C.-F. *De l'impuissance des mathématiques pour assurer la solidité des bâtiments*. P., 1805. P. 43–44.

41. Gautier T. *Mosaïque de ruines*//*Paris et les Parisiens au XIX siècle*. P. 38–39.

В заключении статьи «Бульвары» Луи Лурине пишет: «Бульвары умрут от аневризмы: взрыва газа» (Louis Lourine: *Les Boulevards*. P. 62⁴²).

[С 7, 2]

Бодлер в письме Пуле-Маласи 8 января 1860 года о Мерионе: «На одном из своих офортов он заменил небольшой воздушный шар тучей хищных птиц, а когда я ему заметил, что в небе над Парижем не может быть столько орлов, он ответил, что все это не лишено оснований, потому что „эти люди“ (правительство императора) часто запускали орлов, чтобы, следуя своему ритуалу, изучать предсказания, и что это было напечатано в газетах, даже в *Le Moniteur*»⁴³. Гюстав Жеффруа цитирует Шарля Бодлера в: Gustave Geffroy: *Charles Meryon*.

[С 7, 3]

К Триумфальной арке: «Триумф был институтом римского государства и его предпосылкой было получение военачальником права на особую форму власти, — военный *imperium*, — которое, однако, истекало в день ритуального совершения триумфа... Из различных предварительных условий, с которыми было связано право на триумф, самым настоящим было требование не пересекать преждевременно... границу города. В противном случае полководец терял право на божественное покровительство в войне, которое распространялось только на внешние военные действия, а вместе с ним и право притязать на триумф. Всякая скверна, всякая вина, связанная со смертоубийством в битве — вероятно, изначально опасность исходила и от духов убитых — снимается с полководца и войска, остается за священными воротами. С такой точки зрения становится ясно, что *porta triumphalis* были не чем иным, как монументом прославления триумфа». Ferdinand Noack: *Triumph und Triumphbogen*⁴⁴.

[С 7, 4]

42. Lourine L. *Les Boulevards*//Paris chez soi. P.: Paul Boizard Editeur, 1854. P. 62.

43. Geffroy G. Charles Meryon. P.: H. Floury, 1926. P. 126–127. (Цитата на русском приводится по: Бодлер Ш. Избранные письма. СПб.: Machina, 2012. С. 138. Перевод немного изменен.)

44. Noack F. *Triumph und Triumphbogen*//Vorträge der Bibliothek Warburg. Leipzig: B.G. Teubner, 1928. B. 5. P. 150–151, 154.

«Эдгар По запустил по улицам столиц персонажа, которого называет Человеком толпы. Беспокойный гравер и искатель является Человеком камней <...> Вот <...> художник, который не грезил и не работал, подобно Пиранези, перед останками упраздненной жизни, творчество которого производит впечатление настойчивой ностальгии <...> Его зовут Шарль Мерион. Его гравюры представляют собой одну из самых глубоких поэм, когда-либо написанных о городе, и исключительная в своем роде оригинальность этих пронзительных листов заключается в том, что они сразу же, несмотря на то что были писаны с живых уголков, предстают как зрелище жизни минувшей, которая уже умерла или вот-вот умрет <...> Это ощущение существует независимо от самого скрупулезного, самого реалистичного воспроизведения сюжетов, на которых остановил свой выбор художник. В нем есть провидец, и он конечно догадывался, что эти столь прочные формы являются эфемерными, что курьезные красоты уйдут туда, куда все уходит, он слушал язык, на котором говорят улицы и переулки, где все без конца перестраивается, переделывается, рушится, начиная с самых первых дней этого града на острове, вот почему сквозь город XIX столетия эта выразительная поэзия дотягивается до Средневековья, сквозь созерцание непосредственных видимостей высвобождает извечную меланхолию.

Парижа старого больше нет. Форма города
Меняется быстрее, увы! чем смертного душа.

Эти две строки из Бодлера можно было сделать эпиграфом к сборнику творений Мериона. *Gustave Geffroy: Charles Meryon*⁴⁵.

[С 7а, 1]

«Представить древние *porta triumphalis* в виде арочных ворот — не натяжка. Напротив, поскольку они выполняли лишь символическую функцию, то изначально возводились самым простым способом, то есть из двух столбов с горизонтальной перемычкой». *Noack: Triumph und Triumphbogen*⁴⁶.

[С 7а, 2]

45. *Geffroy G. Charles Meryon. P. 1–3.*

46. *Noack F. Triumph und Triumphbogen. P. 168.*

Проход через триумфальную арку как обряд посвящения: «Прохождение армии через узкие ворота сравнивали с „протискиванием через узкую щель“, которому приписывали значение рождения заново». Ibid. P. 153.

[С 7а, 3]

Фантазии о закате Парижа являются симптомом того, что развитие техники не было принято. Эти видения свидетельствуют о смутном осознании того, что вместе с большими городами развивались и средства, позволяющие сравнивать их с землей.

[С 7а, 4]

Ноак упоминает, что «арка Сципиона стояла не на дороге, ведущей к Капитолию (*adversus viam, qua in Capitolium ascenditur...*)⁴⁷, — а напротив нее. Тем самым определяется чисто монументальный характер этих построек, без какого-либо дополнительного практического значения». С другой стороны, культовый смысл этих построек так же очевиден, как и их обособленность: «Даже там, где стоят многие более... поздние арки, в начале и конце улиц, у мостов и на мостах, у входа на форумы, у границ города... везде у римлян действовало такое сакральное понятие, как граница или порог». Ibid. P. 162, 169.

[С 8, 1]

О велосипеде: «Действительно, не следует обманываться по поводу реального значения нового модного устройства, которое один поэт на днях назвал конем Апокалипсиса». *L'illustration*, 12 juin 1869. Цит. по: *Vendredi*, 9 octobre 1936 (Louis Cheronnet: *Le coin des Vieux*).

[С 8, 2]

О пожаре, уничтожившем ипподром: «Все местные кумушки видят в этом бедствии гнев божий, обрушивающийся на грешное зрелище женщин на велосипедах». *Le Gaulois*, 2 (? 3?) octobre 1869. Цит. по: *Vendredi*, 9 octobre 1936 (Louis Cheronnet: *Le coin des Vieux*). На ипподроме были организованы женские велосипедные гонки.

[С 8, 3]

47. Лицом к дороге, ведущей к Капитолию (лат.).

Чтобы лучше понять «Парижские тайны» и подобные произведения, Кайуа хочет обратиться к роману нуар, в частности к «Тайнам замка Удольф», в особенности из-за «преобладающей значимости пещер и подземелий». Roger Caillois: *Paris, mythe moderne*⁴⁸.

[С 8, 4]

«Весь левый берег, начиная от Нельской башни <...> и до Могилы Иссуара, представляет собой лаз, ведущий сверху вниз. И если новейшие сносы домов обнаруживают исподние тайны Парижа, то когда-нибудь жители левого берега будут просыпаться в ужасе, открывая тайны лицевой стороны». Alexandre Dumas: *Les Mohicans de Paris*⁴⁹.

[С 8, 5]

«Должно быть, это видение Бланки, <...> эта тактика умалчивания, эта политика катакомб порой заставляли Барбеса колебаться, будто он оказывался перед... внезапно открывающимися лестницами, ведущими в подвалы незнакомого дома». Gustave Geffroy: *L'enfermé*⁵⁰.

[С 8, 6]

В книге «Детективный роман и влияние научной мысли» (*Le 'Detective Novel' et l'influence de la pensée scientifique*) Печис Мессак приводит цитату из «Мемуаров» (*Mémoires*) Видока: «Париж является точкой на земном шаре, но точка эта — клоака, и в ней сходятся все сточные канавы»⁵¹.

[С 8a, 1]

Le Panorama (литературно-критический обзор, выходящий в свет каждые пять дней), в последнем номере от 25 февраля 1840 года в рубрике «Трудноразрешимые вопросы» дает следующий пассаж: «Сгинет ли вселенная завтра? Не придется ли ее вечной длительности лицезреть конец нашей планеты, или последняя, которая имеет честь носить нас на себе, переживет весь прочий мир?». Очень важно, что в литературном обозрении можно было написать именно так. (Кстати, в обращении, «К нашим читателям», опубликованном в первом номере, говорится, что газета *Le Pano-*

48. Caillois R. *Paris, mythe moderne*//Nouvelle Revue Française. P., 1937. Vol. 25. № 284. P. 686.

49. Dumas A. *Les Mohicans de Paris*. P.: Michel Lévy frères, 1863. Vol. III.

50. Geffroy G. *L'enfermé*. P.: Éd. Rencontre, 1926. P. 72.

51. Messac R. *Le «Detective Novel» et l'influence de la pensée scientifique*. P.: H. Champion, 1929. P. 419.

рата была создана с целью заработать денег.) Основателем был водевилист Ипполит Лука.

[С 8а, 2]

Как вечер низойдет и день собой замкнет,
Пастушка древняя, отжившая, она,
Собрав Париж и все вокруг рукою легкою,
Стопою твердою возьмет и поведет
В наипоследний день, в наипоследний двор
К руке Отца — свое бесчисленное стадо.
Charles Péguy: *La Tapisserie de Saint-Genève*⁵²,
цит. по: Marcel Raymond: *De Baudelaire au surréalisme*⁵³.

[С 8а, 3]

Подозрительное отношение к монастырям и духовенству в Коммуне: «Даже больше, чем в случае с улицей Пикпюс, усилий было положено, чтобы возбудить, благодаря подвалам Сен-Лорана, народные страсти. К голосу прессы присоединилась реклама образов. Этьен Каржа фотографировал, используя электрический свет, скелеты... После Пикпюс, после Сен-Лорана, с интервалом в 30 дней, настал черед Монастыря Успения Богородицы и церкви Нотр-Дам-де-Виктуар. Над столицей веял ветер безумия. Повсюду искали подвалы и скелеты». Georges Laronze: *Histoire de la Commune de 1871*⁵⁴.

[С 8а, 4]

1871 г.: «Воображение народа разыгралось не на шутку. И себя в том не винило. Не было столоначальника, которого бы не преследовала мысль обнаружить вошедшее в моду орудие измены — подвалы. В тюрьме Сен-Лазар искали подвал, который, уходя от капеллы, тянулся до предместья Аржантей, то есть пересекал два рукава Сены и покрывал расстояние километров в десять, если по прямой. В церкви Сен-Сюпис подвал вел прямо к Версальскому замку». Ibid. P. 399.

[С 8а, 5]

52. Перевод стихотворения на русский язык приводится по: Пеги Ш. Покров святой Женевьеве и Жанне д'Арк//Избранное: Проза. Мистерины. Поэзия. М.: Русский путь, 2006. С. 159.

53. Raymond M. De Baudelaire au surréalisme. P.: R.-A. Corrêa, 1933. P. 219.

54. Laronze G. Histoire de la Commune de 1871. P.: Payot, 1928. P. 370.

«В самом деле люди заменили собой доисторическую воду. Прошли века с тех пор как вода ушла, и они начали сходное наводнение. Начали устраиваться в тех же впадинах, строились вдоль тех же путей. Именно там, рядом с церковью Сен-Мерри, крепостью Тампль, ратушей Отель-де-Виль, рядом с торговыми рядами Лез Аль, кладбищем Невинных и Оперой, то есть в тех местах, откуда вода с таким трудом уходила и которые насквозь были пронизаны потоками и протоками подземных вод, люди тоже в самой полной мере пропитали собой землю. Самые насыщенные и самые деятельные кварталы возникали на стародавних болотах». Jules Romains: *Le 6 octobre*⁵⁵.

[С 9, 1]

Бодлер и кладбища: «Ночами за высокими домами, у Монмартра, Монпарнаса, на Менильмонтан ему грезятся городские кладбища, три других града в громадном городе, с виду они поменьше града смертных, поскольку последний их заключает в себе, но в действительности они гораздо более просторные, более густонаселенные — со всеми этими узкими клетями, этажами уходящими в глубину; и даже в тех местах, где сегодня циркулирует толпа, например сквер Невинных, он воссоздает древние оссуарии, погребенные или канувшие в небытие, поглощенные потоками времен вместе со всеми своими мертвецами, наподобие кораблей, которые затонули вместе со всей командой». François Porché: *La vie douloureuse de Charles Baudelaire*⁵⁶.

[С 9, 2]

Параллельные места в оде «К Триумфальной арке». Обращение к человеку:

А города твои, столпотворения монументов,
Что разом говорят на свете обо всем,
Что толку в них — арках, башнях, пирамидах?
Ничуть не удивлюсь, когда лучами влажными
Заря снесет их как-то спозаранку, смешав
с шалфеем и зернышками тмина.

55. Romains J. *Le 6 octobre* // *Les hommes de bonne volonté*. P.: Flammarion, 1932. Vol. 1. P. 191.

56. François P. *La vie douloureuse de Charles Baudelaire* // *Le roman des Grandes existence*. P.: Plon, 1926. P. 186–187.

И вся твоя архитектура, многоэтажная и превосходная,
Обернется кучей щебня и разнотравья,
Где, в солнце вперившись, гадюка проворная шипит.
Victor Hugo: *Dieu-L'Ange*⁵⁷.
[С 9, 3]

Леон Доде о виде Парижа с собора Сакре-Кёр. «Мы смотрим сверху на это сборище дворцов, монументов, домов и лачуг, которые будто нарочно сгруппировались здесь в ожидании какого-то катаклизма или даже множества оных — метеорологических или социальных. Будучи обожателем возведенных на высотах святилищ, которые, с их бодрящим дыханием ветра, подстегивают мой ум и нервы, я часами смотрел на Лион с Фурвьера, на Марсель с Нотр-Дам-де-ла-Гард, на Париж с Сакре-Кёр <...> Так вот, в определенный момент я слышал в себе что-то вроде набата, причудливого предупреждения: над тремя великолепными городами витала угроза крушения, опустошения огнем или водой, кровопролития, внезапного уничтожения, наподобие пожара, выжигающего вековые леса. Но иной раз мне казалось, что они изнутри поедаются какой-то неведомой подземной тварью, которая обрушивает то какой-нибудь памятник, то квартал, то целую гряду высоких зданий <...> С высот этих лучше всего видишь именно угрозу. Агломерация и рост труда заключают в себе угрозу. Ибо человек нуждается в труде, это понятно, но у него есть и другие потребности <...> Есть потребность уединиться или присоединиться к какой-нибудь группе, потребность кричать, бунтовать, умиротвориться, подчиниться <...> Наконец, есть в нем потребность пойти на самоубийство, и в обществе, которое он строит, потребность эта оказывается гораздо более властной, нежели так называемый инстинкт самосохранения. Вот почему более всего удивляет, когда осматриваешь Париж, Лион, Марсель с высоты Сакре-Кёр, Фурвьер, Нотр-Дам-де-ла-Гард, так это то, что Париж, Лион, Марсель выжили». Léon Daudet: *Rive droite Paris*⁵⁸.

[С 9а, 1]

57. Hugo V. La Fin de Satan. Dieu//Oeuvres complètes de Victor Hugo. P.: Imprimé par l'Imprimerie Nationale; édité par la Librairie Ollendorff, 1911. Vol. 11. P. 475–476.

58. Daudet L. Rive droite Paris//Paris vécu. P.: Librairie Gallimard, 1930. Vol. 1. P. 220–221.

«У нас есть целый ряд античных описаний, начиная с Полибия и дальше, знаменитых в древности городов, в которых ряды домов стоят пустыми и постепенно рушатся, между тем как на форуме и в гимнасии пасутся стада коров, а в амфитеатре растет пшеница, из которой все еще выступают статуи и гермы. В V веке Рим был по населению равен деревне, однако в императорских дворцах еще можно было жить». Oswald Spengler: *Le declin de l'Occident*⁵⁹.

[С 9а, 2]

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-5-162-192

59. Spengler O. *Le declin de l'Occident*. P.: Gallimard, 1933. V. II, 1. P. 151. Цит. по: Шпенглер О. *Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории*. М.: Мысль, 1998. Т. 2. С. 110–111.

Время и материальность ЧТЕНИЯ

Павел Арсеньев

Павел Арсеньев. Университет Гренобль-Альпы, Гренобль, Франция; Литературно-теоретический альманах [Транслит], Москва, Россия, lartpaulars@gmail.com.

Обзор посвящен нескольким событиям, произошедшим в области изучения материальности чтения — круглому столу Высшей школы социальных исследований (*École des Hautes Études en Sciences Sociales*), состоявшемуся в библиотеке Алькасара в Марселе. Организаторы круглого стола обозначили его тему как «Время чтения» (*Le temps de la lecture*). Вторым элементом обзора стала недавняя публикация — книга Андре Фрейжомиля «Искусство браконьерства: материальная история чтения <в работах> Мишеля де Серто» (*Arts de braconner: une histoire matérielle de la lecture chez Michel de Certeau*). Материальная история чтения — зачастую воспринимаемого, скорее, как нематериальная процедура — методологически происходит из анализа дискурса Мишеля Фуко, чувствительна не только к материальности знаков, размещенных на странице, но и контекста публикации, определяющего смысл *читаемого* (а не только *написанного* и «запрограммированного» автором). Она восстанавливает в правах материальные носители текстов и рассматривает их наряду с техниками читающего тела как факторы, участвующие в развертывании процедур понимания. Материальная история чтения позволяет увидеть свой объект как эмпирическую, социальную и исторически контекстуализированную практику, задействованную в определенных сообществах — причем не только «интерпретативных», но и в таких, которые можно было бы назвать «телесно моторными».

Ключевые слова: *материальность чтения; время чтения; Мишель де Серто; Роже Шартье; Мишель Фуко; материальная библиография; материальная история книги; культура чтения.*

В СЕНТЯБРЕ 2022 года по инициативе Высшей школы социальных исследований (*École des Hautes Études en Sciences Sociales*) в Марселе проходил фестиваль социальных наук *Allez Savoir*, который в этом году носил заголовок *A contre temps*, что можно перевести как «Не вовремя», и был целиком посвящен теме времени и всевозможным формам его замедления, остановки и ускорения — в истории, современности и возможных сценариях будущего.

Один из круглых столов был посвящен «Времени чтения» (*Le temps de la lecture*) и собрал специалистов, изучающих материальность чтения: Филиппо Ронкони (Filippo Ronconi) занимается средневековым чтением и изучением рукописных книг как материальных объектов, а Кристин Беневан (Christine Bénévent) называет свою область исследований «материальной библиографией» и изучает историю книги и библиотек в Новое время. Модерировал встречу нынешний руководитель EHES и редактор журнала *Annales. Histoire, Sciences Sociales* — Этьен Анхейм (Étienne Anheim).

Чтение разворачивается во времени, но всегда делает это благодаря пространственным носителям. В древнегреческом глагол «читать» (*anágnosi*) значил узнавать/распознавать буквы, что вплоть до Средних веков было вполне нетривиальной задачей ввиду отсутствия пробелов между словами. Собственно, именно поэтому чтение вслух, то есть произнесение и тем самым распознавание слов, практиковалось столь широко, а не из-за неумения «древних людей» читать с закрытым ртом. У этого же ритуала имелись и другие причины или во всяком случае импликации: еще в эпоху Ренессанса чтение понимается как процесс, приносящий удовольствие. Вопреки сегодняшнему высокомерному отношению к чтению для удовольствия («и только») именно это было одной из задач «сеансов» чтения, причем коллективных.

По этой причине интериоризация чтения — довольно позднее изобретение и к тому же не безоговорочно положительное, если оно лишило эту практику устойчивой связи с удовольствием и коллективностью или во всяком случае диверсифицировало разные типы чтения. Новый тип чтения — безмолвный и уединенный — связан со схоластикой и может быть назван «ученым» (*lecture savant*), однако наряду с ним по-прежнему существуют иные режимы чтения, один из которых продолжает связывать чтение с публичной речью и, следовательно, с участием в политике. Что пре-

жде практически неизбежно подразумевало практику «взятия слова» на публике, а риторику ставило довольно высоко в иерархии практических наук. Таким образом «ученое» чтение было в основном уделом «идиотов», то есть тех, кто в греческом смысле слова *idiōtēs* удалялся от политической жизни и публичной речи. Еще одной областью, в которой по-прежнему применялось «диафрагматическое» чтение, была литургия, которая темперировала социальное время по дням недели или часам дня.

Интерioriоризированное чтение с момента своего возникновения не перестает завоевывать уже имеющиеся социальные практики и изобретать новые культурные техники. Так, одна из них — индекс — позволяет экономить время даже в рамках этого типа чтения. Как выразился составитель каталога Венской библиотеки в ответ на удивление о том, как же он ориентируется во всем многообразии представленных наименований, он «просто не читает книг (только каталог)». По подсчетам библиографов Национальной французской библиотеки (*Bibliothèque Nationale Française*) — для прочтения всех представленных в ней изданий человеку понадобилось бы 150 миллионов лет. И давление этого объема текстов, постоянно только возрастающего, требует изобретения еще более слепых режимов чтения или «перемещения» по массиву данных, изобретения новых культурных техник, аналогичных изобретению индекса.

Изменение режимов и «времени» чтения (длительности, регулярности, фрагментарности) определяло и изменение его материальности, то есть формы и устройства носителей. Наиболее древнее чтение и обуславливающие его устройства требовали двойной мануальной активности — разворачивания и сворачивания свитка (причем горизонтально, а не вертикально, как полагают в Голливуде), что делало книгу чем-то напоминающей современную газету (или чтение книги — напоминающим чтение газеты). Требования такой материальности чтения касались и чисто композиционного устройства (пара)текстуальности: заголовок рукописи, составлявшей содержание свитка, располагался в конце, и лишь потом он мигрирует в начало или туда, что впоследствии будет называться обложкой.

Только освобождение одной из рук (ранее сворачивавшей или разворачивавшей края свитка), произошедшего благодаря появлению новой формы носителя — кодекса, дает рождение пометкам на полях, или *scholia*, — технике, что до сих пор несет в своем названии принадлежность к эпо-

хе схоластики и тем самым дает датировку времени своего возникновения. Помимо возможности оставлять пометки на полях, вскоре ставших культурной привычкой, «антропология» чтения кодекса отличалась особенной синкопичностью или прерывистостью, которая наряду с пометками работала на трансформацию практики чтения в направлении более диалогической по отношению к тексту.

Если материальность кодекса продуктивно расщепляла время чтения, это отнюдь не значит, что все последующие трансформации будут вести к равно знаменательным следствиям. С появлением новых видов перемещения в пространстве появляются и новые форматы чтения и «транспортировки воображения» (*transport* во французском языке, кроме очевидного, имеет значение живой эмоции, страстного, иногда религиозного, чувства, которое движет, ведет человека, переживающего его). Так, к примеру, французское издательство *Hachette*, возникшее тогда же, когда и далекий предшественник «Национального общества французских железных дорог» (*Société Nationale des Chemins de fer Français*, SNCF), изобретает формат и объем издания, содержание которого вскоре получит название «привокзальной литературы» (*littérature de la gare*). А уже в 1924 году Борис Эйхенбаум жаловался на то, что «„железнодорожная“ литература перешла со станции в город»¹, вероятно, имея в виду именно такие книги, которые можно успеть прочитать во время путешествия по классическому литературному маршруту из Петербурга в Москву. Сегодня же издатели по-новому дробят время чтения, производя продукцию, членение которой на отдельные фрагменты соответствует ритму метро.

Наконец, внимательное изучение материальности чтения и истории книги позволяет поколебать некоторые мифы о чтении как об исключительно привилегированном занятии. Так, к примеру, довольно сложно определить процент грамотных граждан в Древней Греции — он колеблется от 20 до 80%, поскольку для участвующих в политической жизни людей и даже для ораторов умение читать было отнюдь не обязательным условием — это занятие вполне естественным образом делегировалось рабам. Вплоть до Средних веков такие антропоморфные аудиокниги делали чтение, скорее, технической процедурой и подсобной операцией — по отношению к «коммерции идей» или композиции слов. В XIX веке гра-

1. Эйхенбаум Б. В поисках жанра // Русский современник. 1924. № 3. С. 229.

мотность граждан становится политическим эффектом Просвещения, но далее чтение как культурная практика расщепится на отдельные поля и этажи, так что уже Чернышевский будет определять задачу своего романа как изложение идей для «тех, кто не читает ничего кроме романов».

Искусство браконьерства, или Чтение другого чтения

Одной из наиболее обязательных референций в случае обсуждения материальной истории чтения является имя Мишеля де Серто, который крайне скупо переводился на русский язык², притом что во французском интеллектуальном мире его наследие обладает неизменной притягательностью. На сегодняшний день чтение самого Серто может становиться объектом описания, что и является случаем, разбираемым ниже. Андре Фрейжомиль не так давно выпустил монографию под соблазнительным заголовком «Искусство браконьерства: материальная история чтения в работах Мишеля де Серто»³.

Автор применяет браконьерское чтение к корпусу работ самого де Серто (что можно было бы жанрово определить как «оммаж-атака»), который в течение всей его жизни находился в движении, более приличествующем поэтам⁴,

2. Серто М., де. Сад: блажь и блаженство Хиеронимуса Босха // Художественный журнал. 1996. № 13 (из его книги «Баснословие мистиков»); Он же. Сотворение места // Сегодня. 1996. № 165; Он же. Искажённый голос // Новое литературное обозрение. 1997. № 28 (последние два источника представляют собой две главы из книги «История как письмо»); затем еще две главы из первого тома «Изобретения повседневности»: Он же. Хозяйство письма // Новое литературное обозрение. 1997. № 28; Он же. Голос в кавычках // Ex Libris ИГ. 1998. № 8). Далее: Он же. Общее место: обыденный язык // Неприкосновенный запас. 2007. № 4; Он же. Призраки в городе // Неприкосновенный запас. 2010. № 2; Он же. Историографическая процедура // Неприкосновенный запас. 2014. № 3; Он же. По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 2. И наконец, введение к монографии «История как письмо»: Он же. Разновидности письма, разновидности истории // Логос. 2001. № 4. После этого вышел перевод книги де Серто: Он же. Искусство делать // Изобретение повседневности. СПб.: Издательство Европейского университета, 2013. Т. 1., а также наш перевод введения к политическим эссе де Серто: Он же. Взятие речи // Транслит. 2013. № 13.

3. Freijomil A. G. Arts de Braconner: une Histoire Matérielle de la Lecture chez Michel de Certeau. P.: Classiques Garnier, 2020.

4. Ср., к примеру, замечания о перманентном процессе переписывания своих ранних текстов Аркадия Драгомощенко: «Палимпсест в случае Драгомо-

и осложнялся материальной историей самих текстов — местом публикации, редакторскими вставками и т. д. Напряжения, существующие между *стратегиями письма* и *тактиками чтения* (именно таков, по де Серто, удел пользователей текста), разворачиваются между постоянством книги как материального объекта (макета) и возможностями, открывающимися перед изобретательностью «браконьерствующим» читателям.

«Поэтика чтения», «читательский палимпсест» и тому подобные формулировки, используемые Фрейжомилом, набрасывают на операцию чтения категориальную сетку — как и полагается браконьерам, — применяемую обычно к описанию создания текстов или творчеству как таковому (*poëien*). Таким образом, чтение описывается как сотворчество, что неизбежно модифицирует сами категории дескриптивной поэтики и интерпретации текста (как стабильного объекта). Так, к Серто — читателю, переводчику, публикатору текстов французских иезуитов XVI–XVII веков, а также автору собственных текстов, автор этого исследования применяет техники классической экзегезы. Сперва — историческое прочтение в контексте времени и места издания. Затем — типологическое чтение и только после этого — чтение *морфологическое*, которое внимает жестам и следам практик предшествующего чтения (подчеркивания, заметки на полях и вложенные в книгу «чужеродные» листки). Наконец, в самом конце следует *генеалогическое* чтение, реконструирующее цепочки модификаций текста, действительно менявших его смысл. Для автора обсуждаемой монографии филология оказывается *искусством чтения (другого) чтения*.

Материальная история чтения — казалось бы, довольно нематериальной процедуры, хотя и всегда опирающейся на материальные носители — методологически происходит, по мнению Роже Шартье, из анализа дискурса, предложенного Мишелем Фуко (к нему же возводит свой метод медиаанализа и Фридрих Киттлер⁵). Она так же внимательна к материальности, но уже не только знаков, напечатанных

щенко не сводится к интертекстуальности — во-первых, он писал не только на полях, поверх чужих текстов, но и постоянно переписывал, видоизменял собственные. Безостановочный процесс, *work in progress*, в котором угадывается одержимость темпоральностью акта письма, трансформирующего пишущего». См. в: Скидан А. Сыр букв мел. СПб.: Jaromír Hladík press, 2019.

5. Kittler F. Discourse Networks 1800–1900. Stanford: Stanford University Press, 1990.

на странице, но и контекста публикации, определяющего смысл *читаемого* (а не только *написанного* и «запрограммированного» автором). Как сказали бы формалисты, эту дисциплину интересует не только литературный (текстовый) ряд, но и его корреляции с *параллельными рядами* — или во всяком случае *рядами прилегающими*, как можно было бы определить материальность текстуального носителя. Приведем простой пример, демонстрирующий эвристику такого материально чувствительного прочтения классической статьи.

В своей статье «Язык нашей газеты» Григорий Винокур провозглашает перспективу изучения «значения газеты как специального факта литературного порядка»⁶, что было довольно необычно и даже вызывающе в контексте формалистского призыва к спецификации литературы и поэтического языка как того, что *par excellence* только и заслуживает спецификации. Это может показаться случайной фразеологической переключкой эпохи, но, возможно, это тот самый случай, когда просто быть знакомым с содержанием текста филологу недостаточно и необходимо быть осведомленным о материальном контексте высказывания Винокура, то есть стать материальным историком. Дело в том, что эта статья в последнем выпуске ЛЕФа идет сразу после знаменитой статьи Юрия Тынянова «Литературный факт», что, очевидно, не могло не сказываться на ее восприятии читателем. Как довольно близкий редакции автор, Винокур мог быть осведомлен о композиции этого выпуска, если начал первую главку своей работы со слов: «Значение газеты как специального факта литературного порядка у нас еще совершенно не выяснено»⁷. Винокур хочет заземлить «бесплодные дискуссии о литературных качествах наших газет» на какую-то материальность, но не нащупывает никакой другой, кроме материальности языка. Ему приходилось наткнуться на уже опробованные ходы ОПОЯЗа, он фактически повторяет слова Тынянова о газете как «литературном факте», как бы присоединяясь к предложенной в предшествующей статье ЛЕФа теоретической перспективе своим прикладным исследованием о языке газеты. И все же налицо немалый сдвиг, поскольку с периферией культуры языка, которая всегда служила лишь фоном для выделения драгоценных фигур поэтической речи, Винокур намеревается

6. Винокур Г. Язык нашей газеты // ЛЕФ. 1924. № 2. С. 117.

7. Там же. С. 117.

проделать *то же самое* — определить особенности «газетного языка как специфической речи»⁸.

Такое прочтение можно назвать сильным в том смысле, что оно приближается к *переписыванию*, но в этом же отличается от постструктуралистского фантазматического считывания, опирается не столько на промискуитет означающих, сколько на их материальные следы и, будучи внимательно к материальной культуре существующих текстов, их бытованию или даже, если угодно, *быту*, позволяет сказать что-то новое об их значении. Если язык как система для многих на излете долгой истории (пост)структурализма и формализма представлялся тюрьмой⁹, то чтение книги, понятое как процедура, может открывать непринужденную сторону взаимодействия с текстовым массивом или даже оказываться практикой свободы. Как признается Фрейжомиль, рассказывая о своем знакомстве с текстами Мишеля де Серто, в период поиска интеллектуальной и институциональной принадлежности, он и сам избегал чтения в библиотеке и предпочитал владеть читаемыми книгами, поскольку обожал подчеркивать и оставлять глоссы. Для историка материальности чтения подобное обстоятельство обладает решающим характером и поводом для рефлексии над собственной исследовательской практикой.

С позиций де Серто столь важным будет и то, что его собственные тексты не только имели определенную текстологическую судьбу, которую можно проследить по журнальным публикациям, но и определенную судьбу своей циркуляции, поскольку задействовали иезуитскую *de facto* сеть распространения, сохраняющую свою инфраструктуру вплоть до середины XX века¹⁰. Не менее, чем суще-

8. Там же. Подробнее об очерках «лингвистической технологии» Винокура на подступах к теории материальной культуры речи см.: Арсеньев П. От словотворчества к словостроительству: Винокур, Платонов, Третьяков в дискурсивной инфраструктуре авангарда // Новое литературное обозрение. 2022. № 1.

9. См. знаменитую по крайней мере своим заголовком книгу: Jameson F. The Prison-House of Language. A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism. Princeton: Princeton University Press, 1972. Ср. не менее знаменитую бартовскую квалификацию языка (грамматической системы) как фашиста, свидетельствующую об аналогичной усталости от текстоцентричных подходах внутри самого (пост)структурализма: «...язык, как перформация всякой языковой деятельности, не реакционен и не прогрессивен; это обыкновенный фашист, ибо сущность фашизма не в том, чтобы запрещать, а в том, чтобы понуждать говорить нечто». См. в: Барт Р. Лекция // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 549.

10. Это замечание заставляет задаться вопросом: не были ли в свое время организованы аналогичные дискурсивные сети русского авангарда или мо-

ствование ордена во времена студенческих протестов 1968 года (а Серто был тем, кто связывал эти контексты), примечателен тот факт, что и тогда, в XVI веке, когда возникла мощная медиакорпорация иезуитов, она способствовала обнаружению медиа- и институциональной чувствительности своих участников и даже культивировала их. По этой причине «то, что представляется нам в литературе неопостижимым достижением одиночки, является в значительной мере результатом работы такой организации, которую мы можем охарактеризовать как превосходно оснащенное совершающее стратегические операции медиапредприятие»¹¹. Предприятие обозначалось с тех пор и вплоть до XX века на форзацах в скобках сразу следом за именем автора — в точности как сегодня академическая аффилиация: [Societas Jesu]¹².

Серто жил в эпоху сравнительно критического настроя французских интеллектуалов по отношению ко всякому религиозному призванию, что не мешало ему ассоциировать себя и с первыми, и с иезуитским орденом, — это позволяет Фрейжомиллю даже говорить о «иезуитской поэтике» текстов де Серто. И если уж принадлежность к ордену учит перенаправлять во всяком случае часть авторских заслуг коллективному предприятию, объяснимы и импликации этой иезуитской поэтики, размывающей устойчивые категории авторства. Наконец, аргентинец по рождению, Фрейжомиль не может не связать стиль этого апостола браконьерского чтения и материальности книги с Борхесом, также испытывавшим все искушения заядлого «перечитывателя» и «переписывателя»: путать цитирование с упоминанием, чтение — с письмом (коль скоро они приносят сопоставимое удовольствие от текста).

Одним из выводов Фрейжомилля является то, что де Серто предпочитал журналы как место первых публикаций

сковского концептуализма, возможно, существующие и сохраняющие свою власть до сих пор и позволяющие циркулировать именам, идеям и публикациям?

11. Цилински З. Археология медиа: о «глубоком времени» аудиовизуальных технологий. М.: Ad Marginem, Музей современного искусства «Гараж», 2019. С. 177.

12. К истории этого предприятия питает пристальный интерес и симпатию, например, такой современный медиатеоретик, как Зигфрид Цилински, и именно ее институциональные следы он ищет в исследованиях интересующих его сюжетов. См. об этом подробнее главу «Иезуитская аффилиация» в рецензии на «Археологию медиа»: Арсеньев П. Новых медиа не было — 2 // Кинема. 2021. № 2.

своих текстов. Еще одним — уже упомянутое постоянное вторичное использование своих текстов. Все это заставляет автора прочесть именно первые версии текстов де Серто, где бы они ни появлялись и, следовательно, определить первоначальный контекст восприятия читателем, а то и самим автором этих текстов.

Наконец, материальность «письмен» оказывается неотделимой частью гносеологии, в которой знание является не абстрактной *entité*, но продуктом моторного опыта чтения и письма. Де Серто сделал из чтения активность столь же практическую, сколь и объективируемую для стороннего (или позднейшего) наблюдения. Такая исследовательская позиция сближается с медиатехнической чувствительностью или фигурой институционального критика литературы (фигура которого при более благоприятных обстоятельствах уже давно могла бы родиться на отечественной сцене из духа интереса к позднему формализму).

Такой случай, когда эмпирический опыт чтения ориентирует самого теоретика на производство собственных текстов, может быть противопоставлен «дальнему чтению» Франко Моретти, ориентированному, скорее, на создание филологической инфографики, что оказывает ретроактивное воздействие на самого читателя — или уже зрителя? — больших данных. Если Моретти мог бы сказать «я уже не читал это или это было чтение-просматривание особого типа», то Фрейжомиль так никогда не сформулировал бы свою задачу. Он тоже настроен на эмпирическую филологию, но только в его случае это приводит не к количественному анализу текстов, сведенных к массиву больших данных, а к чему-то вроде качественного эмпирического метода обращения к текстам, что и формулирует исследовательское внимание вокруг институциональной стратегии (инкорпорирования прочитанного в написанное).

Этот же качественный подход заставляет кибернетической в конечном счете стихии текстуальности и термину *переписывание* предпочесть термин *использование*, который сближает техники чтения/письма с потреблением других культурных благ или даже товаров/услуг (ср. пользовательский акцент в «Изобретении повседневности» Серто). Это позволяет избежать «замыкания в тексте» (в чем видел риск структурализма Бахтин) и заключения в «тюрьму языка» (Джеймисон), другими словами, библиоцентризма, которым грозит любая скриптуральная система.

Для де Серто практика письма-чтения — это «конкретная практика, которая разворачивается на белизне страницы и позволяет сконструировать текст, имеющий власть над внеположным ему внешним миром, от которого он сперва изолируется»¹³. Здесь, помимо 1) маллармеанской «белизны страницы» и 2) операций по производству текста, появляется еще один момент — изменение реальности. «Остров страницы — место, где происходит инверсия индустриальной цивилизации»¹⁴, интериоризирует то, что было снаружи и вырабатывает «инструменты апроприации внешнего»¹⁵. Отметим, что в отличие от «ремесленных форм повествования», воспеваемых Беньямином на примере прозы Лескова¹⁶, Серто создает поэтику (поздне)индустриального чтения и письма.

Наконец, раз уж речь зашла об «островах» и путешественниках, удерживающих топографический горизонт чтения, можно вспомнить утверждение де Серто о том, что «книга — это публичное место, которое пересекается читателями, этими близкими чужаками»¹⁷. Эту метафору можно сравнить с той метонимией чтения и публичных пространств, из которой Хабермас собирает машину Просвещения, однако ближе, чем с универсальной прагматикой и теорией возникновения буржуазной публичной сферы, практика чтения де Серто сближается с парадоксальной прагматической теорией искусства Тьерри де Дюва, у которого именно «зрители делают картины» (Дюшан)¹⁸. Точно так же, по де Серто, книги делают читатели, то есть пользователи текстов.

Ловушка риторических приемов формализма и тактик ведения диалогической речи постформализма, аргументативных операций прагматизма или «дискурсивных технологий» постструктурализма, как правило, сводит-

13. Certeau M., *de. Arts de faire*//L'invention du quotidien. P.: Union Générale d'Éditions, 1980. Vol. 1. P. 235.

14. Ibid. P. 236–237.

15. Ibid.

16. См.: Беньямин В. Рассказчик. Размышления о творчестве Николая Лескова//Маски времени. Эссе о культуре и литературе. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 383–418.

17. Certeau M., *de. Op. cit.* P. 237.

18. См.: Дюв Т., *де. Живописный номинализм. Марсель Дюшан, живопись и современность.* М.: Издательство Института Гайдара, 2012, а также нашу рецензию на эту книгу: Арсеньев П. Как совершать художественные действия при помощи слов: прагматическая теория искусства Тьерри де Дюва//Логос. 2015. № 4.

ся к тому, что рассказ симулирует свое отсутствие («читатель верит, что узнает о событиях, рассказывающих самих себя»). Именно это и побуждает методологически переместиться из порядка дискурса (Фуко) к порядку книги (Шартье). Выходит нечто вроде эмпирической науки о текстах, или, точнее, науки о письме-и-чтении, которая учитывает не только «трансфер идей», но и материальные следы рецепции, и жесты чтения, обычно меркнувшие — в глазах исследователя — благодаря избыточности авторской риторической жестикуляции. Материальная практика чтения подразумевает не только «схватывание смысла» или знакомство с текстом (в зависимости от методологического темперамента исследователя), но и вхождение в контакт с переплетом, бумагой, типографской краской определенного типа — превращение чтения в опыт перцепции, а не только рецепции информационного массива¹⁹. Чтение — это эмпирическая, социальная и историческая практика, культивируемая в определенных сообществах, — и далеко не только «интерпретативных», но и в таких, которые можно было бы назвать «моторными».

Библиография

- Арсеньев П. Как совершать художественные действия при помощи слов: прагматическая теория искусства Тьерри де Дюва // *Логос*. 2015. № 4. С. 225–234.
- Арсеньев П. Новых медиа не было — 2 // *Кинема*. 2021. № 2.
- Арсеньев П. От словотворчества к словостроительству: Винокур, Платонов, Третьяков в дискурсивной инфраструктуре авангарда // *Новое литературное обозрение*. 2022. № 1. С. 34–61.
- Барт Р. Лекция // *Избранные работы: Семиотика: Поэтика*. М.: Прогресс, 1989. С. 545–573.
- Беньямин В. Рассказчик. Размышления о творчестве Николая Лескова // *Маски времени. Эссе о культуре и литературе*. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 383–418.
- Винокур Г. Язык нашей газеты // *ЛЕФ*. 1924. № 2. С. 117–140.
- Дюв Т., де. Живописный номинализм. Марсель Дюшан, живопись и современность. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.
- Серто М., де. Сад: блажь и блаженство Хиеронимуса Босха // *Художественный журнал*. 1996. № 13. С. 26–33.
- Серто М., де. Сотворение места // *Сегодня*. 1996. № 165.
- Серто М., де. Голос в кавычках // *Ex Libris НГ*. 1998. № 8.
- Серто М., де. Искаженный голос // *Новое литературное обозрение*. 1997. № 28.
- Серто М., де. Историографическая процедура // *Неприкосновенный запас*. 2014. № 3.

19. Что в конечном счете идет на пользу и чисто текстовым потребностям, позволяя, к примеру, вспомнить, в какой части страницы находится запомнившееся место, и благодаря этому быстрее его найти.

- Серто М., де. Общее место: обыденный язык//Неприкосновенный запас. 2007. № 4.
- Серто М., де. По городу пешком//Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 2.
- Серто М., де. Призраки в городе//Неприкосновенный запас. 2010. № 2.
- Серто М., де. Разновидности письма, разновидности истории//Логос. 2001. № 4.
- Серто М., де. Хозяйство письма//Новое литературное обозрение. 1997. № 28.
- Серто М., де. Взятие речи//Транслит. 2013. № 13.
- Серто М., де. Искусство делать//Изобретение повседневности. СПб.: ЕУСПБ, 2013. Т. 1.
- Скидан А. Сыр букв мел. СПб.: Jaromír Hladík press, 2019.
- Цилински З. Археология медиа: о «глубоком времени» аудиовизуальных технологий. М.: Ad Marginem, Музей современного искусства «Гараж», 2019.
- Эйхенбаум Б. В поисках жанра//Русский современник. 1924. № 3.
- Certeau M., de. Arts de faire//Idem. L'invention du quotidien. P.: Union Générale d'Éditions, 1980. Vol. 1.
- Freijomil A.G. Arts de Braconner: une Histoire Matérielle de la Lecture chez Michel de Certeau. P.: Classiques Garnier, 2020.
- Jameson F. The Prison-House of Language. A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism. Princeton: Princeton University Press, 1972.
- Kittler F. Discourse Networks 1800–1900. Stanford: Stanford University Press, 1990.

Time and the Materiality of Reading

Pavel Arseniev. Université Grenoble Alpes (UGA), France; literary-theoretical magazine [Translit], Moscow, Russia, lartpaulars@gmail.com.

This review is devoted to several events that took place in the field of the study of the materiality of reading at the round table of the Higher School of Social Research (*École des Hautes Études en Sciences Sociales*), held at the Alcazar Library in Marseille. The organisers of the round table designated its topic as “Reading Time” (*Le temps de la lecture*). The second element of the review was the recent publication of a book by André Freijomil “Art of the Poacher: a Material history of reading according to Michel de Certeau” (*Arts de braconner: une histoire matérielle de la lecture chez Michel de Certeau*). The material history of reading, an activity rather perceived as immaterial, comes methodologically from analysis of Michel Foucault’s discourse. As such it is sensitive not only to the materiality of the signs placed on the page, but also to the context of the publication that determines the meaning of what is being *read* (and not only *written* and “programmed” by the author). It restores the rights of the material bearers of texts and considers them, along with the techniques of the body-at-reading, as factors involved in the deployment of procedures of comprehension. The material history of reading allows us to see our object as an empirical, social and historically contextualised practice involved in certain communities—not only “interpretative” communities but also in those that could be called “motor”.

Keywords: *materiality of reading; reading time; Michel de Certeau; Roger Chartier; Michel Foucault; material bibliography; material history of the book; culture of reading.*

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-5-193-208

References

- Arseniev P. Kak sovershat' khudozhestvennyye deistviya pri pomoshchi slov: pragmatischeeskaya teoriya iskusstva T'erri de Dyuva [How to Perform Artistic Actions With Words: Thierry de Duve's Pragmatic Theory of Art]. *Logos. Filosofsko-literaturnyy zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2015, no. 4, pp. 225–234.
- Arseniev P. Novyykh media ne bylo – 2 [We Never Had New Media]. *Kinema* [Cinema], 2021, no. 2.
- Arseniev P. Ot slovotvorchestva k slovostritel'stvu: Vinokur, Platonov, Tret'yakov v diskursivnoi infrastrukture avangarda [From Word-making to Word-production: Vinokur, Platonov, and Tretyakov in the Discursive Infrastructure of the Avant-Garde]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2022, no. 1, pp. 34–61.
- Barthes R. Lektsiya [Lecture]. *Izbr. raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics], Moscow, Progress, 1989, pp. 545–573.
- Benjamin W. Rasskazchik. Razmyshleniya o tvorchestve Nikolaya Leskova [The Storyteller. Reflections on the Works of Nikolai Leskov]. *Maski vremeni. Esse o kul'ture i literature* [The Masks of Time: Essays on Culture and Literature], Saint Petersburg, Simpozium, 2004, pp. 383–418.
- Certeau M., de. Arts de faire. In: *L'invention du quotidien*, Paris, Union Générale d'Éditions, 1980, vol. 1.
- Certeau M., de. Golos v kavychkakh [Les voix entre guillemets]. *Ex Libris NG* [Ex Libris Nezavisimaya Gazeta], 1998, no. 8.
- Certeau M., de. Iskazhennyi golos [La parole de la possedee]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 1997, no. 28.
- Certeau M., de. Iskusstvo delat' [Arts de faire]. *Izobretenie povsednevnosti* [L'invention du quotidien], Saint Petersburg, EUSPh, 2013, vol. 1.
- Certeau M., de. Istoriograficheskaya protsedura [L'opération historiographique]. *Neprikosnovennyi zapas* [Reserve Stock: Debates on Politics and Culture], 2014, no. 3.
- Certeau M., de. Khozyaistvo pis'ma [L'économie scripturaire]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 1997, no. 28.
- Certeau M., de. Obscheye mesto: obydenyyi yazyk [Un lieu commun: le langage ordinaire]. *Neprikosnovennyi zapas* [Reserve Stock: Debates on Politics and Culture], 2007, no. 4.
- Certeau M., de. Po gorodu peshkom [Marches dans la ville]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2008, vol. 7, no. 2.
- Certeau M., de. Prizraki v gorode [Les revenants de la ville]. *Neprikosnovennyi zapas* [Reserve Stock: Debates on Politics and Culture], 2010, no. 2.
- Certeau M., de. Raznovidnosti pis'ma, raznovidnosti istorii [L'écriture de l'histoire]. *Logos. Filosofsko-literaturnyy zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2001, no. 4.
- Certeau M., de. Sad: blazh' i blazhenstvo Khieronimusa Boskha [Le Jardin: Délires et Délices de Jérôme Bosch]. *Khudozhestvennyi zhurnal* [Moscow Art Magazine], 1996, no. 13, pp. 26–33.
- Certeau M., de. Sotvorenie mesta [La création d'un lieu]. *Segodnya* [Today], 1996, no. 165.
- Certeau M., de. Vzyatie rechi [La prise de parole]. *Translit*, 2013, no. 13.
- Duve Th., de. *Zhivopisnyi nominalizm. Marsel' Dyushan, zhivopis' i sovremennost'* [Nominalisme pictural. Marcel Duchamp la peinture et la modernités], Gaidar Institute Press, 2012.
- Eichenbaum B. V poiskakh zhanra [In Search of Genre]. *Russkii sovremennik* [Russian Contemporary], 1924, no. 3.
- Freijomil A. G. *Arts de Braconner: une Histoire Matérielle de la Lecture chez Michel de Certeau*, Paris, Classiques Garnier, 2020.

- Jameson F. *The Prison-House of Language. A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism*, Princeton, Princeton University Press, 1972.
- Kittler F. *Discourse Networks 1800–1900*, Stanford, Stanford University Press, 1990.
- Skidan A. *Syr bukv mel* [Cheese Letters Chalk], Saint Petersburg, Jaromír Hladík press, 2019.
- Vinokur G. Yazyk nashei gazety [The Language of Our Paper], *LEF*, 1924, no. 2, pp. 117–140.
- Zielinski S. *Arkheologiya media: o “glubokom vremeni” audiovizual’nykh tekhnologiy* [Archäologie der Medien: zur Tiefenzeit des technischen Hörens und Sehens], Moscow, Ad Marginem, Garage, 2019.